

УДК 33
ББК 65.93
В26

ПОСВЯЩАЕТСЯ УОКЕРУ ПИРСУ

Предисловие

ИЗОБРЕТЕНИЕ ДЕНЕГ

Деньги — одна из потрясающе простых идей всех времен... они создают свою собственную революцию.

Поль Дж. Боханнан

Доллар умирает, так же как иена, марка и другие национальные валюты современного мира. Наша глобальная монетарная система поражена смертельным вирусом, и, поскольку она уже серьезно ослаблена, это только вопрос времени, когда она окончательно рухнет. Доллар, марка и иена присоединятся к дукату, морским раковинам и гинее в корзине истории как вещи, представляющие интерес прежде всего для антикваров, эксцентричных людей.

На нынешнем этапе истории, когда деньги доминируют в нашем обществе, они сталкиваются с некоторыми странными и зловещими симптомами. В последние декады двадцатого века глобальная монетарная система начала кашлять и трещать, дергаться и спотыкаться. Валюты некоторых наиболее слабых стран неожиданно захирели и скончались в пароксизме инфляции, в то время как обменные курсы наиболее сильных и устойчивых валют пошатнулись и бесконтрольно устремились в том или ином направлении. После своего правления в качестве важнейших в мире со времен эпохи Возрождения финансовых институтов банки дрогнули и рухнули в результате потерь миллиардов долларов, которые, казалось, необъяснимо случились за один день. Соединенные Штаты продолжали возиться с увеличивающимся национальным долгом, растущим торговым дисбалансом, эпизодическими приступами инфляции и долговременными падениями курса доллара. Несмотря на неуклюжее, но мощное вмешательство на разных уровнях, ни одно правительство, кажется, не в

даек №ealkeз{oz<1

THE H18T0KY OP MCЖЕУ

ТЪе 81гнее1е Оуег Монеу
Ггот 8апаз1опе 1о СуБегврасе

Перевод с английского
Т. Сулицкой, И. Сиснёва

Разработка оформления художника
И. Марева

Перевод опубликован по соглашению с СГОУУП РибНБегз, Inc.
и литературным агентством «Синописис»

Везерфорд Дж.

В26 История денег: Борьба за деньги от песчаника до киберпространства / Дер. с англ. Т. Сулицкой, И. Сиснёва. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. — 320 с.

ISBN 5-275-00258-0

Эта книга рассказывает об эволюции денег. Живые деньги, деньги-товары, шоколадные деньги... железные, бумажные, пластиковые деньги... Как и зачем они были придуманы, как изменялись с течением времени, что делали с ними люди и что они в итоге сделали с людьми?

УДК 33
ББК 65.93

ISBN 5-275-00258-0

СоруеЫ © 1997 Бу Ласк МсБрег \YealBer10Г1
© Т. Сулицкая, И. Сиснёв, перевод, 2001
© ТЕРРА—Книжный клуб, 2001

состоянии контролировать свою собственную валюту, а новые финансовые институты опутали весь земной шар сетью взаимосвязанных деловых отношений, которая обладает силой невиданной прежде в истории. Предполагается, что такие глобальные агентства, как Международный валютный фонд, Организация Объединенных Наций и Мировой банк выглядят несовместимыми по финансам с любыми более слабыми игроками, которые уже получают международные дотации.

Несмотря на тревожную ситуацию, кончина нынешнего монетарного порядка не приведет ни к концу коммерции, ни к смерти денег. Даже когда старая система в перспективе будет стоять на пороге смерти, мы сможем увидеть поднимающуюся над горизонтом новую систему, которая заменит прежнюю. Мы сможем увидеть мерцающий образ новой системы в мягком свечении компьютерного экрана и почувствовать ее едкий запах в переплетениях электрических проводов на полу любого пункта обмена валюты. Мы сможем услышать электронный стрекот кодированных микросхем на пластиковых карточках, проходящих через электронные считывающие устройства, которые уже заменяют старые кассовые аппараты. В реалиях киберпространства деньги сейчас изобретаются заново как свободно передвигающееся средство, которое может появиться мгновенно где угодно в мире и в любом количестве. Больше нет зависимости от судьбы одного из правительств или отдельной страны, новые деньги возникают в многообразии новых форм. Новые деньги — сырьевая сила.

Новая технология уже изменяет способ, с помощью которого мы зарабатываем и тратим деньги, и она создаст абсолютно новую классовую систему богатых и бедных. Новая монетарная система трансформирует способ распределения товаров и способ финансирования жизни граждан. Она реорганизует политическую карту мира и создаст новые региональные и глобальные объединения, которые сегодня даже трудно себе представить. Возникающая система изменит само значение денег.

Нынешние революционные изменения в характере и использовании денег являются третьим великим перерождением денег. Первое поколение началось с появления монет в Лидии почти три тысячи лет назад и привело к

образованию первой системы открытых и свободных рынков. Появление и распространение монет, сопровождаемые развитием рынка, породили новые системы культуры — классические цивилизации Средиземноморья. Новая монетарная и рыночная система в конце концов распространилась по всему миру и постепенно разрушила великие империи.

Второе поколение денег доминировало с начала Возрождения до индустриальной революции и вылилось в создание современной мировой капиталистической системы. Оно зародилось в банках Италии и в конце концов создало систему национальных банков и бумажные деньги, которые выпускались для использования в рутинной коммерции. Появление системы банков и бумажных денег разрушило феодализм, изменило основы устройства общества от наследственности к деньгам, изменило основу экономической власти от владения землей до владения акциями, облигациями и корпорациями.

Каждый из двух начальных типов денег создал свою собственную культуру, которая заметно отличалась от всех предшествующих. Теперь, в начале XXI века, мир вступает в третий этап монетарной истории — в эру электронных денег и виртуальной экономики. Электронные деньги произведут в обществе такие же радикальные и далеко идущие изменения, какие были совершены двумя предыдущими монетарными революциями в свое время. Новые деньги вызовут всеобъемлющие изменения в политических системах, в организации коммерческих предприятий и в характере классовой организации. Виртуальные деньги обещают создать свою собственную версию цивилизации, которая будет столь же отличаться от современного мира, как и от мира ацтеков или викингов.

Введение

МИРОВОЙ РЫНОК

Вещь, которая отличает человека от животных, — деньги.

Гертруда Стайн

Молодая мать, босая и с обнаженной грудью, торопливо вышла из глиняной хижины с привязанным на боку малышом, слегка покачивая стоящей на ее голове чашей с молоком, в котором плавали шесть яиц. Хотя солнце еще не появилось из-за горизонта, капли пота выступили на ее лице и скатывались с золотого кольца, вставленного в середину нижней губы. С кольца капли падали на грудь и блестящие декоративные шрамы на ее животе.

Каждое пятое утро она встает до рассвета чтобы проделать путь в одиннадцать миль от своей деревушки Кани Комболе в западной части африканской стране Мали до городка Бандиагар, где через каждые пять дней собирается рынок. Она спешит присоединиться к своим сестрам, кузинам и другим женщинам деревни, уже начавшим медленно подниматься на скалу, на которой расположились могилы их предков и которая является частью Откоса Бандиагара, поднимающегося на 1500 футов над плато.

По мере того как женщины, задыхаясь, карабкаются по скале, глиняные и соломенные хижины постепенно уменьшаются и становятся похожими на песчаные замки на берегу. Двух- и трехэтажные хижины, шаткие амбары с зерном, загон для коз, кажется, вот-вот расплавятся от жары с первыми лучами пронзительного тропического солнца. Женщины идут уже почти три часа. С собой они взяли только грудных детей и оставили дома детей постарше, которые еще слишком малы, чтобы проделать это путешествие самостоятельно. На голове или на спине каждая женщина несет что-то на продажу — мешочек с помидорами, небольшую связку лука, кувшин чили или мешок слад-

кого картофеля. Вокруг них постоянно жужжат мухи, привлеченные запахами. Время от времени женщины останавливаются отдохнуть на каких-нибудь больших камнях в тени редких баобабов. Они отхлебывают понемногу из молочных чаш, но отдыхать подолгу не могут. Преследуемые растущим роем насекомых, женщины молча двигаются дальше, стремясь добраться до рынка раньше своих покупателей и до наступления самой сильной жары.

Несколько впереди шагает небольшая группа мужчин с осликами, нагруженными просом так, что они похожи на шагающие стога сена. Хотя все эти путешественники из одной деревни, а зачастую — из одних и тех же семей, мужчины и женщины идут отдельными группами, у каждой из которых свои задачи.

На другой стороне земного шара в жилом доме в западной части Манхэттена молодой человек сжимая новенький кожаный портфель, который он получил в подарок в честь окончания учебы, ожидает лифт. Одетый в серый костюм, спортивные туфли и плащ, но без галстука, он входит в уже переполненный лифт. Молодой человек зажимает между колен портфель и неловко завязывает шелковый цветастый галстук, стараясь не задеть локтями соседей. Он выходит из здания и присоединяется к быстро шагающей толпе людей из соседних домов, которые направляются к станции метро. Толпа становится еще более тесной в вагонах, уносящих ее на южную часть острова, в район финансовых учреждений. Выйдя из метро, молодой человек останавливается, чтобы купить сэндвич, который он засовывает в карман, и бумажный стакан со свежесваренным эфиопским кофе, который он потягивает через дырочку в пластиковой крышке. Пять раз в неделю он проделывает это путешествие от своего дома до нью-йоркской биржи, расположенной среди самых высоких небоскребов мира.

Городок Бандиагар расположился в Сахеле, на границе южной Сахары и густых тропических лесов вдоль западного африканского побережья. Добравшись до рынка, женщины из Кани Комболе расходятся со своим товаром в разные стороны. Одна с луком направляется к грузови-

ку, на котором покупатель отправится в город. Другие, принесшие помидоры, раскладывает их на земле на по-
ясах, прикрывая свои продукты от палящего солнца не-
большими навесами из соломы, держащимися на сучкова-
тых палках. Женщина, несшая на своей голове молоко и
яйца, идет в молочный «сектор», где раскладывает яйца в
небольшой тыкве рядом с большой чашей молока. Продав
свой товар горожанам или приехавшим оптовикам, дере-
венская женщина может купить пластиковое ведро, не-
много табака, соль, несколько чашек сахара или другие
предметы роскоши для дома. Продукты питания, однако,
предназначены для жителей города, а не для нее. Несколь-
ко перезрелых бананов, привезенных из оазиса в Сахаре,
и дорогие апельсины с прибрежных ферм стоят дороже,
чем все овощи или молоко, которые она смогла принести
на рынок.

За исключением мусульманских общин, где вся обще-
ственная активность является областью деятельности муж-
чин, рынки по всей Западной Африке управляются жен-
щинами. Женщины доставляют товар на рынок и уносят
с рынка, они же ведут переговоры о покупках и прода-
жах. Большинство тех, кто приходит на рынок в качестве
продавцов или покупателей, — женщины. Хотя мужчины
могут выполнять какие-то специфические задания, дея-
тельность рынка определяют женщины и основывается она,
главным образом, на прочных узах родства, дружбе и лич-
ных знакомствах.

Несмотря на свою безграмотность и полное отсутствие
элементарного образования большинство женщин на рын-
ке Бандиагара с большим успехом торгуются, продают и
покупают. Они по бартеру обменивают продукт на про-
дукт, принимают оплату в монетах или бумажных день-
гах — часто в нескольких валютах — и могут даже обме-
нивать валюту. Хотя они не могут даже прочесть слова на
купюре, но в состоянии определить номинал различных
банкнот преимущественно по их цвету, форме, размеру и
изображениям на них. Поскольку сделки производятся
публично в присутствии других внимательных женщин,
рынок с энтузиазмом предлагает советы и помощь в каж-
дой сделке, чтобы она была проведена согласно традиции.
Женщины торгуются и занимаются бартером, зачастую

даже не зная языка друг друга. Все, что им нужно, — это
пара слов и набор жестов для обозначения числа. Сжатая
в кулак рука означает «пять», хлопок руками — «де-
сять».

Для продавщицы молока в Бандиагаре основным кон-
курентом является не такая же женщина из соседней мест-
ности, а торгующие молочными продуктами фермы Вис-
консина, Новой Зеландии и Нидерландов. Импортное мо-
локо перерабатывается в сгущенку, разливается в банки и
поставляется бесплатно в бедные страны Африки. Хотя
на банках ясно написано по-английски «не для прода-
жи», они постоянно появляются на прилавке рядом с мо-
лодой матерью из Кани Комболе. Количество банок моло-
ка, поступающее в продажу, частично зависит от эконо-
мических условий в Северной Америке, Европе и южной
части Тихого океана. Оно зависит от того, сколько моло-
ка покупают Нестле, Херши и Крафт для своего годового
производства, и от плавающего курса американского дол-
лара, голландского гульдена и новозеландского доллара
относительно французского франка, к которому привязан
западно-африканский франк Мали. Оно зависит от того,
насколько жарким выдалось лето и сколько люди по-
требляют мороженого, а также от собранного во всем мире
за год урожая соевых бобов, являющихся одним из основ-
ных конкурентов молочных продуктов. Количество банок
молока, появляющееся для продажи в Бандиагаре в каж-
дый конкретный месяц, зависит также от субсидий для
молочной промышленности и зарубежной помощи, выде-
ленной конгрессом США в Вашингтоне, от политики в
области питания, проводимой верховным комиссаром ООН
по делам беженцев в Женеве и штаб-квартирой Европей-
ского Общего рынка в Брюсселе; от программ помощи ре-
лигиозных и прочих частных благотворительных органи-
заций мира.

Когда на рынке Бандиагара подаренное стране моло-
ко в изобилии, маловероятно, что молодой матери удаст-
ся продать ее свежее молоко. Если консервированное мо-
локо исчезнет, она заработает больше денег и сможет
принести домой больше товаров. Яйца помогают ей под-
держивать относительную финансовую стабильность в
семье, поскольку зарубежные программы продовольствен-

ной помощи часто жертвуют молочные продукты, но очень редко отправляют за рубеж яйца. Обычно она продает яйца, даже в дни, когда ей и ее семье приходится самим выпить непроданное молоко, чтобы не нести его назад в Кани Комболе.

Пол на нью-йоркской бирже, похоже, замусорен так же, как земля на рынке Бандиагара. Только вместо скорлупы арахиса, кукурузных огрызков и банановых листьев пол покрыт разноцветными бумажками от финансовых сделок. Любой опытный биржевик может моментально определить уровень активности и сферу, где произошла сделка, по количеству белых и желтых листочков, накопившихся в «горячей» зоне, как кусочки керамики вокруг печи для обжига.

Холл биржи, похожий на пещеру, можно принять за высокотехнологичный сборочный автомобильный конвейер с электронными банками данных, милями голубых компьютерных проводов и мониторами на гибких подставках вроде роботов-автоматов, используемых для сборки автомобилей. Зеленые буквы на электронных табло создают легкое свечение в холодной атмосфере огромной пещеры. Несмотря на очевидный хаос на полу, активность тщательно регулируется системой цветов. Мониторы выдают последнюю финансовую информацию в мертвенном компьютерном свете; каждый работник имеет свой особенный цветной пиджак, пластиковый нагрудный значок. В зале легко обнаружить телефоны по их ярко желтому цвету. Работники в зале лениво болтают о спорте, жуют резинку или бутерброды, разбившись на группки, которые внезапно оживают и начинают подсакивать, кричать и отчаянно жестикулировать, когда выставляются акции какой-либо компании.

Хотя женщинам не возбраняется трудиться на бирже, работа здесь остается привилегией мужчин с определенно мужским стилем взаимоотношений, шумным и интенсивным. Биржевики на дне пещеры торгуются и совершают сделки для людей или институтов всего мира. В будках космического века они принимают сигналы о покупке или продаже из своих офисов, расположенных где-то поблизости в финансовом районе, а те, в свою очередь, приняли

их от своих отделений и клиентов со всего мира. В зависимости от часового пояса они могут связаться с любым финансовым учреждением на земле путем телефонного звонка и компьютерной связи.

Каждая стадия процедуры может быть совершена электронным путем до финального момента, когда покупатель встречает продавца — биржевики, стоя друг против друга на полу биржи, обговаривают детали. Не имеет значения, что один представляет бельгийца из Осаки, а другой — пенсионера-учителя из Омахи. Они могут даже не знать, где находятся Осака или даже Омаха, но в последний момент все эти сделки заканчиваются личной встречей маклера, пытающегося продать по наиболее высокой цене, с маклером, который пытается купить по наиболее низкой цене; оба действуют по поручению людей, которых они, по всей вероятности, никогда не узнают и не увидят. Те же коммуникационные линии, которые доставили сюда пожелания клиентов, в свою очередь, мгновенно передадут информацию о сделке на компьютерные мониторы по всему миру и таким образом повлияют на других игроков биржи в принятии ими решения — выйти на рынок или воздержаться от этого в данный конкретный момент.

Когда солнце опускается за горизонт и полуденная жара спадает, молодая мать забирает своего малыша, пустую молочную чашу и три ореха кола, которые она приобрела на полученные от продажи деньги. Затем она присоединяется к длинной череде женщин, уходящих из города к своим деревням и вечерним домашним обязанностям. Без тяжелого молока на голове ее ноги двигаются быстрее, и она торопится домой в Кани Комболе, где должна подоить своих коз до того, как исчезнет дневной свет.

В конце длинного дня на бирже молодой человек развязывает свой галстук и присоединяется к друзьям, чтобы попить пива и обменяться слухами, обсудить то, что произошло в этот день, и высказать предположения — куда направится рынок в последующие дни. По пути домой он прихватит какую-нибудь итальянскую еду для себя и соседа по комнате, которого не окажется дома. Поэтому он разделит свой ужин с собакой приятеля, глядя по телевизору баскетбольный матч. После еды он включит свой пор-

тативный компьютер и обновит данные о своих собственных вложениях, а также рассортирует рекламу и счета, доставленные почтой.

Молодая мать с рынка в Мали и молодой биржевой маклер в Нью-Йорке живут не в одной стране и даже не на одном континенте. Они, возможно, никогда не встретятся и не узнают о существовании друг друга. Он — ирландский католик, живущий в одном из наиболее технологически развитых, благополучных и перенаселенных городов мира; она принадлежит к религиозному племени догон и живет в маленькой деревушке без водопровода и электричества. Он пользуется наиболее развитой технологией коммуникаций, в то время как она не умеет читать и писать и вынуждена торговаться с помощью жестов. Они говорят на разных языках, живут в разных мирах и, несмотря на современные средства коммуникации, каждый из них, вероятно, с трудом поймет ценности и образ жизни другого.

И все же они объединены в одну сеть, в единую паутину взаимосвязанных институтов, опутавших земной шар и соединивших биржевые рынки Гонконга, Сан-Франциско и Нью-Йорка с Амстердамом, Лондоном и Лимой, как и со всеми маленькими городами, деревнями и фермами, рассеянными по всему миру. Такой же рынок связывает каждую страну, каждый язык, каждую религиозную и этническую группу. Когда-то в мире существовало много независимых рынков. Одни торговали молоком и бобами, другие — акциями и облигациями. Некоторые продавали страховку и будущий урожай, другие — закладные и автомашины. Сегодня электронные коммуникации эффективно связывают все эти рынки в единый международный рынок, объединяя все части света и, что не менее важно, все части рынка.

Они объединены одним — деньгами. Не имеет значения, как они их называют — доллары, рубли, иены, марки, франки, фунты, песо, рупии, баты, ринггиты, кванза, кроны, левы, эскудо, паанга, нгултрумы, кьяты, лиры, риалы, драхмы, шекели, юани, шиллинги или афгани — важно, что все они действуют в одном и том же ключе, как маленькие части международной монетарной системы, которая охватывает каждую ферму, остров и деревню

на земном шаре. Независимо от географии и вида валюты современная система позволяет легкий и быстрый перевод денег с одного рынка на другой.

Если убрать звякающие машины, электронные сигналы, видеомониторы, сотовые телефоны, компьютерные клавиатуры и мили голубого кабеля, биржа будет выглядеть точно так же, как рынок в Бандиагаре, где торговцы теснятся в своих миниатюрных киосках, настойчиво предлагая купить свои скудные товары. Будь сделка заключена на рулоны ткани, мешки специй, бруски соли, свитки дубленой кожи, чаши свежего молока или на владение небольшой части большой корпорации, базовые процедуры рынка мало чем отличаются.

Деньги создали унифицированную мировую экономику, которая включает в себя и стоимость молока и яиц на рынке Бандиагара, и цену акции на бирже в Сара Ли Фудс или компании «Пепси» на бирже в Нью-Йорке. Хотя колебания в политике, религии, технологии и даже погоде могут играть свою роль в любом из этих дел, именно деньги являются базисом всей системы и формируют решающее звено в установлении цены, обеспечивают обмен и создают коммерцию. Деньги объединяют все это в единую мировую систему. Это тот узел, который связывает всех нас.

Через сто лет бизнес торговли в Африке будет по-прежнему процветать, а биржа, возможно, исчезнет. Людям всегда будут необходимы личные контакты, чтобы обеспечить свои ежедневные жизненные потребности, но эти контакты не нужны для финансовых сделок. Электронный рынок стремительно заменяет биржевой рынок «лицом к лицу», что вряд ли ему удастся сделать с продуктами питания.

ФОРМА ДЕНЕГ

Хотя молодой американец в Нью-Йорке и молодая женщина племени догон в Мали живут в экономически объединенном мире и работают на тех же рынках, есть очевидные и важные различия в их культуре и жизни. Главным в этих различиях является роль, которую играют деньги в жизни людей племени догон, в сравнении с

ролью денег в жизни американцев. Женщина догон пользуется деньгами только каждый пятый день, когда она ходит на рынок; человек в Нью-Йорке использует деньги каждый день и порой каждый час.

Деньги играют сиюминутную роль в жизни женщины догон вне ее деревни, они редко используются внутри деревни, где взаимосвязи касаются только ее родственников и мужа. Но деньги являются неотъемлемой частью всех взаимосвязей американца в течение всего дня, от начала работы и обеда до занятий со своим компьютером вечером дома, деньги проникают в самую суть его жизни. Американский мужчина и женщина из племени догон живут в культурах с разными ценностями.

Каждая культура организует жизнь вокруг нескольких простых принципов, различных видов деятельности и верований. Другие институты и виды деятельности общества растут из этой сердцевины, как ветки из ствола дерева. Эти главные законы, институты и ценности формируют то, что Рут Бенедикт, наиболее восприимчивый американский антрополог двадцатого века, назвал «культурной конфигурацией».

Культура догон базируется на искусстве, ритуалах и мифах. Музеи по всему миру демонстрируют уникальные скульптуры, маски и головные уборы ремесленников догон. Кроме того, люди племени украшают свои глиняные хижины, одежду и тела и уделяют много времени церемониальным танцам и ритуалам, тесно связанным с их уникальной космологией и мифами. Ритуалы и искусство стали центральными формами выражения, вокруг которых и через которые строится политическая, экономическая и социальная жизнь.

Повышенное внимание племени догон к искусству — необычное явление в мировой культуре, но определенно не уникальное. Жители острова Бали в Индонезии, члены племен хопи и пуэбло в США, а также некоторые другие культуры мира также сосредоточены на искусстве, мифах и ритуалах. Однако большинство культур имеют более земные корни.

В Восточной Африке культуры и социальные системы кочевых племен фокусируются на скотоводстве. В своем классическом исследовании народа нуэр в Судане англий-

ский антрополог Е.Е. Эванс-Притчард описывает этих людей как помешанных на своем скоте. Мальчики заимствуют имена у своих любимых быков и складывают любовные песни о своем скоте. Женщины называют себя коровами, а своих мужчин — быками. Браки становятся официально признанными только после передачи коров в семью жены, а убийство должно быть возмещено и искуплено предоставлением коров семье пострадавшего. Скот — это нечто большее, чем ценность и благосостояние: коровы представляют социальную характеристику жизни народа нуэр.

Бедуины Аравии и Северной Африки сконцентрировались на верблюдах. Навахо и древние иудеи — на овцах. Индейцы с равнин Северной Америки, гаучо Южной Америки, монголы и турки Азии — на лошадях. Культурная и социальная система саами в Северной Скандинавии сосредоточена на оленях, жители племени кри в Канаде — на оленях карибу. Эта сосредоточенность — больше, чем жгучий интерес, какой испытывают американцы к машинам или японцы — к электронной технике; скорее, эти животные являются стержнем, вокруг которого создаются все культурные формы.

Древние египтяне были сосредоточены на культе смерти-похорон. Были потрачены десятилетия на строительство пирамид и других могил для фараонов, и экономическая организация всей страны была направлена на обеспечение и завершение этих гигантских проектов. В противоположность монетарным системам, где золото служило средством обмена и экономической организации, в Древнем Египте золото служило объектом для похорон. Египтяне захоронили золота и других ценностей более, чем какая-либо другая цивилизация в истории.

В центре внимания культур — не всегда животное или какой-то предмет. Культура Тибета, например, уникальная разновидность буддизма, строится на ритуалах, обрядах и медитации. Самыми большими строениями тибетцев были храмы и монастыри, которые служили центрами не только политики и экономики, но и религии и образования. До захвата Тибета китайцами страной управляли монахи, а четверть мужского населения состояла из священников.

Многие племенные общества Новой Гвинеи и Меланезии организованы вокруг политической конкуренции так называемых Больших Людей, которые организовывали свадьбы, выращивали батат и распределяли свиней. Среди папуасов эти Большие Люди обговаривали браки с тем, чтобы создать хороший союз, в котором жены могли бы выращивать батат и разводить жирных свиней, с помощью чего Большой Человек мог организовать больше союзов для себя и своих детей, которые, в свою очередь, помогали ему в культивировании батата и разведении свиней. Кульминационный момент этого цикла — мокас — праздничный пир с танцами и речами, во время которого Большой Человек раздавал столько свиней и еды, сколько мог, чтобы заключить еще больше экономических и политических союзов, и начать таким образом новый раунд свадеб, батата, свиней и мокас.

Человеческие жертвоприношения служили центральным организационным принципом империи ацтеков в древней Мексике. В ранние годы ацтеки приносили в жертву пленников, но когда они победили всех своих соседей, то столкнулись с проблемой нехватки жертв. Для решения этой проблемы они организовали церемониальные войны или войны цветов, которые преследовали единственную цель — захватить молодых мужчин для жертвоприношения. Они воздвигли массивные пирамиды для этих ритуалов и устраивали свои войны и даже игры с мячом вокруг центральных ритуалов, которые выражали суть их верований.

Нам трудно понять, как племя догон организовало свою жизнь вокруг искусства и ритуалов, племя нуэр — вокруг коров, древние египтяне — вокруг смерти, ацтеки — вокруг человеческого жертвоприношения, папуасы — вокруг свадеб, батата и свиней, но в центре их внимания оказалась жизненно важная деятельность.

Возможно, им так же трудно понять наш мир, созданный в том виде как он есть, вокруг странной абстракции, которую мы называем деньгами. Папуасы понимают, что батат и свиньи могут быть съедены. Брак приносит сексуальное удовлетворение и детей. Люди догон признают, что искусство прекрасно, а ритуалы могут быть приятной деятельностью и времяпрепровождением. В отличие от этих

форм эстетического и биологического удовлетворения деньги страдают от недостатка непосредственности; и все же в современном обществе деньги являются ключом, который дает доступ ко всем удовольствиям, равно как и ко всем бедам.

Деньги устанавливают фокусную точку современной мировой культуры. Деньги определяют отношения между людьми, не только между клиентом и торговцем на рынке или работодателем и работником на производстве. В современном обществе деньги все больше определяют отношения между родителями и детьми, между друзьями, между политиками и избирателями, между соседями, между священниками и прихожанами. Деньги формируют основные институты современного рынка и экономики, вокруг них группируются вспомогательные институты родства, религии и политики. Деньги являются языком коммерции для современного мира.

ЯЗЫК, ПОНИМАЕМЫЙ ВСЕМИ НАЦИЯМИ

Афра Бен, драматург, выросшая на Суринаме, написала в своей пьесе «Пират» в 1677 году: «Деньги говорят на языке, который понимают все нации». Деньги не только разговаривают, они оказывают влияние на любое общество, которое они завоевывают, и делают это таким образом, что подчиняют себе все другие институты и системы. Буквально с момента своего появления деньги стали самым важным фактором в западном обществе и постепенно сокрушили феодальную систему и аристократические иерархии ранних цивилизаций. По тому, как деньги распространялись в различных обществах, ясно, что их влияние кажется удивительно схожим как в древних Греции и Риме, так и в современных Японии и Германии.

Тенденция замены деньгами семейных ценностей проявилась очень рано в Японии в работах писателя XVII века Сайкаку Ихара. Он писал в то же время, что и Афра Бен, но на другой стороне земного шара; тем не менее их наблюдения за жизнью достаточно схожи: «Рождение и происхождение не значат ничего: деньги — единственное родословное древо горожанина... Хотя матери и отцы дают

нам жизнь, только деньги сохраняют ее». То, что он написал в XVII веке, отозвалось эхом в 1936 году у Гертруды Стайн, которая сказала, что «вещь, которая отличает человека от животных, — деньги».

Хотя мало что еще объединяет их культуры, деньги вызывают одни и те же чувства у поэта двадцатого века, римского философа II века и японского писателя-экономиста XVII века. Их комментарии показывают, как деньги превращаются в ключевой элемент нового и сложного типа общества, столь отличающегося от племен догон, хопи или нуэр.

Деньги оказывают большее влияние на жизнь американского мужчины, работающего на нью-йоркской бирже, нежели на жизнь женщины догон на рынке в Бандиагаре, но разница эта лишь в степени, а не в характере. Разница — количественная, а не качественная, потому что догон направляется по той же дороге, что и монетарные системы мира. Догон проделывает этот путь несколько медленнее, чем мы, но наш экономический образ жизни может исчезнуть так же быстро, как появился.

Молодой человек на нью-йоркской бирже вскоре будет выглядеть таким же странным и старомодным, как женщина, несущая на голове молоко и яйца. Оба работают в рыночных системах, которые устаревают, поскольку деньги обретают новую форму, требующую новых форм рынка, новых способов свершения финансовых сделок и новых видов бизнеса.

Этап I

КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕНЬГИ

Только деньги приводят мир в движение.

Публиус Сирус

1. КАННИБАЛЫ, ШОКОЛАД И НАЛИЧНЫЕ ДЕНЬГИ

Последний конфликт, в котором цивилизация обретает свою окончательную форму, — конфликт между деньгами и кровью.

Освальд Шпенглер

В центре столицы империи ацтеков, Теночтитлане, жрецы совершали ежедневные жертвоприношения. Они отводили жертву по крутой лестнице на вершину пирамиды, где четверо хватили его за руки и за ноги и укладывали на спину на огромном каменном алтаре. Один из грозных жрецов, забрызганный кровью, поднимал над своей головой нож из обсидиана и вонзал его во вздымающуюся грудь жертвы, удерживаемой перед ним на алтаре. Быстро и вместе с тем деликатно он вспарывал грудную клетку, и его ищущие пальцы проникали между ребер в поисках сердца жертвы. Священник вынимал все еще пульсирующее сердце и бросал его на охваченную пламенем жаровню — подношение богу войны Уицилопочтли. Жертвоприношение могло быть совершено не более чем за двадцать секунд, тогда как сердце могло продолжать биться еще минут пять.

Для ацтеков-торговцев пик религиозного года жертвоприношений приходился в середине зимы на праздник РалшиѢгаНгШ, — поднятия флагов, когда они могли показать свои успехи и богатство, выступив спонсором одного из человеческих жертвоприношений. В отличие от солдат, которые лично захватывали бойцов противника, торговцы должны были покупать жертвы по цене до сорока тканых плащей. После покупки жертвы торговец должен был кормить, одевать и заботиться о нем на протяжении нескольких месяцев, пока того готовили к грандиозному спектаклю. Чтобы стать спонсором жертвы, торговец должен был устроить четыре роскошных банкета и праздника для других торговцев и военачальников. Каждый банкет требовал новых костюмов, драгоценностей и регалий

для торговца и его жертвы. После приобретения товаров, особенно для банкетов, торговец должен был предложить их в качестве подарков гостям в знак признательности за их участие в празднестве. Только после всех обязательных церемоний, банкетов и раздачи дорогих подарков торговец наконец сопровождал свою жертву по длинной лестнице на алтарь, где священники вырезали ему сердце. После жертвоприношения торговец забирал изуродованное тело домой, где женщины мыли его и готовили из него еду с кукурузой и солью, но без обычных острых приправ. Торговец угощал ею на еще одном ритуальном обеде. Каждый мог попробовать плоть, кроме самого торговца, для которого принесенный в жертву был кем-то вроде сына.

Под руководством высшего жреца, называемого тленамач, или дающий огонь, ацтеки устраивали серию жертвоприношений на протяжении года. Готовясь к этим ритуалам, жрецы протыкали различные части своего тела, включая язык и гениталии, таким образом принося свою кровь в дар богам. У набожного жреца всегда были маленькие открытые раны на висках, из которых кровь сочилась по щекам. Длинные волосы, перепачканные кровью, придавали им пугающий вид и отталкивающий запах, что выделяло их среди других ацтеков.

Каждый бог и каждое мемориальное место в сложном календаре ацтеков требовали своего особого вида жертвы. Ранней весной, например, люди постились для дождя и приносили в жертву богам Тлалоке и Чальчиуитликуэ национальное блюдо *latale* (мясо с красным перцем) и маленьких детей. Позже весной они совершали другие «дождевые» церемонии в честь божества плодородия, Шипе-Тотек в форме гладиаторских жертвоприношений. Жрецы привязывали жертву к камню и вооружали его палкой, утыканной перьями вместо ножей. С этим ритуальным оружием он должен был сражаться с противниками, у которых настоящее оружие имело острые лезвия. Гладиаторы старались порезать жертву лишь слегка, чтобы можно было истекать кровью как можно дольше, чтобы продлить спектакль жертвоприношения. Тех, кто не соглашался сыграть роль ритуального гладиатора, жрецы связывали веревками и предавали богу огня живыми, поджаривая на костре.

В последующих церемониях ритуального года жрецы сдирали кожу с мужчин и мучили детей до смерти, чтобы их слезы заставили богов послать на землю больше дождя. Предполагалось, что боги особо любили детей с торчащими волосами; жрецы отбирали у матерей таких детей сразу после рождения и содержали их в специальных детских домах до времени ритуального жертвоприношения. На протяжении года особые жертвы персонифицировали богов. Представлявший бога Тескатлипоке должен был быть красивым молодым человеком без недостатков. Год он жил, как бог, участвуя в ритуалах, песнопениях, танцах и играя на своей флейте по всему городу. Люди осыпали его подарками и цветами. У него было четыре очаровательных жены, но в конце года он должен был оставить их и вскарабкаться на пирамиду, где вырезали его сердце, а голову отсекали.

Наиболее драматической была жертва во время танца, когда жрецы хватали человека, изображающего Шипе-Тотек, и быстро сдирали с него кожу. В женском варианте этой же церемонии в жертву приносилась женщина, и ее кожу надевали на жреца богини Тоси.

Хотя жертвоприношения, спонсорами которых выступали торговцы, заканчивались специальным банкетом, большинство принесенных в жертву использовались в коммерческих целях. После жертвоприношения жрецы скатывали тело, лишенное сердца, вниз по ступеням, по которым жертва поднималась лишь несколько минут назад. Внизу пирамиды служители отрезали голову и клали ее на полку трофеев, где медленно гнили головы предыдущих жертв. Они разделяли труп и отправляли отборные части мяса на городской рынок, где они обменивались на шоколад.

ШОКОЛАДНЫЕ ДЕНЬГИ

Ацтеки использовали вместо денег шоколад, а вернее, бобы какао, называемые обычно бобами. За бобы какао можно было купить фрукты и такие овощи, как кукуруза, помидоры, чили, кабачки и арахис; драгоценности из золота, серебра, нефрита и бирюзы; такие товары, как сандали, одежда, головные уборы с перьями, доспехи с хлоп-

новой подкладкой, оружие, посуду и корзины; еду — рыбу, оленину, уток; и даже особые товары, такие, как алкоголь и рабы.

Рынки у ацтеков обычно располагались поблизости от главных правительственных зданий, чтобы обмен товарами происходил под строгим контролем правительственных чиновников. Они занимали большую площадь, но правительство запрещало куплю и продажу за пределами официально разрешенной торговой зоны. Правительственные чиновники регулировали цены и продажи и всегда были готовы наказать или даже казнить любого, кто нарушал закон рынка. Правительство также оказывало покровительство наследственной касте торговцев, приезжавших издалека, которая имела свой собственный статус в государстве и своего собственного бога Йакатекутли. В дополнение к ним ацтеки посылали сборщиков дани во все уголки империи, чтобы доставлять товары для центральной администрации.

Империя существовала главным образом за счет дани, и рынки функционировали как придатки политической структуры, а многие различные стандартные товары служили в качестве «псевдоденег». Сохранилось несколько списков дани, в которых указано количество требуемых от различных провинций кукурузы, амаранта, бобов, хлопковой ткани, ножей из обсидиана, медных колокольчиков, нефрита, золота, сандалий, щитов, головных уборов с перьями, какао, раковин, перьев и других товаров, нужных для хозяйства, и украшений. Большая часть товаров, образующихся в империи, представляла собой дань периферийных районов империи столице. В этом отношении империя ацтеков была буквально такой же, как другие империи до распространения денег. Древние Египет, Перу, Персия и Китай функционировали как системы, базирующиеся, скорее, на дани, нежели на рынке.

В рамках этой системы местные рынки играли мизерную роль в распределении товаров, но какао исполняло главную роль в этой ограниченной области. Из всех видов денег ацтеков какао оказалось наиболее общедоступным и легким для пользования. Дерево какао дает огромное количество зелено-желтых стручков, напоминающих мускусную дыню. После созревания плод содержит белую мя-

коть, которая достаточно вкусна, но ничем не напоминает шоколад. После высушивания и поджаривания бобы выдерживают несколько месяцев, прежде чем их смелют и превратят в шоколад.

Какао росло главным образом в южной Мексике, где сейчас расположены Оахака, Чиapas, Табаско и Веракрус, а также в некоторых районах Центральной Америки. Отсюда какао продавалось и отсылалось в качестве дани во все концы империи ацтеков, в частности в столицу Теночтитлан, где сегодня раскинулся современный город Мехико. Какао стало настолько важным средством обмена, что произвело на свет свою собственную индустрию подделок. Преступники брали оболочку боба какао, опорожняли ее и наполняли грязью. Затем они запечатывали оболочку и смешивали поддельные бобы с настоящими.

Деньги в виде продуктов, — таких как какао, — использовались в системе, основанной больше на бартере, чем на продажах. Ацтек обменивал игуану на охалку поленьев или корзину кукурузы на связку чили. Если товары были не равны по стоимости, торговцы использовали какао для доплаты. Бобы какао служили мерилom стоимости и уравнивания обмена, но никогда не были единственным средством обмена. Например, торговец, желавший обменять кактус стоимостью в пять бобов какао на початок кукурузы стоимостью в шесть бобов, отдавал свой кактус и добавлял один боб какао, чтобы уравнять сделку.

При больших продажах торговцы рассчитывали стоимость в мешках, содержащих примерно по 24 000 бобов, но такие количества были слишком обременительны для ежедневных сделок. Как во многих примитивных системах, где коммерция сфокусирована на определенных важных товарах, ацтеки использовали больше одного товара для стандартизации обмена. В дополнение к бобам какао они использовали хлопковые плащи, чья стоимость колебалась от 60 до 300 бобов какао. Плащи служили для таких крупных покупок, как приобретение рабов или людей для жертвоприношения, для чего мешки с какао бобами были слишком громоздки. Другие стандартизированные товары для обмена включали бусы, раковины и медные колокольчики, торговля которыми достигала на севере нынешнего штата Аризона.

Деньги-товары имели большое преимущество будучи и предметом потребления, и средством обмена. Ацтеки могли легко смолотить свои деньги — какао в шоколадную пасту, взбить ее в сосуде с водой и получить великолепный напиток, который они очень ценили. В отличие от бумажных денег и мелких монет, которые могут легко потерять свою ценность, деньги-товары содержат свою стоимость в себе и всегда могут быть употреблены независимо от положения на рынке.

Шоколад, как все другие типы денег, не имел собственной ему ценности за пределами данной культуры. Для того чтобы он обрел ценность, люди должны были захотеть его и знать, как его использовать. Любовь к шоколаду как продукту питания и средству обмена среди мексиканцев не соответствовала ценностям первых европейских пиратов, которые захватили корабль, груженный какао бобами: они приняли бобы за кроличий помет и выбросили весь груз в море.

Империя ацтеков иллюстрирует, насколько сложными могут стать экономические и политические отношения даже в отсутствие денег. Их система распределения простиралась по всей империи, а первичная система торговли проникла во все уголки империи со своими примитивными деньгами или деньгами-товарами. Через использование определенных товаров они близко подошли к созданию современной монетарной системы, но так и не переступили эту черту.

ДЕНЬГИ-ТОВАРЫ

Во всем мире товары от соли до табака, от поленьев до вяленой рыбы, от риса до одежды использовались в качестве денег на различных этапах истории. Аборигены в некоторых районах Индии использовали миндаль, гватемальцы — кукурузу, древние вавилонцы и ассирийцы — ячмень. Жители Никобарских островов — кокосовые орехи, монголы ценили блоки чая. Люди на Филиппинах, в Японии, Бирме и других странах Юго-Восточной Азии употребляли в качестве традиционных денег меры риса.

Норвежцы пользовались в качестве денег маслом, а в древние времена деньгами для них служила сушеная трес-

ка, которую можно было легко превратить в другой товар или монеты, торгуя с ганзейскими купцами, живущими в Бергене. Те, в свою очередь, продавали рыбу в Южной Европе, где на нее был большой спрос по пятницам, во время поста, а также в другие времена, когда католическая церковь запрещала есть мясо.

В Китае, в Северной Африке и Средиземноморье люди превратили в деньги соль. С большим риском в самых знойных местах земли племена центральной Сахары добывали огромные бруски соли в три фута длиной и в несколько дюймов толщиной. Сахара содержит один из самых чистых видов соли в мире, и караван, перевозящий соль, вполне можно было принять за транспортировку плит белого мрамора, привязанных по бокам верблюдов. Благодаря своей чистоте соль может быть легко разрезана на несколько стандартизированных размеров. Торговцы обычно заворачивали соль небольшими кусками в предохраняющий тростник, чтобы избежать их раскалывания, с одной стороны, и чтобы не позволить людям соскребывать соль с куска между сделками, — с другой.

Современное английское слово *salary* (зарплата) и итальянское, испанское и португальское слово *salapo* происходят от латинского слова *sal*, означающее «соль» или, если быть более точным, от *salpiz*, означающее «из соли». Предполагается, что римским солдатам платили солью или деньгами для покупки соли, чтобы придать вкус их весьма пресной еде.

Пастушьи племена часто использовали живых животных в виде денег, в которых рассчитывалась стоимость всего остального. Сибирские народы использовали для этого оленей, жители Борнео — быков, древние народы Малой Азии и Сирии измеряли стоимость овцами, а греки времен Гомера — рогатым скотом. Скотоводы определяли стоимость и платили за все — от рабов и жен до штрафов за измену и убийство — коровами.

Скот играл одинаково важную роль в экономике многих древних европейских народов от Ирландии до Греции и На всем индийском субконтиненте. Роль скота сохраняется в нынешние времена в Восточной и Южной Африке среди таких племен, как масаи, самбуру, динка, нуэр.

Традиционная важность скота косвенно сохранилась в

некоторых современных европейских языках. Слово ресишагу, означающее «денежный», происходит от латинского ресишагшз, означающее «богатство скотом». Первая римская монета — асе — представляла собой стоимость, эквивалентную одной сотой коровы. Соответствующие английские слова включают ресшшшз, устарелый термин, означающий «богатый», и более употребляемое прресшшиоз, значащее «бедный». Латинский же язык подарил нам слова йег (феодалное поместье, лен) и феаа1 (феодалный).

Важность «бычьего» идиома в европейской культуре иллюстрируется словом саШе (крупный рогатый скот), которое произошло из тех же латинских корней, которые дали капитал — еще одно широкое понятие термина деньги. СаМе1 — любой объект личной движимой собственности, такой, как раб — происходит от тех же корней. Таким образом, название двух наиболее важных экономических систем в европейской истории — капитализм и феодализм — могут быть прослежены назад к системам, основанным на скоте.

Даже сами человеческие существа служили мерой денег. В древней Ирландии девушки-рабыни были принятой общей мерой стоимости, по которой определялась цена таких товаров, как коровы, лодки и дома. Викинги и купцы продавали молодых женщин работникам в Средиземноморье, где они высоко ценились из-за своих рыжих и светлых волос. Ирландские мужчины, наоборот, оценивались гораздо ниже.

В районах экваториальной Африки рабы-мужчины ценились намного выше, чем женщины и дети, чья цена составляла лишь частичку стоимости мужчины. Из всех форм денег рабы оказались наименее надежной из-за высокого уровня смертности и их предрасположенности к побегу.

СОВРЕМЕННЫЕ ТОВАРЫ

Использование денег-товаров никогда не исчезало, оно всегда возобновлялось, когда нарушалось нормальное течение коммерции и экономической жизни. Сигареты, шоколад и жевательная резинка заполнили монетарные дыры по всей Европе в конце Второй мировой войны. Со времен

империи ацтеков шоколад не имел такой покупательной силы, какую он приобрел, когда американские солдаты появились в Европе.

Во время тиранического правления Николае Чаушеску в Румынии в стране было достаточно бумажных денег и алюминиевых монет, но деньги сами по себе не имели никакой ценности, потому что диктатор и его жена экспортировали практически все, что производилось в стране. Они установили продовольственный рацион менее двух тысяч калорий в день для всех граждан, а температура в их домах и офисах не должна была превышать 55 градусов по Фаренгейту (11°C). При таком строгом режиме сигареты, особенно «Кент», функционировали как реальные деньги. Все что угодно можно было купить за сигареты — еду, электронику, секс или алкоголь. Ящики сигарет имели то преимущество, что их легко можно было разделить на блоки по десять пачек, которые, в свою очередь, превращались в двадцать сигарет.

Товары широкого потребления, такие как табак и шоколад, служат адекватным средством обмена, но они не могут выполнять все функции денег. К примеру, они представляют собой малую ценность при хранении в запас. Любой, кто обзавелся мешками зерна или кипами табака с целью накопления богатства, вскоре обнаружит, что зерно испортилось или поедено насекомыми или крысами, а табак постепенно теряет свой аромат, и кипа начинает рассыпаться. Для того чтобы сохранить свое богатство для использования в будущем, людям нужны были более прочные вещи — такие, как одежда, мех, перья, китовые зубы, клыки кабана или раковины. Эти товары существуют дольше еды, но все же постепенно и они изнашиваются и теряют свою ценность. Пищевые продукты пригодны для адекватного обмена товарами, но они не годятся для долгого хранения.

Шкуры животных и мех оказались чрезвычайно полезными в Российской Сибири и Северной Америке, но имели малую практическую пользу на более теплых рынках Карибского бассейна, Африки, Южной Америки и Южной Азии. Канадцы использовали толстые, роскошные шкуры бобров, которые производились в этой стране и были столь популярны у европейских шляпников и портных. Дальше на юг, в британских колониях, поселенцы

использовали шкуры североамериканского оленя, которые приобрели в торговле важное значение. Каждая шкура была известна как Биск (самец), слово, которое сохранилось до сих пор в разговорной речи для обозначения доллара.

На протяжении истории товары и ценные вещи порой создавали экономические системы, которые приблизительно напоминали монетарную систему, но такие системы были неизменно ограничены в масштабе и полезности. Примитивные деньги наилучшим образом работают в племенных общинах или на строго регулируемом рынке. На одном краю политического и экономического спектра — такие империи, как у инков Перу, которые организовали свое государство без использования каких-либо рынков и денег. На другом — столица ацтеков, Теночтитлан, — построила племенное государство, допуская ограниченное использование денег и зачатки рыночной системы, контролируемой военными правителями.

Китовые зубы служили предметами большой ценности на Фиджи и на некоторых окружающих островах, где они все еще играют важную роль в официальной жизни и иерархической системе. Китовые зубы, однако, не стали эффективными в торговле с другими людьми, которые просто не проявляли к ним никакого интереса. Точно так же собачьи зубы ценились как средство обмена на островах Адмиралтейства, а у посторонних лиц зачастую они вызвали отвращение и не принимались в качестве платы.

Желание заполучить редкие и ценные предметы часто заставляло предприимчивых людей совершать рискованные путешествия высоко в горы, глубоко в джунгли и далеко в море. Эти предметы становились ценными как подарки, особенно в такие важные моменты в жизни, как рождение, половая зрелость, свадьба или смерть. Они также приобретали важное значение в виде подарков между друзьями или как часть сделки по заключению и разрыву союзов между отдельными жителями деревни или группами людей.

Такие прочные товары, как раковины, камни и зубы, не теряют ценность при долгом хранении, но поскольку они встречаются в природе, и их размер, текстура, цвет и качество варьируются, это не позволяет им быть полностью взаимозаменяемыми. Один зуб кита не будет точно равным по своей стоимости другому, и поэтому трудно использо-

вать зубы для взаиморасчетов в коммерческой системе. Некоторые предметы, например, раковины, имеющиеся в изобилии в прибрежных районах, слишком доступны, чтобы служить деньгами, но в горной местности они могут быть слишком редкими, чтобы выполнять роль денег.

Даже раковины каури, которые были необычайно популярны почти по всей Африке и в других районах, граничащих с Индийским океаном, не представляли ценности для большинства людей в мире. Поэтому они всегда имели ограниченное хождение в определенных районах. С такими предметами, как раковины, однако, племена подошли очень близко к развитию экономик с реальными деньгами. Раковины перестали быть лишь декоративным аспектом культуры и превратились в средство накопления и сохранения благосостояния, а также в механизм торговли.

Деньги никогда не существовали в культурном или социальном вакууме. Это не безжизненный объект, а социальный институт. Для того чтобы полностью заменить деньги, материал не может быть просто предметом — ему требуется особая социальная и культурная система. Как только система устанавливается, многие различные предметы могут служить деньгами. Часто это их использование возникает, скорее, изнутри политической сферы и сферы социальной жизни, нежели из сферы экономики и просто существования. Такие предметы могут быть использованы, чтобы купить титулы, отметить смерть, провести переговоры о свадьбе, затребовать право использовать магические заклинания или обрести мощные ритуальные песни. Гораздо реже они использовались при обмене земли, скота или других основных товаров, но даже такие обмены часто являлись составляющей частью больших политических или свадебных переговоров, а не просто коммерческой деятельностью.

ЛЮБОВЬ К ЗОЛОТУ

Вслед за едой люди, похоже, ценили металл, как один из наиболее популярных товаров при обмене. Из всех материалов, которые могут быть использованы для изготовления денег, металл имеет наибольшее практическое при-

менение и сохраняет свою ценность гораздо дольше, чем что бы то ни было еще. Благодаря своему «долгожительству» он долго сохраняет свою стоимость. Поскольку его можно превратить в маленькие или большие кусочки, он служит хорошим средством обмена. Он не настолько объемён, как используемые гондурасцами чурбаны, не настолько тяжёл, как мешки кукурузы у гватемальцев. В отличие от продуктов питания, которые исчезают при использовании ими, металл может быть превращён во что-то полезное в любое время и все же сохраняет свою стоимость. Сегодня это могут быть ювелирные украшения или наконечник копья, а завтра он вновь превращается в деньги.

От Скандинавии до Экваториальной Африки люди использовали в качестве денег определенные стандартизированные предметы, сделанные из металла. Суданцы превращали железо в мотыги. Китайцы использовали мотыгу из бронзы, немножко другой формы, и миниатюрные ножи из того же материала. Древние египтяне пользовались медью, в то время как жители южной Европы предпочитали бронзу. В Бирме это был свинец, а на Малайском полуострове — олово, которое здесь было в изобилии.

В Западной Африке использовали медные кольца, известные под названием тапШаз, как специальную форму денег. В Либерии и других частях Западной Африки употреблялись длинные полоски железа, расплюснутые с обоих концов, которые назывались киси пени по имени племени киси, которое их изготавливало. Племена Конго пользовались медными прутьями, а в Восточной Африке многие племена производили металлические предметы своеобразной формы для использования только в своем собственном обществе. Форма их металлических денег была такой же формой опознания, как и их язык.

По мере развития технологии усложнялся образ требуемого предмета, а с открытием различных металлов дело разко продвинулось вперед. Из всех металлов больше всего повсеместно ценилось золото. У золота, кроме его применения в качестве декоративных украшений и в некоторых современных технологиях, было сравнительно мало сфер практического использования; и все же золото притягивало к себе людей по всему миру. Даже несмотря на ограниченность его применения, опыт показывает, что люди везде

тянулись к золоту, хотели трогать его, носить, играть с ним и владеть им. В отличие от меди, которая становится зеленой, от железа, которое ржавеет, и серебра, которое тускнеет, чистое золото остается чистым и не меняется.

Люди по всему миру тесно связывали золото и серебро с магией и божественностью. Иногда список божественных материалов включал другие ценные товары — такие, как шелковая одежда в Индии, одежда из шерсти викунии в древнем Перу, оливковое масло в Иудее, животное масло на Тибете, но люди почти везде считали золото и серебро священными материалами. В большинстве культур боги расценивали приношение драгоценных металлов выше, чем приношение цветов, еды, животных и даже человеческих жизней.

Племя Майя, Юкатан, жертвовало своим богам золото, серебро и нефрит в святых местах — глубоких бассейнах, образованных на полуостровах из известняка. В одной из высокогорных общин Колумбии до появления здесь европейцев индейцы чибча устраивали ежегодный ритуал, во время которого они покрывали своего вождя золотой пылью. Когда он нырял в священное озеро, вода смывала золото, и оно становилось подарком богам. Вождь был известен испанцам как Эльдorado (Золотой), и его богатство стало предметом самых грандиозных поисков в мировой истории.

Золото, в частности, рассматривалось как божественный материал. Люди по всему свету отмечали схожесть его цвета с солнцем, совпадение, которому они придавали глубокий смысл. Древние египтяне верили, что золото было посвящено богу солнца Ра, и они хоронили его в огромных количествах вместе с телами своих священных фараонов. Для инков Южной Америки золото и серебро представляли собой пот солнца и луны, и инки покрывали стены своих храмов этими драгоценными металлами. Даже после завоевания, когда испанцы забрали индейское золото и серебро, аборигены украшали свои новые христианские храмы фольгой, имитируя священные металлы, и вместо золотой пыли подбрасывали в воздух покрашенные под золото и серебро конфетти. Древние жители Индии считали золото священным семенем Агни, бога огня, поэтому они жертвовали золоту на всех ритуалах, которые проводили жрецы Агни.

ПЕРВЫЕ ДЕНЬГИ

Еще в конце III тысячелетия до н. э. жители Месопотамии начали использовать слитки ценных металлов в обмен на товары. Глиняные дощечки Месопотамии с текстом, выполненным клинописью в 2500 г. до н. э., упоминают использование серебра как формы платежа. Люди называли эти единообразные по весу слитки золота и серебра — *gishpa*, *zbeke1z*, *lalep1z*. Целые склады оливкового масла, пива или пшеницы могли быть сокращены до легко транспортируемых слитков золота или серебра. Эта система оказалась эффективной для торговцев, привыкших иметь дело с полностью загруженными кораблями или целым складом товаров, но золото оставалось слишком недоступным и дорогим для простого человека, желающего продать корзину пшеницы или купить бурдюк вина. Такие люди не имели доступа к этой системе золотых и серебряных слитков.

Как только технология и социальная организация достигли уровня, когда стандартизированное количество золота и серебра начали использовать для обмена, появление мелких монет стало лишь вопросом времени. Технологический и культурный отход от примитивных монет явил собой первую денежную революцию, и это, согласно совершенным нумизматическим исследованиям, свершилось только однажды. Это произошло в Западной Азии, там, где сейчас находится Турция, и оттуда распространилось по всему миру, превратившись в глобальную монетарную систему, предшественницу системы, в которой мы живем и работаем сегодня.

Деньги сами по себе не встречаются в природе, и никакой их версии или аналога не существует среди членов животного мира. Деньги, как язык, присущи исключительно человеку. Деньги установили новый способ мышления и поступков, что мгновенно изменило мир. Только теперь, спустя почти три тысячи лет, полная власть денег становится неоспоримой в человеческих делах, поскольку она вытесняет или доминирует над многими традиционными социальными узами, основанными на семье, племенах, обществе и нации.

2. Пятый элемент

Деньги являются одним из важнейших материалов, с помощью которого человечество возводит архитектуру цивилизации.

Люис Лэпхэм

Самое старое слово, зафиксированное в европейской литературе, — это древнее греческое слово, обозначающее «гнев», в самом начале «Илиады» Гомера. Его первая строчка переводится на английский обычно как «Пой, о Муза, о гневе великого Ахилла», но оригинальный текст начинается со слова, означающего «ярость», «возмущение», «раздражение», и эта эмоция становится доминирующей в оценке Гомером Троянской войны, десятилетнего конфликта, во время которого мужчины становились жертвами, убивали, истязали, насиловали, калечили и обращали один другого в рабство. Эти управляемые гневом люди жили в героическом веке, как называют его сегодняшние ученые, веке Гомера, на границах древних империй того времени. Их мир покрыт историческим мраком, если бы не две греческие эпические поэмы — «Илиада» и «Одиссея» Гомера, — которые стали первыми летописными свидетельствами, рассказывающими о важных событиях в его развитии. Греки выглядят для нас в творении Гомера людьми поля битвы, а не людьми коммерции. Герои ведут военную жизнь, нападая на своих соседей и защищая честь своих семей. Гомер описывает в ярких красках оружие своих героев, доспехи, которые они носили, рисунки щитов, всю утварь, которой они пользовались в войне. Он описал красоту их кораблей, но в то же время мрачно поведал, в каком месте стрела вошла в голову воина, где она застряла, и как долго мать и жена погибшего воина плакали на его похоронах.

Деньги не упоминаются в эпических поэмах Гомера,

как будто их не было в жизни его героев. По словам Вольтера, «Агамемнон, должно быть, имел сокровища, но определенно не деньги». Коммерция не появляется в поэзии Гомера, в которой люди стремятся к почету, но не к богатству; они навязывали свою волю по отношению к другим любой ценой. Они не ведут переговоров, не идут на компромиссы и не спорят о ценности товаров. Победители, они требовали отдать им эти товары в качестве дани во время военных кампаний; они не снисходили до того, чтобы торговаться с владельцами лавок.

Укрепленные дворцы, как у царя Микен Агамемнона и правителя Трои Приама, формировали центр общественной жизни в гомеровский век, и рынки не фигурировали как важные места. Каждый город старался производить как можно больше своих собственных товаров, чтобы можно было минимально торговать с другими городами. В свободное время герои Гомера охотились, праздновали и играли в ритуальные военные игры.

Гомер не дает даже намека на мысль или размышления о самих себе у своих героев. Их идеи и импульсы происходили или от глубоко укоренившегося желания увеличить свою славу, или же от вдохновения, которое им шепнули на ухо боги. Герои Гомера были людьми страсти в отличие от людей выдержки, которыми так восхищались в классической Греции. Фраза *ἑαυτὸν γινώσκω* (познай себя), которая позже стала лозунгом у классических греков золотого века Афин, была практически бессмысленной для Ахилла, Одиссея, Париса, Гектора, Агамемнона, Приама и других героев Гомера, которые были людьми действия, а не рефлексии.

Можно ли вообразить себе Одиссея, вернувшегося после десяти лет скитаний, открывшего гончарную мастерскую, основавшего ферму или винный магазинчик? Как другие герои Гомера, Одиссей гарцевал вместе с богами, сражался со зловещими монстрами, много пил, соблазнял женщин и жил среди других героев в вечной игре защиты и увеличения славы. Коммерция мало что значила для Одиссея и его товарищей, потому что они жили в мире, который еще не знал денег.

Несмотря на их незнание, родились деньги очень близко к стенам Трои. Здесь, в малоизвестном царстве Лидия,

люди впервые изготовили монеты, здесь началась первая великая революция. Ей было суждено оказать куда большее влияние на наш мир, чем всем героям Древней Греции.

БОГАТ, КАК КРЁЗ

На протяжении тысячелетия одно за другим на побережье Ионического моря и прилегающих островах возникали, расцветали и исчезали государства. Каждое из них оставляло что-то, что его соседи и наследники приспосабливали для своей собственной культуры. Из всех великих цивилизаций, что расцветали и исчезали в древней Анатолии, Лидия не относится к самым известным. Лидийцы говорили на европейском языке и жили в Анатолии примерно после 2000 г. до н. э. Они образовали маленькое государство под эгидой династии Мермнад, начавшейся в VII в. до н. э., но на пике своего расцвета Лидия была чуть больше, чем разросшийся город-государство, образовавшийся из Сардиса (Сард). Правители Лидии не были воспеты в мифах или песнях как великие воины, завоеватели, строители или даже любовники.

Имена династий и правителей известны нам благодаря табличкам хеттов и книгам греческого историка Геродота, и только одно имя из древней Лидии сегодня общеизвестно — Крёз. «Богат как Крёз» — общепринятое выражение в современном английском, турецком и других языках мира.

Крёз вззошел на лидийский трон в 560 г. до н. э. и стал управлять царством, которое уже было богатым. Его предшественники создали прочный экономический базис для благосостояния государства, производя одни из лучших парфюмерных и косметических товаров древнего мира. И все же одни эти товары не могли поднять Крёза на уровень богатства, который приписывают ему мифы. Этим он обязан одному изобретению своих предшественников — монетам, новой революционной форме денег.

Нечто, похожее на деньги, и нечто, напоминающее рынки, можно обнаружить в Месопотамии, Китае, Египте и других частях света, но они на самом деле не использовали монеты до возвышения Лидии и последующей чеканки

первых монет, между 640 и 630 гг. до н.э. Гений правителей Лидии можно увидеть в их признании необходимости изготовить маленькие и легко транспортируемые слитки, стоящие не больше, чем труд за несколько дней или маленькая часть сельскохозяйственного урожая. Делая эти маленькие слитки стандартизированного размера и веса и штампуя на них эмблему, подтверждающую их ценность даже неграмотным, цари Лидии наглядно расширили возможности коммерческого предпринимательства.

Лидийцы делали первые монеты из сплава золота и серебра. Они были овальными, толще современных монет в несколько раз и размером в ширину большого пальца взрослого человека. Чтобы обеспечить их достоверность, царь должен был каждую из них штамповать эмблемой головы льва. Это одновременно расплющивало комочки, что положило начало превращению овального слитка в плоскую и круглую монету. Изготавливая самородки одинакового веса и приблизительно одинакового размера, царь исключил один из этапов коммерции, занимающих много времени: необходимость взвешивать золото при каждой сделке. Теперь торговцы могли определить стоимость со слов или просто пересчитав количество монет. Такая стандартизация в большой степени сократила возможность обмана в количестве и качестве золота и серебра при обмене. Не нужно было быть экспертом в обращении с весами или в определении чистоты металла, чтобы купить корзину пшеницы, пару сандалий или амфору оливкового масла. Использование монет, которые были взвешены и простампованы в государственном монетном дворе, позволило проводить сделки быстрее и более честно, участвовать в коммерции, даже не имея весов. Коммерция с монетами открыла новые горизонты для новых слоев населения.

Богатство Крёза и его предшественников выросло не из завоеваний, а из торговли. Во время своего правления (560—546 гг. до н. э.) Крёз создал новые монеты из чистого золота и серебра в отличие от предыдущего сплава. Используя появившиеся новые монеты как стандартное средство обмена, лидийские купцы торговали предметами повседневной необходимости — зерном, маслом, пивом, вином, кожей, посудой и деревом, а также такими ценными товарами, как парфюмерия, косметика, драгоценные

украшения, музыкальные инструменты, глазурная керамика, бронзовые статуэтки, шерсть ангорской козы, мрамор и слоновая кость.

Разнообразие и изобилие коммерческих товаров вскоре привело к еще одному новшеству — розничному рынку. Правители Сардиса ввели новую систему, по которой каждый, даже посторонний, если у него есть что-то на продажу, мог прийти на центральный рынок, вместо того, чтобы разыскивать дом, где кто-то мог купить его масло или драгоценности. Бесчисленные лавки выстроились на рынке, и каждый торговец специализировался на определенном товаре. Один продавал мясо, другой — зерно. Один продавал драгоценности, другой — одежду. Один — музыкальные инструменты, другой — горшки. Эта рыночная система началась в конце VII в. до н. э., но ее наследие можно ясно разглядеть позже в Греции, на средневековых рыночных площадях северной Европы и в пригородных торговых центрах современных Соединенных Штатов.

Торговля стала для лидийцев настолько важной, что Геродот назвал их нацией кареЫ, что означает «торговец» или «продавец», но с несколько отрицательным скрытым смыслом — «мелкий торгаш». Геродот увидел, что лидийцы стали нацией торгашей. Они превратили обычную торговлю и бартер в коммерцию.

Коммерческая революция в городе Сардис вызвала изменения, широко распространившиеся во всем обществе Лидии. Геродот с большим изумлением сообщал о лидийском обычае, позволяющем женщинам выбирать себе мужей. Благодаря накопленным монетам, женщины стали свободнее собирать собственное приданое и тем самым получили большую свободу в выборе мужа.

Новые услуги быстро внедрились на рынке. Не успели открыться первые лавки, как некий предприимчивыйделец предложил людям, занятым коммерцией, дом, специализирующийся на сексуальных услугах. Первые известные бордели были построены в древнем Сардисе. Чтобы собрать себе приданое, многие незамужние женщины Сардиса, возможно, работали в борделях достаточно долго, чтобы накопить деньги, необходимые для такого брака, который они желали.

Вскоре появились азартные игры, и лидийцы записали на свой счет изобретение не только монет, но и игральных костей. Археологические раскопки четко показали, что азартные игры, в том числе игра в бабки, процветали в районе вокруг рынка.

Коммерция создала сказочные богатства Крёзу, но он и знатные семьи проматывали свои состояния. У них развился неумный аппетит к предметам роскоши, и они оказались втянутыми в игру все большего потребительства. Каждая семья, например, пыталась воздвигнуть надгробие больше, чем у соседних семей. Они украшали памятники орнаментами из слоновой кости и мрамора, устраивали тщательно продуманные похороны, погребая своих умерших родственников с золотыми лентами на голове, с браслетами и кольцами. Вместо того, чтобы приумножать свое богатство, они разрушали то, что было накоплено их предками. Элита Сардиса пускала свое новое богатство на потребление вместо того, чтобы вкладывать его в производство.

В конце концов Крёз слил свое богатство в два бездонных колодца потребления, так распространенных среди правителей: здания и солдаты. Он завоевывал и строил. Крёз использовал свое несметное богатство для завоевания почти всех греческих городов Малой Азии, включая великолепный Эфес, который он потом перестроил в еще более величественном стиле. Хотя он был лидийцем, а не греком, Крёз испытывал большую любовь к культуре Греции, включая ее язык и религию. Будучи поклонником Греции, он правил греческими городами легко.

В знаменитом эпизоде греческой истории Крёз спросил греческого оракула, какие у него шансы в войне против Персии. Оракул ответил, что если он атакует могущественную Персию, великая империя падет. Крёз воспринял предсказание как благоприятное и атаковал персов. В кровавой бойне 547—546 гг. до н.э. империей, которая пала, была торговая империя лидийцев. Кир легко разбил наемную армию Крёза и двинулся маршем на лидийскую столицу Сардис.

Пока персидская армия грабила и жгла богатства Сардиса, Кир насмехался над Крёзом, хвастаясь тем, что делали его солдаты с городом и богатством великого Крёза.

Крёз ответил Киру: «Это больше не мое. Сейчас мне ничто не принадлежит. Это ваш город, они разрушают и крадут ваше богатство».

С завоеванием Лидии Киром закончилось правление Крёза, умерла его династия Мермнад, и царство Лидия исчезло со страниц истории. Хотя великое государство Лидия и его правители больше никогда не возродились, влияние этого маленького и относительно неизвестного царства осталось большим непропорционально его географическому размеру и сравнительно малой роли в древней истории. Все соседние народы быстро переняли лидийскую практику производства монет, и коммерческая революция распространилась по всему миру Средиземноморья, в частности в ближайшем соседнем с Лидией государством — Греции.

РЫНОЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Хотя огромные армии Персии завоевали Лидию и многие греческие государства, сильно централизованная персидская система не могла эффективно конкурировать с революционной, новой торговой системой рынков, основанной на использовании денег. С течением времени эти новые рынки, базирующиеся на деньгах, распространились по всему Средиземноморью и продолжали соперничать с правителями традиционно племенных государств.

Борьба между рыночными городами Греции и империей Персии представляла собой схватку между старой и новой системами накопления богатства, между рыночной системой, основанной на демократических принципах, и племенной системой, базирующейся на тоталитарной власти. Это была борьба, которая постоянно повторялась в истории вплоть до сегодняшнего дня.

Обогатившиеся благодаря своим новым рынкам, греки заменили консервативных персов в роли крупных торговцев восточного Средиземноморья. Монетарная революция, инициированная царями Лидии, покончила с греческими героическими традициями и положила начало эволюции Греции, как государства, ориентированного на торговлю. С распространением монет и ионического алфавита на гре-

ческих островах и близком к ним материке возникла новая цивилизация.

Использование монет дало большой толчок коммерции, придав ей стабильность, которой прежде не хватало. Монеты буквально стали основой для свободного обмена и оценки других товаров и услуг. Монеты обеспечили древних торговцев, фермеров и покупателей средством обмена, которое было легко хранить и транспортировать. Легкость в использовании, стандартизация стоимости и надежность (сохранность семейного благосостояния) привлекали все больше людей к этому новому товару.

Классические афиняне ликовали, открыв богатые залежи серебра в Лауриуме, около двадцати шести миль к югу от Афин. Шахты добывали серебро с VI по II в. до н. э. В среднем они были от 75 до 150 футов глубиной, но некоторые достигали глубины почти в 400 футов.

Уникальность греческой культуры, в отличие от персидской и египетской, состояла в том, что она не была основана на твердой власти государства, поддерживаемой огромной армией. Греки не смогли даже объединиться в одно государство; они оставались разьединенными на множество государств, каждое из которых находилось на различной стадии экономического и культурного процветания. Власть и мощь Греции никогда не зависели от армии. Только после того, как классическая греческая цивилизация достигла наивысшего расцвета, территория объединилась под одним лидером и одной армией, когда царь Филипп из соседней Македонии завоевал города-государства, а затем его сын Александр прошел недолгий, но впечатляющий путь завоевания сначала восточного Средиземноморья, а впоследствии и индийского субконтинента. Величие Греции стало побочным результатом монетарной и коммерческой революции в Лидии, появления денег, современных рынков, оптового и розничного распределения.

Деньги сделали возможной организацию общества на более высоком и сложном уровне, по сравнению с тем, какой можно было достичь родственными связями или применением силы. Общества, основанные на родственных связях, имели тенденцию сохраняться сравнительно

небольшими: группы в шестьдесят-сто человек были связаны через родство и браки с подобными соседними группами. Способность систем обложения данью и государства организовать людей оказались более эффективной, нежели обычные родственные узы. Система обложения данью могла легко включать в себя миллионы людей, разделенных на провинции и классы и управляться чиновничеством с хорошо налаженным учетом. Использование денег не требует личного контакта и интенсивных отношений, как это бывает при системе, основанной на родственных связях. Оно не требует также административной, полицейской и военной систем. Деньги стали социальным звеном, связывающим людей гораздо более многочисленными общественными отношениями, какими бы отдаленными или мимолетными они ни были. Деньги соединили людей более экстенсивным и эффективным путем, чем любое другое известное средство. Деньги создали больше социальных связей, но, сделав их более быстрыми и обширными, они тем самым ослабили традиционные отношения, базировавшиеся на родстве и политической силе.

Деньги стали средством определения большего количества ценностей, сделав большой шаг вперед, когда их использование в сфере вещей и товаров распространилось и на нечто абстрактное, как, например, труд. Мужчина или женщина могли получить деньги за чистку конюшен, за поденное сучение пряжи, за колку дров, за кормление животных или за сексуальный акт. Работа человека сама по себе стала товаром со стоимостью, которая может быть установлена в деньгах согласно ее важности, уровню мастерства или требуемой силы, а также времени, которое она заняла. Как только деньги стали стандартной стоимостью труда, они стали стандартной стоимостью самого времени.

Люди обнаружили, что деньги могут служить удобной заменой различных услуг и дани политическим или религиозным властям. Вместо того, чтобы отдавать своему хозяину часть урожая, крестьянин просто платил налог. Вместо того, чтобы отдавать церкви или храму часть своей продукции, люди могли сделать денежное приношение. Даже служба богу стала оцениваться в денежном выражении. Бог не хотел больше первых плодов урожая или пер-

вых рожденных весной животных; бог или, по крайней мере, священники хотели денег.

Стоимость работы в искусстве или музыкального представления могла быть оценена в деньгах так же просто, как определялась стоимость козы или яблока. Даже правосудие превратилось в монетарную деятельность. Вместо того, чтобы платить глаз за глаз, жизнь за жизнь, люди расплачивались за свои преступления деньгами. Деньги распространились на области брака и наследства через приданое, покупки невест и денежные выплаты при разводах или в случае смерти.

С быстрым распространением денег в качестве определителя стоимости практически все могло быть выражено языком общего деноминатора — деньгами. Таким образом, была установлена система ценностей, чтобы высчитать цену буквально всего — от куска хлеба до поэмы, от часа сексуальных услуг до налогов, от кормушки для ягненка до месячной ренты. Все можно было выразить в рамках одной упрощенной системы.

ГРЕЧЕСКИЙ ГЕНИЙ

Появление монет оказало немедленное и значительное влияние на политические системы и распределение власти. Трения в древнегреческом обществе проявились полностью в реформах, проведенных в афинском законодательстве Солоном, великим законодателем, в 594—593 гг. до н. э. Долги, например, оказались настолько вне контроля в афинской жизни, что Солон запретил долговую крепостную зависимость и отменил все существовавшие долги, чтобы начать с чистой финансовой и коммерческой страницы. Другие политики тысячелетия после Солона пытались использовать такую же стратегию, но отмена долгов неизменно приводила лишь к краткосрочному политическому облегчению, и вскоре финансовые проблемы возвращались.

Наиболее радикальной из реформ Солона, однако, была ликвидация традиционной практики, ограничивающей право на избрание на публичную должность лишь людьми благородного происхождения. Деньги произвели в афин-

ском сообществе освободительный эффект, и с тех пор право быть избранным в общественное учреждение стало базироваться на богатстве. На то время этот шаг был более радикальным и демократическим по сравнению со старой системой. Деньги помогли демократизировать политический процесс: они разрушили старую аристократию, жившую на правах наследования, устоявшихся отношений и преемственности должностей.

Демократия возникла прежде всего в таких городах-государствах, как Афины, которые имели сильный рынок, базировавшийся на твердой валюте. Из всех греческих городов Спарта больше всего сопротивлялась демократии, монетам и развитию рыночной системы. По легенде, правители Спарты разрешали в качестве денег использовать только железные бруски и наконечники стрел; это допускало некоторую внутреннюю коммерцию, но значительно минимизировало частную коммерцию за пределами города-государства. Лишь в III в. до н. э. Спарта начала чеканить свои собственные монеты.

Революционное распространение коммерции среди греков породило новые храмы, общественные здания, академии, стадионы, театры и одновременно вызвало подъем искусства, философии, драматургии, поэзии и науки. Центром классического греческого города был не замок царя, не армейская крепость и даже не храм. Общественная жизнь греков концентрировалась на рынке. Их цивилизация была исключительно коммерческой.

После тысячелетних империй, распространенных по всему миру, рынок, возникший в эру Греции, изменил историю. Любая великая цивилизация до Греции базировалась на политическом союзе и власти, поддерживаемой военной мощью. Греция, объединившись, возникла из коммерции и рынка и создала абсолютно новый вид цивилизации.

Богатство, накопленное коммерцией, увеличило свободное время греческой элиты, позволив тем самым вести насыщенную социальную жизнь и предаваться общественным занятиям, включая политику, философию, спорт и искусство, а также хорошую еду и празднества. Никогда прежде в истории так много людей не имело так много богатства, тем не менее даже имея минимум предметов

роскоши, они тратили свое богатство на досуг. Ученые до сих пор раскрывают богатые интеллектуальные залежи лозунгов и идей, заложенных греками, и их эра отмечена возникновением таких академических дисциплин, как история, наука, философия и математика.

Появление денежной системы и родственного ей общедоступного рынка изменили представления в головах людей. Прежде чем люди почувствовали необходимость быть грамотными, рынок сделал для них просто необходимым научиться считать и пользоваться цифрами. Люди были вынуждены сравнивать вещи, которые раньше были просто не сравнимы. Зачастую нам трудно мыслить категориями домонетарной эпохи, поскольку мы привыкли думать в терминах классификаций, тенденций и категорий вещей.

Счет существовал задолго до появления денег, но за пределами города он имел ограниченное применение. Хороший пастух не обязан был знать, сколько под его контролем коров или овец, он должен был опознать каждую по внешности, звуку и следам. Ему мало было узнать, что пропала одна корова; ему нужно было знать, какая корова исчезла. Зная именно эту корову, ее внешность, историю и ее индивидуальные привычки, пастух знал — то ли она рождает где-то в зарослях, то ли вернулась к водопою. Он знал, где ее искать и как обнаружить, если она присоединилась к другому стаду.

Использование счета и цифр, расчетов ускорило тенденцию к рационализации человеческого мышления, что находит подтверждение в нетрадиционной культуре без применения денег. Деньги не сделали людей умнее, они заставили их думать по-новому — числами и их эквивалентами. Это сделало мышление менее персонифицированным и более абстрактным.

На протяжении большей части человеческой истории религия использовала предания и ритуалы для пробуждения таких эмоций, как боязнь чего-то невидимого или желание установить контроль над чем-то невидимым, стремление иметь вечную жизнь или что-то другое, что было недоступным на земле. Политические институты также воздействовали на эмоции, чаще всего на людской страх перед посторонними или своими собственными правителями. Деньги и институты, построенные на них, вызвали

больше к интеллекту, нежели к эмоциям. Деньги и культура, построенная вокруг них, создали жесткий логический и рациональный интеллектуальный процесс, отличный от всех других, созданных человеческими институтами. Как заметил Джорж Симмел в книге «Философия денег»: «...идея, что жизнь базируется главным образом на интеллекте и что интеллект принимается в практической жизни как наша наиболее ценная умственная энергия, идет рука об руку с развитием монетарной экономики». Благодаря развитию своей основанной на деньгах экономики греки изменили представления людей о мире. Эти новые способы мышления и организации мира породили новые интеллектуальные профессии. Симмел писал, что «эти профессиональные классы, чье производство находилось вне собственно экономики, возникли только в монетарной экономике, — классы, связанные со специализированной интеллектуальной деятельностью, такие, как учителя, литераторы, артисты, врачи, ученые и государственные чиновники».

ПЕРВЫЕ ЭКОНОМИСТЫ

Древние греки признавали воздух, воду, огонь и землю как четыре естественных элемента, из которых образовались все прочие вещества. Для многих из них, однако, деньги являлись пятым, скорее, культурным, нежели природным элементом. Это соответствовало греческой поговорке *СпгетаБа апег* (деньги — это человек).

В греческих текстах мы находим тысячи видов преданий отдельных граждан и даже рабов, которые написали собственные пьесы, поэмы и философские диалоги. Греки были неистощимы как на описание самых земных сторон повседневной жизни дома или на винограднике, так и на размышления обо всем, начиная с происхождения жизни и кончая колебаниями цен на пшеницу.

Философская троица — Сократ, Платон и Аристотель — казалось, являлась примером классического века, но насколько они отражали дух и культуру, их окружающие? В конце концов афиняне проклинали на чем свет стоит Сократа. В целом они представляли собой несколько ото-

шедшую от нормы часть греческой психологии, которая предлагала более практический уклон, чем это можно было найти в великих произведениях.

Ксенофонт, видимо, является лучшим образцом классической греческой культуры. Он занимался многими вопросами на протяжении своей взрослой карьеры как политик, учитель, генерал и писатель, но точнее всего его можно охарактеризовать как практичного философа. В военной экспедиции в Персию он и его воины, афинские наемники, победили своих врагов, но их военачальник Кир погиб в битве. Греческие наемники оказались в трудном положении за сотни миль от дома, среди вражеского окружения. Греческие войска, известные в истории как Армия десяти тысяч, доверили свои жизни Ксенофонту, который успешно провел их за три месяца по вражеской территории на родину. Как многие известные генералы, позже он описал это путешествие в ставшей популярной книге.

В «Анабасисе» Ксенофонт описал эту долгую кампанию, но, в отличие от Гомера, не сделал из себя и своих офицеров героев, какие были в сочинениях Гомера. Как практичный челрвек он считал, что центром истории должны быть сами солдаты. Без заумных фраз и высокой риторики «Анабасис», возможно, являет собой лучшую прозу Аттики, когда-либо написанную. В некоторых аспектах Ксенофонт, практичный человек, одинаково комфортно чувствовал себя как с рабочими, солдатами и фермерами, так и с учеными, как представляется, во многом был предшественником более современных умов — Мишеля де Монтеня, Иоганна Гёте и Бенджамина Франклина.

Несмотря на свою занятость на гражданской службе коммерческой деятельностью, Ксенофонт написал еще одну книгу, «Экономика», в которой в деталях описал, как нужно вести домашнее хозяйство. В этой книге он впервые использовал слово «οἰοποικία» (экономика), которое означало «мастерство в управлении домашним хозяйством или имением». К управлению домом — женской работе в греческом мире — Гомер не проявлял ни малейшего интереса. Для Гомера женщины были военными трофеями, которые увеличивали славу героя, были жертвоприношением в трудные времена, а более всего — домашней опо-

рой, занимаясь ткачеством и вечно ожидая возвращения своих отцов, мужей и сыновей из их походов и кампаний.

Хотя Ксенофонт не был феминистом в современном понимании, он относился к практической работе по домашнему хозяйству очень серьезно и описывал женщину как матку в пчелиной семье. Он заполнил свою книгу простейшей, самой практичной информацией: как организовать дом, выучить слуг, хранить вино и продукты и установить порядок во всех составных частях домашней экономики.

Пока жена вела домашнее хозяйство, муж смотрел за фермой и занимался своим собственным бизнесом, а также общественными делами города-государства. Как многие книги того времени «Домострой» написан в форме диалога, в данном случае — между Сократом и Исхомахом, неким богатым предпринимателем Афин. Однако в книге Сократ-философ не предстает таким великим или слишком мудрым, каким он появляется в более известных сократовских диалогах, написанных Платоном. На самом деле Исхомаху, простому человеку от бизнеса, есть что сказать, и он возникает как «герой» этой истории. Исхомах не занял никакого важного места в литературе или философии, и он сам признавал, что из-за его богатства и простого образа жизни многие люди не любили его. С точки зрения литературы работы Ксенофонта не могут быть сравнены с произведениями Гомера: Исхомах совершенно определенно не Агамемнон и не Ахилл. И все же такие практичные люди как Исхомах тянули и толкали классический греческий мир к вершинам коммерческого успеха и достижений в искусстве.

Большинству греческих ученых не хватало глубокой заинтересованности Ксенофонта в вопросах войны и мира, и они не разделяли его интереса к финансовой деятельности. Подобный подход предвещал, что многим будущим поколениям ученых, и Платону, и его ученику Аристотелю, будет очень трудно освоить понятия «деньги» и «рынок».

Платон, постоянный диктатор в вопросах моральных ценностей, хотел запретить золото и серебро, а также иностранную валюту. По его работам, место реальных денег должны занять некие ничего не стоящие монеты, некое подобие жетонов, или правительственные книги, где реги-

стрируются сделки торговцев. Каждый возвращавшийся из зарубежного порта с деньгами должен был сдать их по прибытии. Согласно Платону, ни один честный человек не мог быть богатым, поскольку бесчестность платит больше, чем честность; следовательно, чем человек богаче, тем менее честным и добродетельным он является. По мнению Платона, люди должны быть наказаны, если они пытаются купить или продать полученные ими землю или дом.

Предложения Платона по регулированию рынка кажутся жесткими даже нам, в век некоторых строго планируемых экономик. В VIII книге «Законов», например, он пишет, что рынок должен контролироваться начальниками, которые строго наказывали бы всякого, кто нарушал правила, коих было немало. Помимо розничной торговли, которой занимались торговцы в округе, Платон допускал три специализированных рынка, которые должны были организовываться каждый месяц, по одному через каждые десять дней, и люди должны были закупать себе запас на целый месяц. Первый рынок продавал зерно, второй, десятью днями позже — жидкости, а третий — скот, рабов и прочие, связанные с ними товары, такие, как шкуры, материи и одежду.

Аристотель никогда не разделял тоталитарных наклонностей Платона, но сам имел довольно странные идеи в отношении рынков. Он не считал, что с каждого на рынке должна быть затребована одинаковая плата. Для него было вполне естественным, что люди с большими деньгами должны платить больше, чем люди победнее. Он не представлял себе неличностных отношений на рынке, так как верил в персональные отношения. Исход сделки, согласно Аристотелю, должен быть определен в соответствии со статусом участников, а не стоимостью товара. Для него цель рынка состояла не только в обмене товарами, но и в удовлетворении жадности. В конечном итоге рынок пробуждал у людей нежелательные инстинкты и должен был находиться под тщательным наблюдением. Аристотель рассматривал работу рынка, скорее, в категориях, затрагивающих личность, а не абстрактных. Хотя он определенно был способен на абстрактное мышление, в его работах мы можем видеть стремление человека понять появившийся феномен денег и рынков.

До появления денег в виде монет главы истории переполнены рассказами о многих цивилизациях на различных континентах, говорящих на разных языках и поклоняющихся разным богам, но тем не менее можно увидеть практически во всех нечто общее. Возьмем ли мы древних египтян или ацтеков, хеттов или вавилонцев, критян или мистический народ Моходжо-Даро, мы увидим, что все они поднялись на один и тот же уровень цивилизации. Как будто каждый из них уперся в невидимую стену, которую они были не в состоянии преодолеть. Они создали свою собственную архитектуру и религию, науку и коммерцию, поэзию и музыку, но только до периода застоя.

Греки, однако, преодолели этот барьер. Внезапно архитектура, философия, наука, литература, другие виды искусства и наук поднялись на такой уровень, который был не известен никакой предшествующей цивилизации. Некоторые ученые пытаются заставить нас поверить, что этот прорыв произошел благодаря превосходству греческого ума, психики, расы, культуры, благодаря более развитому пониманию человеческого существа и природы. Но в истории до или после этого времени мало что указывало бы на уникальность греков по сравнению со многими народами мира. Что отличало греков — так это то, что они жили рядом с лидийцами, которые придумали деньги. В отличие от других соседей, таких, как финикийцы и персы, которые уже имели сложные социальные системы без денег, греки не представляли собой сформировавшуюся цивилизацию, и принятие денег быстро продвинуло их вперед, позволив опередить другие народы региона. Греция стала первой цивилизацией, трансформированной деньгами, но в относительно короткое время все культуры последовали за греками тем же путем и претерпели те же метаморфозы.

Человечество нашло много способов навести порядок в своем бытии, и деньги были одним из самых важных. Деньги были выдумкой исключительно человека, и в этом они сами по себе были метафоричны, они занимали определенное положение. Они позволили людям организовать свою жизнь в немыслимо сложных формах, недоступных до введения денег. Это метафорическое качество отводит деньгам центральную роль в определении понятий жизни.

Деньги являют собой бесконечно расширяющийся способ структурирования ценностей и социальных отношений — личных, политических, религиозных, а также коммерческих и экономических.

Всюду, куда приходили деньги, они создавали рынки. Деньги создали новую городскую географию, способствуя росту городов, сконцентрировавшихся вокруг рынков, а не дворцов. Обмен товарами вызвал необходимость новых коммерческих путей на суше и на море от одного городского центра к другому, связав таким образом Грецию и соседние земли новой паутиной коммерции.

Эта новая социальная сеть, основанная на коммерции и деньгах, вызвала подъем новой политической системы. Филипп из Македонии увидел возможность свести вместе все эти взаимосвязанные точки в единое царство под своим управлением. Его сын Александр распространил эту империю на другие части света, хотя они еще и не были включены в новую коммерческую культуру. По мере завоевания новых земель Александр основывал новые торговые города, которые часто называл своим именем, объединяя эту землю с растущим коммерческим миром своей империи. В Египте он основал Александрию на Средиземном море, дабы она служила связующим звеном между коммерческой Грецией и более изолированными богатствами долины Нила.

Благодаря Александру греческий язык стал языком коммерции. Торговцы в дельте Нила, на острове Сицилия, на побережье Туниса и в городах Израиля использовали греческий как язык торговли.

Греческий, на котором говорили на рынках Иберии и Палестины, не был классическим греческим языком Аристотеля и уж точно не древним греческим языком Гомера. Торговцы использовали простой, почти жаргонный торговый греческий язык, но он оказался способным нести великие идеи далеко за пределы потребностей простого рыночного обмена. Рынки Средиземноморья стали центрами обсуждения нового вида религии. Последователи Христа пользовались упрощенным рыночным греческим языком для распространения своих идей от одного рынка к другому. Ученики и последователи Христа проповедовали на рынках таких городов, как Эфес, Иеруса-

лим, Дамаск, Александрия и Рим. Они записывали свои истории на этом рыночном греческом — иногда его называли «бедным греческим языком бога» — и их писания стали Новым заветом.

До возникновения греческой коммерческой системы каждая страна имела своих собственных богов. Боги египтян отличались от богов греков или персов. Общая коммерческая культура, однако, создала возможность для появления общей религии, открытой для всех. Христианство распространилось по городам Средиземноморья как абсолютно новая и революционная концепция в религии. Это была уникальная городская религия, не имевшая ничего общего с богами плодородия или «погодными» богами солнца, ветра, дождя и луны, которые ассоциировались с крестьянами. Это была первая религия, которая стремилась переступить через социальные и культурные различия людей и объединить их в единый мир религии. Ее последователи активно пытались сделать христианство универсальной религией, и они делали это точно таким же путем, как деньги создавали универсальную экономику.

Появление первых монет в Лидии положило начало революции в коммерции, которая почти сразу же распространилась на городскую планировку, политику, религию и интеллектуальные занятия. Это создало совершенно новый способ организации человеческой жизни. Почти через пять веков быстрых социальных изменений все эти силы оказались в фокусе возникновения нового типа империи с центром в Риме. Эта уникальная империя была великим продолжением классической цивилизации, созданной деньгами, но она также явилась началом конца денег, как системы, базирующейся на металлических монетах. Рим стал и кульминацией классического мира, и его разрушителем.

3. Преждевременная смерть денег

Деньги исчезают с тобой.

Новый завет 8, 20

Древние руины века империй лежат разбросанные по центру современного Рима, как отбеленные кости китов, выброшенные волной на скалистый берег и обглоданные птицами и грызунами, которые сделали себе гнезда и норы среди обломков. Колизей — самый большой среди этих руин — символический центр римской цивилизации на пике развития ее архитектуры и самой низкой морали. Римские инженеры превратили пол этой арены в огромный бассейн, в котором устраивались театрализованные морские битвы, заканчивающиеся настоящей смертью и кровью. В огромной системе подземных переходов и пещер содержались животные и гладиаторы, которые сражались на арене, а в ней находились люки, через которые их внезапно выбрасывали на арену под одобрителный рев толпы.

По велению императоров ввозились львы, тигры, слоны, носороги, страусы, крокодилы, медведи и другие экзотические животные, которых заставляли драться между собой и против людей. Карлики сражались с медведями, африканские пигм-зи противостояли бледнолицым кельтским гигантам. Гладиаторы преследовали по арене христиан, убивая беззащитных или оставляя на растерзание голодным животным.

Строительство Колизея, который официально назывался Римский амфитеатр Флавиев, началось в 69 г. н. э., в период царствования Веспасиана, и закончилось десятью годами позже во время правления Титуса, который открыл Колизей стодневным циклом пышных религиозных зрелищ, гладиаторских игр и спектаклей. Обычное название, под которым это творение было известно даже во

времена Римской империи, возможно, произошло от *colosseus*, что связано с огромной статуей императора Нерона поблизости от арены.

Колизей вмещал от 45 до 50 тысяч зрителей, и чтобы защитить их от знойного летнего солнца, рабочие растягивали наверху огромные полотна парусины. В течение пяти-шести лет Колизей претерпел семь значительных переделок, но с падением Рима он стал добычей для последующих поколений, нуждавшихся в строительном камне. На сегодня от первоначального строения осталась только одна треть.

Несмотря на кровавые истории, связанные с Колизеем, и его символическое значение для христианства как места, где огромное количество святых и мучеников приняли свою жуткую смерть, Колизей был, скорее, симптомом, нежели причиной падения Рима. За кровопролитиями лежит другая история — экономики, видимо, сошедшей с ума, когда ужасные развлечения Колизея и преследование христиан выглядят почти нормой. Чтобы понять экономическое сердцебиение и историю денег в Риме, равно как решающую причину падения империи, нужно помимо Колизея заглянуть на Капитолийский холм, обиталище верховного бога Юпитера, официального божества колизейных игр.

Будучи самым маленьким из семи холмов Рима, Капитолийский холм всегда считался самым важным, поскольку на нем располагались и великая цитадель Рима и Капитолий, главный храм империи. Храм служил домом для короля богов Юпитера Оптимуса Максимуса, который занимал центр храма. Боковые палаты занимали Минерва, богиня мудрости, и Юнона, супруга Юпитера и мать Марса. Все вместе Юпитер, Юнона и Минерва являли собой римскую троицу, известную как Капитолийская триада, но все они выступали в разных ролях под разными именами.

Деньги занимали священное место в каждом храме, но особенно в храме, посвященном Юноне Регине, верховной римской богине, которая правила как королева небес и занимала такое же положение, как богиня Гера, жена Зевса, в греческой мифологии. Юнона почиталась как покровительница женщин, она была хранительницей брачных союзов и помощницей при родах. Как Юнона Пронуба она покровительствовала брачным переговорам, как Юнона

Лючина она защищала беременных женщин, как Юнона. Соспита она следила за трудом и деторождением.

В продолжение своей роли покровительницы женщин и хранительницы семьи Юнона стала патронессой римского государства. Согласно римским историкам, в IV в. до н. э. раздраженный крик святых гусей вокруг храма Юноны на Капитолийском холме предупредил людей о надвигающемся ночном нападении кельтов, которые тайно взбирались по стенам цитадели. После этого события богиня получила еще одно имя — Юнона Монета, от латинского *topere* (предупреждать).

Как патронесса государства Юнона Монета руководила многими деяниями государства, включая выпуск денег. В 269 г. до н. э. римляне выпустили новую серебряную монету, денарий, которая производилась в храме Юноны Монеты. На монете была изображена богиня с надписью ее имени — Монета. От ее первого имени — Юнона — произошло название месяца — июнь, который считался наиболее благоприятным для заключения брака. От Монеты произошли современные английские слова *pip*! (монетный двор) и *topeu* (деньги).

Родственные слова в других европейских языках также происходят от слова *мопеда*, включая испанское *топеаа*, что означает монета. Таким образом, с очень ранних классических времен деньги имели тесную связь с божественным и женщиной. И сейчас в европейских языках мы наблюдаем в словах, связанных с деньгами, преобладание женского рода, как, например, в испанском — *la топейя*, или в немецком — *die Магк* и *die Мипге* (монета).

Из-за частой переплавки и чеканки монет монетные дворы в храме Юноны Монета почти постоянно были загружены работой независимо от того, увеличивалась или нет поставка золота и серебра. Похоже, монеты текли из монетных дворов сплошным потоком, и от латинского слова *сшто*, означающего «бежать» или «протекать», образовалось современное слово *сигтепсу* (валюта), а также другие родственные слова, такие, как *сигтеп!*; (поток). Монеты мощным потоком, как большая река, растекались с Капитолийского холма по всей империи.

Сегодня место храма Юноны Монеты, источника великого потока римской валюты, заняла старинная, но не-

красивая кирпичная церковь Санта Мария в Арачели. Несколько веков назад церковные архитекторы перестроили развалины древнего храма в новое здание; однако с появлением по всему городу более современных и впечатляющих построек вид древнего монетного двора теперь привлекает мало внимания.

ИМПЕРИЯ, ФИНАНСИРОВАВШАЯСЯ ЗАВОЕВАНИЯМИ

Из всех цивилизаций, известных до того времени, Рим создал наиболее сложную экономику. Только через несколько веков после выпуска первых монет в Лидии греки распространили монетную экономику на все Средиземноморье. Римляне, в свою очередь, продолжили распространение ее на большей части южной и западной Европы. Как никакая другая империя Рим организовал огромный регион и управлял им в соответствии с новой системой, которая многое позаимствовала из традиции древних цивилизаций, но соединила эту традицию с революционными новыми идеями, базирующимися на рынках и деньгах.

Рим создал первую в мире империю, организованную вокруг денег. В то время как великие египетская, персидская и другие традиционные империи отказывались от денег в пользу правительства как главного организующего принципа, Рим способствовал использованию денег и организовывал все дела вокруг нового товара.

Римская империя достигла своего экономического апогея где-то в период правления Марка Аврелия. Впервые практически все Средиземноморье и многие прилегающие земли оказались объединенными под одного политического правителя — римского императора. Объединение обеспечивало защиту и потому способствовало развитию торговли. Это также способствовало стандартизации товаров, системы мер, увеличивало виды и повышало качество денег на рынке.

Торговля в Риме наиболее интенсивно развивалась во времена республики, до Юлия Цезаря и последовавшей за ним длинной череды императоров. Цезарь и первые императоры продемонстрировали проницательность в понимании значения коммерции и рынков для своей императорской

власти, они сумели сохранить и даже улучшить некоторые из республиканских достижений. Несмотря на успехи, достигнутые в ранний период империи, поздние императоры почти не проявляли интереса к коммерции и были плохо осведомлены в этих вопросах. Их известность и слава происходили от войн и завоеваний, так же как и их богатства рождались, скорее, от успехов армии, нежели ль торговли. Поскольку империя продолжала расширяться, император мог пользоваться богатствами завоеванных земель чтобы финансировать свою армию, содержать правительство и оплачивать любые проекты, которые приходили ему на ум. Каждое новое завоевание приносило новую добычу в виде золота и серебра, а также рабов для продажи на рынках; оно давало императору также новых солдат, которых обучали и отправляли воевать против очередного врага.

В отличие от Афин и Сардиса Рим мало что производил, а также он не был важным торговым перекрестком. Рим был просто импортером богатства. Все, что приходило в Рим, там и оставалось. Как писал Герберт Дж. Уэллс в «Кратких очерках истории», Рим был «политической и финансовой столицей... новым типом города. Он импортировал прибыль и дань, и мало что уходило из него обратно».

Рим обнаружил, что деньги — это не просто богатство и дань, чего домогались все цивилизации, что деньги можно было использовать для спекуляции, покупки и продажи земли и содержать на них весь новый класс «всадников», раздражавший традиционных патрициев и конкурирующий с ними. Как писал Уэллс, «деньги были чем-то новым в человеческом опыте и необузданным; никто не имел над ними власти. Они были неустойчивы, то их было много, то не хватало. Люди выдумывали хитрые и жесткие схемы, чтобы завладеть ими, сделать запас, взвинтить цены, пуская в оборот накопленные металлы».

Римские императоры не контролировали бюджет; некоторые из них экономили, но большинство тратили деньги на все, что можно было приобрести. Присоединение каждого нового царства или провинции приводило ко временному скачку в имперских доходах и, соответственно, в расходах. Правительственные расходы удвоились со 100 миллионов до 200 миллионов сестерциев с получением запасов Пергамского царства в 130 г. до н.э. (сестерций равнялся од-

ной четвертой денария). К 63 г. до н.э. бюджет вырос до 340 миллионов сестерциев вследствие завоевания и ограбления Сирии, и продолжал расти с завоеванием Египта, Иудеи, Галлии, Испании, Ассирии, Месопотамии и всех других государств Средиземноморья. Во время правления Августа, когда империя достигла своего зенита, расходы на правительство впервые превысили миллион сестерциев. После смерти Августа расточительные расходы его преемников — Калигулы, Клавдия и Нерона — на бессмысленные военные кампании, строительные проекты и личные удовольствия с трудом поддаются подсчетам.

Завоевания и грабеж только временно смогли финансировать империю. Римские легионы быстро завоевали, разграбили все богатые районы вокруг себя. Ко времени правления Траяна (98—117 гг. н.э.) расходы на завоевание превысили стоимость богатств, которые оно приносило империи. Для новых завоеваний императоры вынуждены были попробовать завоевать несколько окраинных районов, таких как Британские острова и Месопотамия, цена завоевания которых с трудом оправдывала расходы и где природные богатства и накопленные товары были недостаточны для содержания гарнизонов, предназначенных для оккупации и охраны новой территории.

Рим мало производил, и как только он разграбил земли вокруг себя, империя столкнулась с растущим дисбалансом торговли, поскольку продолжала импортировать товары из Азии. Будучи не в состоянии предложить свои качественные товары в обмен на импорт, Рим должен был платить золотом и серебром. Это вызвало утечку золотых слитков, что заставило императора Тиберия пожаловаться, что «наше богатство переходит к зарубежным и даже враждебным нациям». В 77 г. н. э. Плиний Старший сожалел, что ни много ни мало, а 550 миллионов сестерциев в год уходит в Индию на оплату предметов роскоши.

Наибольшие расходы Римской империи были вызваны содержанием ее огромной и разрозненной армии. По мере расширения границ империи протяженные и извилистые линии коммуникаций и транспортировки не могли сохраняться. Для римских императоров становилось все труднее сохранять верность солдат, которые были рекрутированы из многих государств, говорящих на различных языках и

служивших столь далеко от Рима, что очень немногим из них его когда-нибудь удавалось увидеть. Даже после того, как императоры прекратили завоевания новых территорий, они вынуждены были содержать большую армию и зачастую использовали ее для подавления восстаний и отражения атак враждебных племен, которые постоянно испытывали решимость римлян защитить свои границы.

Вопреки уменьшающейся способности приносить доход государству армия продолжала увеличиваться в размерах. Даже в III и IV веках, когда географические размеры империи сократились, количество солдат более чем удвоилось — от примерно 300 000 до 650 000. Военное оборудование и оружие становились более сложным и более дорогим, поскольку армии требовалось больше лошадей для передвижения по более длинным маршрутам внутри страны и поскольку в военной тактике все больший акцент делался на кавалерию вместо традиционной пехоты. Новая военная техника и лошади, равно как и фураж для них, еще более увеличивали военный бюджет и истощали имперскую казну.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРЕСЫЩЕНИЯ

Будучи значительно меньше по своим размерам в сравнении с армией римская бюрократия, однако, росла примерно теми же темпами, даже когда империя уменьшалась. Бюрократия стала оплачиваемым институтом во времена Августа, который начал платить чиновникам за общественную службу, выполнявшуюся бесплатно во времена римской республики. Начиная с правления Августа, число оплачиваемых чиновников и их помощников росло постоянно.

Не в состоянии сдержать падение империи с помощью армии, императоры организовывали и реорганизовывали свои администрации в отчаянных поисках рецепта, который помог бы им преодолеть возрастающие проблемы. Они создавали больше маленьких провинций, расчленили империю, делили работу правителя между императором и двумя-тремя цезарями, которые работали в качестве помощников или региональных наместников. Каждое изменение, однако, добавляло новый слой к иерархии и по-

рождало новые региональные или местные столицы вместе с дополнительными работниками, дворцами и другими общественными зданиями, к чему стремились даже региональные столицы. Несмотря на непрекращающиеся организационные реформы, чиновников редко сокращали, наоборот, их число увеличивалось. Согласно наиболее доступным свидетельствам, только за время правления Диоклетиана бюрократия увеличилась вдвое.

Сталкиваясь с растущими правительственными расходами, императоры искали новые источники доходов и новые пути увеличить существующие поступления. Нерон начал вносить изменения в сами монеты. В 64 году в наивной попытке обмануть народ Нерон уменьшил содержание в монетах серебра и сделал серебряные и золотые монеты немного поменьше. Собирая существующие монеты, заново чеканя их со своим изображением и используя меньше серебра, Нерон временно создал излишки серебра и золота. Тот же фунт серебра, из которого прежде получалось 84 денария, теперь давал 96, обеспечивая Нерону почти 15 процентов прибыли. Таким же способом он увеличил количество золотых монет с 40 до 45, получающихся из одного фунта золота, позволяя экономить 11 процентов дорогого металла.

Когда возникала нужда в дополнительных деньгах, последующие императоры следовали стратегии Нерона, продолжая снижение стоимости национальной валюты. Используя имеющиеся серебро и золото, император имел больше монет на расходы без увеличения налогов. Увеличение количества монет, однако, на самом деле не увеличивало количества денег.

Во время своего правления Нерон сократил содержание серебра в денарии до 90 процентов; ко времени Марка Аврелия денарий содержал только 75 процентов серебра, а к концу II века Коммод сократил содержание серебра до 67 процентов. И когда император Луций Септим Север поднял зарплату солдатам, он вынужден был уменьшить содержание серебра в денарии до менее чем 50 процентов. Каракалла ввел абсолютно новую монету под названием антониниан, или двойной денарий, в котором было еще меньше серебра, но ее стоимость была обозначена в два старых денария. Ко временам Галлиена (260—268 гг.) антониниан содержал менее 5 процентов серебра. Так, за два

века серебряное содержание сократилось практически со 100 процентов до нуля. Количество серебра, прежде используемое для отливки одного денария, теперь производило 150 денариев, и по мере уменьшения количества серебра в прямой пропорции росли цены на товары. Пшеница, продававшаяся во II веке за полденария, веком позже стоила 100 денариев — двухсоткратное увеличение.

Поскольку императоры пользовались поддержкой армии, никакая другая сила в Риме не была в состоянии бросить им вызов. С такой мощной политической властью жадность императоров толкала их на захват еще больших богатств. В дополнение к богатствам зарубежных народов, завоеванных их армиями, императоры домогались огромных богатств, произведенных в самой империи сельским хозяйством и коммерцией, и они нашли новые пути пополнить их.

Со времен Августа, если не раньше, налоговые поступления империи шли из двух источников. *Трибутит* зОИ был ежегодным имущественным налогом на все земли, от лесов до обрабатываемых полей, а также на корабли, рабов, животных и прочее движимое имущество. Этот налог, похоже, равнялся примерно 1 проценту общей стоимости имущества. *Трибутит* сарШа был поголовным ежегодным налогом, который платил каждый взрослый в возрасте от 12 до 65 лет. Главным направлением этого налогового бремени было сельское хозяйство, тем самым поощрялась коммерческая активность.

Большая часть налогов уходила в казну центрального правительства в Риме, поэтому города и провинции вводили свои налоги на цели общественных проектов и выплаты зарплат. Дополнительно они ввели городские и провинциальные налоги на товары, ввозимые на свою территорию или вывозимые с нее.

Первых двух налогов было достаточно до тех пор, пока армия приносила большую добычу во время завоеваний, но они оказывались недостаточными по мере роста военных и правительственных расходов. Императоры вынуждены были вводить новые налоги. Они увеличивали налоги на землю; это привело в результате к тому, что крестьяне оставляли менее плодородные поля, и сельскохозяйственная продукция сокращалась. Императоры обратили повы-

шенное внимание на налогообложение коммерции и наследства, а также дошли даже до введения налога на продажу. В поисках больших налоговых поступлений Тиберий приказал каждому мужчине в империи вместе с женой и детьми явиться в свою родную общину для проведения переписи, на основании которой затем рассчитывался поголовный налог.

Согласно Евангелию, это было в то время, когда Иосиф из Назарета вернулся в свой родной город Вифлеем со своей невестой Марией, которая родила Иисуса в хлеву. Римское имперское налогообложение сыграло странную косвенную роль в рождении Христа: в Новом завете содержатся многочисленные ссылки на римское налогообложение, на вызываемое им негодование, на людскую ненависть к сборщикам налогов и даже на дискуссию — должны ли последователи Христа платить налоги. Иисус решил этот вопрос положительно, показав своим последователям монету с портретом императора и сказав им: «итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Лк. 20, 25). Христианство возникло в начале продолжительной экономической борьбы Римской империи, и, хотя немногие могли предполагать это в то время, новая религия сыграет важную роль в этой борьбе несколькими веками позже.

В третьем веке император издал приказ без названия — специальный и предположительно временный сбор по изъятию для нужд армии масла, вина, пшеницы, мяса, кожи и одежды. Эти сборы вскоре стали новым видом постоянных налогов, весьма похожих на дань, требуемую в свое время старой дворцовой экономикой.

Мелкие торговцы и купцы несли все возрастающее налоговое бремя от гнетущего налога *спбгузагдугоп* — налога на произведенные товары и розничную торговлю. Хотя этот налог собирал сравнительно мало для национальной казны, он наносил огромный урон ремесленникам и мелким торговцам. Чем больше люди производили, тем больше они платили налогов. Ко времени Диоклетиана многие римские подданные не зарабатывали достаточно денег для выплаты ежегодных налогов. Чтобы выплатить свои ежегодные задолженности по налогам, они вынуждены были тратить свой капитал, продавая такую собственность, как животных, инструменты и

даже саму землю. Все чаще эти мелкие торговцы, не имеющие земли, оказывались перед проблемой — продать своих собственных детей, а иногда даже себя, в рабство для уплаты налогов. Таким образом, все больше семей скатывалось в нищету.

Чем меньше становилось внешних источников, тем более жесткие пути выбирало правительство для эксплуатации своих собственных граждан. Один простой метод происходил из древней практики конфискации собственности любого, кто был признан судом предателем Рима или, если более точно, императора. Вскоре императоры начали использовать обвинение в предательстве как орудие для конфискации собственности любого достаточно богатого, чтобы привлечь внимание императора, но не настолько близкого к нему, чтобы заслужить его расположение. Каракалла, например, увеличил выплаты армии на 50 процентов с целью завоевать ее поддержку, а затем профинансировал это увеличение за счет конфискации собственности растущего числа людей, которых он не считал лояльными по отношению к себе.

В конце IV века римский солдат и ученый Аммиан Марцеллин написал одну из первых историй римской империи. Он в ней отметил, что империя уже ослабела, и объяснил ее упадок налогообложением и бюрократией. Даже император Валентиниан III признал трудности, когда сказал, «если мы потребуем эти средства у землевладельца в дополнение к тому, что он уже платит, такое изъятие лишит его последних слабых сил; если опять-таки мы потребуем то же от торговцев, они неизбежно погибнут под тяжестью этого бремени». После такого разумного наблюдения, полного сочувствия, Валентиниан, однако, ввел новый налог на продажи.

Налоги росли, а император и его фавориты были от них освобождены и наслаждались еще более роскошной жизнью, в то время как фермеры, торговцы и ремесленники, создававшие это изобилие, жили в крайней нищете. Вся экономика была направлена на финансовое обеспечение правительства. В Римской империи было невозможно достичь богатства, занимаясь тяжелым трудом в сельском хозяйстве или торговле, и даже родившись в знатной семье. Богатства можно было достичь, став фаворитом императо-

ра, получив таким образом назначение на высокую должность и обрета тем самым возможность требовать или красть огромные суммы денег.

Среди элиты вкус к предметам роскоши рос постоянно. Они сторонились простого полотна и шерстяной одежды, предпочитая шелк, привезенный за тысячи миль и по огромной цене из Китая. Они потребляли в больших количествах арабскую парфюмерию и фимиам. Они все больше носили украшений из золота и серебра, а также янтарь и меха из Балтики, другие драгоценные камни из самых отдаленных углов империи; они пользовались все больше косметикой из Анатолии. Деньги переходили из рук в руки на всем пути следования товаров караванами в наиболее отдаленные части империи, но в конечном счете деньги уходили из Римской империи для оплаты товаров, идущих от поставщиков из Китая, Индии, Африки и Балтики. Жажда предметов роскоши поглощала огромные средства, и это обусловило отток золота и серебра из Европы в Азию, который длился до XIX века.

Любовь римлян к азиатским предметам роскоши создала первый серьезный торговый дисбаланс в глобальном масштабе. Поскольку римляне мало что производили, они мало что могли и предложить на мировом рынке, помимо золота и серебра, в обмен на предметы роскоши из Азии. Неистребимое стремление иметь восточные товары обогатило правящую династию Андхра в Индии и династию Хан в Китае. Уровень торговли между Азией и Римом в древние времена стал очевидным в последние десятилетия, когда археологи и строители обнаружили несколько огромных тайников, содержащих римские монеты, в таковой дали — в Южной Индии.

ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВО БЛАГОДЕНСТВИЯ

Члены элиты, которые окружали императора, были не только людьми, извлекающими для себя пользу из успехов Рима. Начиная с республики и до образования империи, римские политики обнаружили, что они могут усилить свою власть, подкупая массы хлебом и зрелищами. В дополнение к экзотическим бесплатным представлениям

ям, которые организовывались в Колизее, политики в значительной мере освобождали граждан Рима от налогов, раздавали им субсидированную и просто бесплатную пшеницу, которая поступала в качестве налогов или дани из различных районов империи. Эта практика быстро стала институтом общественного вспомоществования.

Когда Юлий Цезарь пришел к власти, почти одна треть народа, примерно 320 000 человек, получали бесплатную пшеницу как государственную помощь, но путем мастерского маневрирования он сократил их количество более чем на половину, до все еще существенной цифры — 150 000. После убийства Цезаря эта цифра начала снова расти, а привилегии увеличиваться. В дополнение к пшенице император Люций Север давал жителям Рима оливковое масло; время от времени императоры раздавали наличные деньги как часть государственного вспомоществования. Император Аврелий, получивший титул Восстановителя империи, сменил раздачу пшеницы на паек хлеба, чтобы можно было экономить на выпечке. Он также субсидировал вино, соль и свинину.

Как и повсюду, когда бремя налогов стало невыносимо тяжелым в сравнении с льготами и услугами, предоставляемыми правительством, римляне нашли пути уклонения от налогов. Торговля сокращалась. Люди производили больше того, в чем нуждались сами, и меньше торговали на рынке. В то время как бедняки страдали от тяжелых налогов на собственность, *latifundia* — огромные поместья росли, особенно те, которые были освобождены от налогов. Высокие налоги заставляли крестьян оставлять свою землю и перебираться в освобожденные от налогов поместья, где они по меньшей мере имели постоянно еду и важнейшие товары, производимые в самом поместье.

Люди покидали маленькие фермы и города, огромные поместья росли и, в конце концов, поскольку уровень развития торговли был недостаточным для поддержания их жизнеспособности и деятельности, большие города пришли в упадок и пали жертвой полчищ мародеров. Хотя никто в то время не думал в терминах экономической политики, именно общая политика правительства задушила экономику Рима и большей части остального Средиземноморья, а также Европы. Императоры видели признаки смерти в эко-

номике и предложили энергичные меры для ее возрождения, но эти меры только ухудшили ситуацию.

Диоклетиан, правивший с 284 по 305 год, был в некотором смысле первым современным правителем, который попробовал отрегулировать и навести порядок в экономике, признавая тот факт, что она является истинным мотором империи. Для сохранения системы Диоклетиан в 301 году выпустил указ о ценах, который замораживал все цены и зарплаты. На практике, однако, вместо замораживания цен указ вынудил торговцев и фермеров убрать свои товары с рынка. Производство сокращалось.

Диоклетиан далее приказал всем гражданам мужского пола продолжать профессию своих отцов. Сын торговца должен был быть торговцем, фермера — фермером, сын чиновника — чиновником. Сыновья солдат должны были быть солдатами, создавая таким образом наследственный военный класс. Даже сыновья рабочих, которые чеканили монеты, должны были стать работниками монетного двора.

Указ Диоклетиана запрещал крестьянам, обложенным тяжелыми налогами, продавать землю, таким образом навсегда привязывая их к участкам земли — практика, которая предвещала век феодализма. Империя начала приобретать черты статичного, кастового общества — тенденция, которая проявилась более отчетливо в средневековой Европе.

В последние века Римской империи у императоров не было дееспособной валюты; как древние предшествующие империи, Рим обратился к принудительному, как воинская повинность, труду, чтобы удовлетворить свои нужды. Правительство часто не позволяло своим гражданам платить налоги обесцененными деньгами, которые оно все еще выпускало; вместо денег чиновники требовали плату в товарах, продуктах или труде.

Поскольку налоговая политика продолжала подавлять производство и коммерцию, императоры сталкивались со все большими трудностями в обеспечении армии и чиновников снаряжением и товарами, необходимыми для управления обширной, но сокращающейся империей. Рынок увядал; даже император не мог больше зависеть от открытого рынка, который обеспечивал бы его обувью, доспехами, оружием, седлами, палатками и другими товарами, нужными

для армии. В отчаянии Диоклетиан создал государственные цеха по производству вооружения. Вследствие упадка финансируемых частным образом морских перевозочных компаний и других транспортных предприятий, Диоклетиан также создал правительственные перевозочные компании.

Задолго до конца III века эти изменения сделали императора и правительство крупнейшими производителями в империи, в дополнение к тому, что они являлись крупнейшими владельцами земли, шахт и каменоломен. Шаг за шагом имперское правительство установило прямое управление экономикой, вытеснив мелких, независимых торговцев, землевладельцев, производителей и предпринимателей.

Правительственные мастерские и транспортные системы никогда не работали так эффективно, как старые, которые базировались на сети связей среди многих различных торговцев. Создание этих мастерских еще больше затруднило коммерцию и заставило частных предпринимателей или уйти из бизнеса, или попасть в полную зависимость от правительственных контрактов. Все большая часть экономики попадала под прямой контроль чиновничества, которое потребляло все больше произведенных государством сельскохозяйственных и промышленных товаров. В последние десятилетия своего существования Рим стал еще одной управляемой государством экономикой, империей без денег и рынка. Рим переродился в дворцовую систему, более похожую на фараонский Египет или императорский Китай, нежели на республиканскую систему, на которой он был построен.

ПРИБЫЛИ ОТ ГОНЕНИЙ

По мере разрушения экономики Римской империи ее отчаявшиеся правители изыскивали более радикальные решения вне экономической сферы. Чтобы обеспечить поддержку народа, усиливая свою власть над ним и армией, Диоклетиан приказал всем гражданам молиться на него как на бога. Затем, в 303 году, он начал ужасающие гонения на христиан, которые длились десятилетие. Гонения на христиан добавили денег в государственную казну

и обеспечили множество жертв для представлений в Колизее.

На короткий срок меры Диоклетиана и его последователя Константина смогли обеспечить возрастающие расходы, но они продолжали душить экономику. Попытки Константина, который правил с 306 по 337 год, возродить империю оказались более драматическими, потому что он все больше пытался найти решение проблем империи не в сфере экономики, а в сфере религии.

После видения креста со словами *т Кос злѣпо утсез* («с этим знаком ты победишь»), явившегося ему прямо перед главной битвой, Константин пересмотрел религиозную политику Диоклетиана и прекратил преследование христиан. Он изменил курс римской религиозной истории — в 313 году он издал Миланский указ, предоставивший христианам свободу исповедовать свою религию, и вернул им конфискованную собственность. Хотя Константин оставался некрещеным язычником, в 325 году он председательствовал на церковном Совете в городе Нике (нынешний город Ницца во Франции), который принял общее богословие для всех христиан и выработал Вероучение Нике, заявление о верованиях, которым правоверные христиане следуют и сегодня.

Константин признал, что гонения принесли мало пользы кому-либо. Как и в отношении всех предателей, государство конфисковало большую часть христианской собственности, но маленькая секта сохраняла сравнительно небольшое имущество или богатство. Преследование по религиозным признакам, однако, оказалось странным новым инструментом, созданным государством, и как только он был изобретен, государство начало задумываться о новых поводах для его использования. Если император не мог забрать достаточно собственности от христиан, ему нужно было взять под прицел богатые группы, у кого можно было бы конфисковать имущество. Константин обнаружил эти богатства во многих хорошо обеспеченных языческих храмах по всей империи.

Будучи не в состоянии финансировать свою администрацию за счет налогов и грабежа новых земель, Константин начал конфискацию ценностей в храмах своей собственной империи. Он проводил регулярные грабежи этих

храмов и из добытого золота и серебра отливал золотые монеты для финансирования своей новой столицы Константинополя. Строительство новой столицы прекратило денежные поступления в Рим и еще больше ухудшило экономическое положение римских земель.

Хотя спустя много веков трудно определить действительные мотивы, очень может быть, что стремление Константина завладеть богатствами храмов сыграло важную роль в его поддержке христиан и его последующем переходе в их религию. Независимо от мотива он извлек огромные выгоды от конфискации богатств храмов. Константин обратился в христианство и позволил себе креститься уже на смертном одре в 337 году. Он оставил христианство практически как официальную религию империи, и, поступив таким образом, еще более укрепил позиции императора в имперской системе.

Империя прочно утвердилась на Востоке, а западное Средиземноморье и Европа все больше окунались в хаос, хотя и носили название Римской империи еще более века. Поскольку крестьяне жили под тяжелым налоговым бременем со стороны своего правительства, многие из них приветствовали вторжения варварских племен, которые предлагали намного больше свободы, чем римляне. Они присоединялись к варварам, им не терпелось убить своих правителей, и они грабили оставшиеся города империи, включая когда-то могущественный имперский город Рим.

В IV веке, когда западная часть империи распалась, монетный двор в Риме прекратил производство своей полностью обесцененной валюты. Остготы захватили большую часть Италии и правили из Равенны, сделав здешний монетный двор основным в их королевстве. Когда император Юстиниан I завоевал Италию, он использовал монетный двор в Риме для чеканки некоторых монет для Византийской империи, но все же тот работал как вспомогательная мастерская для Константинополя. Чеканка монет в Риме подошла к концу, вместе с этим закончилась и классическая экономика.

К 476 году н. э., дате второго разграбления Рима и принятой дате падения империи, классическая монетарная экономика, прожившая почти тысячу лет, также рухнула. Римская экономика настолько разрушилась, что по-

надобилась почти тысяча лет, чтобы монетарная экономика возродилась в полной мере. В течение долгого периода, известного как средние века, деньги играли роль, похожую на тень той роли, которую они играли в классических Греции и Риме на пике их развития. После почти тысячи лет использования монет в культуре, базирующейся на городской жизни, люди вернулись в сельскую и практически безденежную экономику.

ДОРОГА К ФЕОДАЛИЗМУ

Сегодня множество крупных сельских поместий, замков и монастырей разбросано по земле бывшей Римской империи в Европе, от Англии до Италии. В течение почти тысячи лет, с падения Рима в 476 году до Возрождения (примерно около 1350 года), эти поместья служили центрами производства и власти, которые создали одну из величайших когда-либо известных сельских цивилизаций.

Средневековая эра, которую можно также назвать поместной, представляла собой главный отход от классической средиземноморской культуры. Если классическая культура была сфокусирована на городе, средневековая культура сконцентрировалась на поместьях. Если классическая культура делала упор на коммерции, средневековая — на самообеспечении, и если классическая экономика фокусировалась на деньгах, то средневековая — на наследственности в услугах и платежах. Средневековая культура также радикально оторвалась от классической эры, особенно в том, что средневековый мир практически прекратил пользоваться деньгами. Вместо сбора налогов в монетах лендлорды требовали от крестьян платы частью урожая и услугами. Вместо производства товаров для продажи каждое поместье стремилось к самообеспечению, насколько возможно производя собственные продукты питания, одежду и даже собственные орудия труда. Не имея возможности продавать свои услуги, люди становились крепостными, привязанными к земле. Даже рабство практически исчезло в это время за исключением рабов-преступников, язычников и мусульманских военнопленных.

Вследствие упадка образования все меньше людей могли читать или считать, что делало всех их более подозрительными и не желающими пользоваться монетами. В средние века чеканка монет продолжалась, но они весьма варьировались по качеству от региона к региону и от года к году. Зачастую они напоминали классические греческие и римские монеты, но часто содержали ошибки в написании и их можно было легко подделать. Общее качество монет опустилось так низко, что средний торговец, а также неграмотный крестьянин должны были быть чрезвычайно осторожными, пользуясь монетами любого типа. В целом люди предпочитали избегать такого ненадежного средства обмена и вместо него создали экономическую жизнь, основанную на бартере и обязательных услугах, оказываемых через феодальные узы.

С упадком Римской империи деньги начали исчезать, и коммерция пошла на убыль. Города, династии и империи многократно возникали и исчезали в Средиземноморье, но падение Рима было не просто падением еще одной империи. Крушение Рима разрушило весь классический образ жизни, построенный на денежной экономике и городских рынках, и эта классическая система больше никогда не вернулась.

Борьба между империей, основанной на дани, и рыночной системой, похоже, была выиграна империей. Под римской гегемонией правительство победило и разрушило саму систему рынка. Римлянам удалось сделать то, что персы пытались, но не смогли достичь в годы войны против торговых городов Греции.

Несмотря на окончательную гибель монетарной системы в Западной Европе, достаточно здоровые системы монет продолжали действовать в восточном Средиземноморье под покровительством византийских императоров в Константинополе. Деньги не создали и не развили более сложные институты, но по крайней мере они выжили. После веков спячки система постепенно возвратилась к жизни во время эры крестовых походов, когда западные европейцы вторглись на мусульманские земли востока. Деньги обрели новую важную роль в финансировании новых торговых путей, открывшихся между Востоком и Западом, и в финансировании огромных военных экспедиций, которые предпринимались на большие расстояния и долгие периоды времени.

4. Рыцари коммерции

В вере выгода.

Сайкаку Ихара

В среду 12 мая 1310 года французские солдаты погрузили пятьдесят четырех связанных мужчин на телеги и отвезли в пригород Парижа, где раздели и привязали к столбам, окруженным поленищами дров. Пока заключенные отчаянно кричали о своей невинности, охранники подожгли поленья под ними. Пламя поднималось все выше, опаливая их волосы и охватывая их тела. От жары возникали огромные волдыри, которые лопались, кожа растрескивалась, превращая жир в жидкость, стекающую по мышцам в слабые языки пламени. Треск огня постепенно заглушил крики сжигаемых людей.

После этой массовой казни рыцарей храма на полях близ монастыря Сен-Антуан начала рассыпаться первая европейская международная банковская система. Хотя большинство мужчин, сожженных в тот день, не принадлежали к высшим руководителям финансового учреждения, система никогда не смогла оправиться от публичной казни своих членов и сопровождающего ее публичного унижения самой организации. В течение следующих четырех лет даже некогда могущественные лидеры этой организации встретили такую же страшную смерть на острове на реке Сена, и вся их банковская система рухнула с исчезновением ордена.

НЕВИННЫЕ БАНКИРЫ

Первый значительный банковский институт возник не из торговой общины, а из странного и на вид непривлекательного религиозного ордена рыцарей, известных как там-

плиеры. Основанный крестоносцами в Иерусалиме около 1118 года, военный орден рыцарей храма Соломона посвятил свою жизнь службе церкви и, в частности задаче освобождения Святой земли от неверных. Тамплиеры позже стали бизнесменами, которые управляли крупнейшей в мире Международной банковской корпорацией в течение почти двух столетий. За это время они заложили основу современного банковского дела, но за это им пришлось заплатить слишком высокую цену. Их успех привел не только к разрушению ордена, но и к попыткам и публичному сожжению их лидеров.

Набранные из молодых дворян, не унаследовавших ни титула, ни богатства, рыцари давали обет служения церкви и безбрачия. Они жили в развалинах храма Соломона в Иерусалиме, откуда и происходит их название. Они взяли на себя специальное обязательство охранять дороги, по которым пилигримы шли в Святую землю.

Рыцари-тамплиеры вели нелегкую жизнь, по крайней мере, в начальные годы. Хотя они сражались ожесточенно, ели только два раза в день, молча, под библейские чтения. Мясо они ели только три раза в неделю. В знак своего целомудрия они носили белые мантии, украшенные большим красным крестом, коротко стригли волосы и выбривали тонзуру как другие монахи.

Женатые могли вступить в орден, но они должны были вести целомудренную жизнь вдали от семьи, и даже в этом случае они не могли надеть традиционную белую мантию, предназначенную для братьев, которые были девственниками и никогда не были женаты. Все рыцари должны были держаться подальше от женщин и не могли поцеловать ни одну женщину, даже члена семьи. Чтобы предотвратить неприемлемые взаимоотношения, орден не имел женского отделения и в отличие от других орденов не разрешал вход молодежи. Для окончательного предотвращения греха тамплиеры спали в рубашках и штанах с веревкой вокруг талии для напоминания об их целомудрии. В их комнатах всю ночь горела свеча, чтобы отбить охоту к какому-нибудь аморальному акту — в одиночку или с кем-то.

В XII веке, согласно свидетельству очевидца, рыцари шли на битву молча, но в момент атаки они разражались

громкой песней одного из псалмов Давида «Не нам, Господи». Они придерживались строгих правил ведения войны, практически исключавших сдачу в плен или поражение на поле битвы. Благодаря своей готовности и даже желанию погибнуть тамплиеры были воинами, которых боялись больше всех в мире. Тамплиеры послужили романтической моделью для рыцарей в опере Ричарда Вагнера «Парсифаль» в XIX веке.

Даже самые строгие и хорошо продуманные кодексы правил дают трещины, которые увеличиваются и расширяются с течением времени до тех пор, пока первоначальная структура не меняется полностью до неузнаваемости. Хотя орден был основан в полной нищете, последующие папские буллы предоставили ему право владеть всем, что было захвачено у мусульман во время крестовых походов. Как практически все религиозные ордена, тамплиеры принимали подарки и наследство от верных им соотечественников. Наиболее бесславный из этих подарков поступил от короля Англии Генриха II, который пожертвовал тамплиерам деньги, чтобы отплатить за убийство четырьмя рыцарями Томаса Бекета, архиепископа Кентерберийского, в 1170 году. Король пожертвовал столько денег, что их было достаточно, чтобы содержать две сотни рыцарей в Святой земле, и оставил дополнительно по своему завещанию 15 000 марок тамплиерам и другому ордену, рыцарям-госпитальерам.

С годами тамплиеры приобрели много земли и ценностей, предназначенных для поддержания работы ордена в Палестине. Рыцари регулярно переправляли поступления из своих европейских поместий в свою штаб-квартиру в Иерусалиме.

Поскольку тамплиеры владели самыми укрепленными замками в мире и создали одни из самых жестоких войск того времени, их замки были идеальным местом для хранения денег и драгоценностей. Жестокие тамплиеры, к которым относились с уважением, предлагали также идеальный способ транспортировки таких ценностей на дальние расстояния, даже по Средиземноморью, поскольку брали на себя ответственность за дороги и морские пути.

Французский рыцарь мог положить деньги на хранение или взять заклад через тамплиеров в Париже и полу-

чить деньги в виде золотых монет, когда это понадобится, в Иерусалиме. Тамплиеры, разумеется, брали плату за эти сделки, и поскольку они выплачивали заклады в иной валюте, а не в той, что получили, они могли дополнительно заработать на обмене.

В дополнение к хранению и транспортировке ценностей тамплиеры управляли фондами, собранными из религиозных и светских источников для финансирования крестовых походов. Они также предоставляли займы королям, включая французского Людовика VII, и тем рыцарям, кто нуждался в средствах для себя и своих слуг, когда они уходили в крестовый поход. Рыцари, которые не были членами ордена, обычно хранили свои ценности в крепостях тамплиеров, оставляя вместе с ними свое завещание, по которому орден выступал в качестве исполнителя, если рыцарь не возвращался. Орден часто организовывал и осуществлял контроль за закладами и другими финансовыми операциями для королей во время их отсутствия. Так было, когда Филипп II, король Франции, предоставил тамплиерам право контролировать поступления от своих земель, отправившись в крестовый поход в 1190 году. Вскоре замки тамплиеров стали настоящими банками, предлагающими многочисленные финансовые услуги дворянству.

Штаб-квартира тамплиеров в Париже стала одним из самых больших казначейств в Европе. Чтобы обеспечить абсолютную честность, орден запрещал своим рыцарям иметь собственные деньги. Этот запрет настолько строго соблюдался, что если какой-нибудь рыцарь умирал и при нем находили неразрешенные деньги, считалось, что он умер как бесчестный человек. Ему отказывали в христианских похоронах и, таким образом, согласно их религии, он был обречен на вечное проклятие. Такие строгие правила и вера сдерживали воровство и даже малейшую нечестность на протяжении всей истории ордена.

Несмотря на преданность тамплиеров их миссии, они постепенно теряли почву в Палестине, уступая египетским мамлюкам, армии жестоких военных рабов, большинство которых было набрано из христианских семей и обращено в ислам. В 1291 году тамплиеры потеряли город Акр, последний оплот на континенте, и направились на

остров Кипр. Несмотря на военное поражение, их финансовые предприятия продолжали процветать.

На протяжении XIII века этот орден образованных и честных рыцарей служил в качестве финансового агента папства и управлял многими счетами французских королей, включая семейные. В качестве банкира королей и папы орден тамплиеров превратился в институт, несколько напоминающий современный департамент казначейства, только не собирающий налогов. На пике своего могущества они имели примерно 7000 работников и владели 870 замками и домами, разбросанными по всей Европе, от Средиземноморья до Иерусалима.

ОПАСНОСТИ УСПЕХА

Несмотря на нищету отдельных членов, орден рос богатым, властным и, похоже, был вне контроля со стороны какого-либо одного государства или короля. Они превратились в мишень, которую со временем мог легко поразить какой-нибудь монарх, достаточно сильный и жадный. Такой монарх наконец появился в лице энергичного короля Франции Филиппа IV, известного под именем Филипп Красивый, потому что его считали самым привлекательным мужчиной в мире. В 1295 году Филипп изъял управление своими финансами из рук тамплиеров и установил в Лувре королевское казначейство. Затем он начал кампанию, нацеленную на захват обширных владений и ценностей тамплиеров.

Отчаянная потребность Филиппа в деньгах возникла после того, как он пытался осуществить тот же трюк, что провернул Нерон несколько тысячелетий назад: он обесценил серебряную валюту своего королевства, чтобы переплавить старые монеты в новые с меньшим содержанием серебра. Как и Нерон, Филипп кончил тем, что увеличил количество монет и уменьшил количество денег, поскольку теперь каждая монета имела меньшую покупательную способность. Затем Филипп пытался реформировать французскую валюту, вернув ее к первоначальной стоимости. В 1306 году он изъял монеты из оборота и переплавил их по цене, установленной Людовиком IX в 1266 году. Филипп

постоянно менял в последующие годы стоимость монет, но в конце концов каждое изменение било по нему самому. Ему нужен был постоянный источник золота и серебра, чтобы восстановить фальсифицированную валюту.

Чтобы удовлетворить свою постоянную потребность в деньгах, он обратился к торговцам Ломбардии и изъясил их товары. Он пытался обложить налогами духовенство, затем обратил свое внимание на евреев, выслав их в июле 1306 года и присвоив их собственность. Даже богатства евреев и ломбардийцев вместе с налогами от духовенства не хватало для удовлетворения нужд растущего правительства Филиппа и его жажды власти. Ему нужны были деньги в огромных количествах.

Самые большие ценности в Европе были сосредоточены прямо под Парижем в хорошо укрепленном замке, который служил главным хранилищем богатства тамплиеров. Но чтобы заполучить его, король должен был разрушить орден, и он продемонстрировал желание и способность сделать это. В 1307 году Филипп издал секретный приказ с резким обвинением ордена.

•Мучительная вещь, прискорбная вещь, которую страшно предположить, страшно слышать, отвратительное преступление, отвратительный дьявол, противная работа, отвратительное бесчестие, дело почти нечеловеческое, находящееся за пределами гуманности». Этими словами Филипп подготовил сцену для искусной пропагандистской кампании, которая нужна была ему, чтобы свалить и разграбить самый мощный финансовый институт в мире.

Без объявления войны тамплиерам агенты Филиппа IV провели неожиданный рейд, в ходе которого они арестовали по всей Франции ничего не подозревающих лидеров ордена. Филипп выбрал время для рейда, чтобы арестовать Жака де Молей, старейшего Великого магистра ордена, который прибыл во Францию из своей штаб-квартиры на Кипре, чтобы заняться некоторыми финансовыми делами для тамплиеров и папы Клементя V.

Союзники Филиппа немедленно развязали словесную войну против тамплиеров, обвиняя их в самых страшных преступлениях, чтобы возбудить ужас и ненависть общественности по отношению к ним. Обвинения вылились в продолжительные расследования, закончившиеся драма-

тической серией судов, на которых французские прокуроры обвинили руководителей ордена в ереси, отступничестве, поклонении дьяволу, сексуальных извращениях и целом списке страшных нарушений средневекового кодекса морали. Под жестокими пытками престарелые офицеры ордена подписали признания с мрачными деталями их деятельности как поклонников дьявола, осквернителей священных объектов, пособников сатаны и сексуальных извращенцев.

Обвинения включали такие пункты, как секс с трупами благородных дам, поклонение коту, поедание тел мертвых рыцарей, установление кровных уз с мусульманами. Другие свидетели обвиняли тамплиеров в соращении девственниц с целью рождения младенцев, чей жир рыцари якобы перерабатывали для приготовления священного масла для их идолов. Прокуроры Филиппа обвиняли тамплиеров в поощрении педерастии внутри ордена и упоминали этот грех, в частности как причину, по которой тамплиеры провалили крестовые походы в Святую землю и утратили контроль над Иерусалимом. Падение Иерусалима, таким образом, рассматривалось параллельно библейской легенде о гневе Бога и последующем разрушении городов Содом и Гоморра по таким же причинам. Обвинение в педерастии предлагало простым людям объяснение, почему Бог позволил мусульманам завоевать Иерусалим. Обвинение делало понятной историю, которая иначе была бы запутанной для правоверных, молившихся усердно много лет за освобождение Святой земли.

Прокуроры Филиппа использовали против ордена даже его богатство. Все христиане верили, что сатана явился перед Христом в пустыне и предложил ему все богатство мира в случае, если он отречется от Бога и последует за сатаной. Христос отказался и жил в нищете. Тамплиеры, наоборот, стали самой богатой группой на земле и жили слишком богато, если не в полной роскоши. По словам прокуроров, тамплиеры, должно быть, заключили союз с дьяволом, чтобы стать столь богатыми.

После первоначального шока от ареста и пыток большинство тамплиеров отреклось от своих показаний и защищало себя и свой орден с той же отвагой и силой, с какой рыцари завоевали свою репутацию на полях сраже-

ний. Они теперь противостояли не мусульманским войнам, а судьям, прокурорам и палачам, которые говорили на их языке и поклонялись их же богу. Тамплиеры не получили помощи, когда она им понадобилась, от своей матери-церкви, которую они защищали своими жизнями так много лет. Почти десять лет французские власти пытали тамплиеров, чтобы выжать из них признания. Когда их подвергали публичному осуждению, тамплиеры собирались с силами и отрекались от своих признаний, после чего следовал новый раунд пыток и признаний.

Подчиняясь давлению французской монархии, папа Климент V упразднил орден своей буллой 22 марта 1312 года. Папа посчитал более благоразумным пожертвовать рыцарями своей церкви, нежели перечить воле французского короля. Ликвидируя орден, папа надеялся сохранить какой-то контроль над собственностью тамплиеров, которую он перевел другим религиозным группам, главным образом госпитальерам.

Через четыре года после массовой казни тамплиеров под Парижем 18 марта 1314 года Великого магистра Жака де Молея и Жоффруа де Чарне вывели из их камер и сожгли на маленьком острове на реке Сена. Так король Филипп полностью разрушил самый могущественный международный финансовый институт того времени. Французское правительство в своих попытках завладеть всем богатством тамплиеров в Париже потребовало от госпитальеров большую его часть в качестве компенсации за расходы, понесенные на расследования и суды тамплиеров. Видя, что случилось с их братьями тамплиерами, госпитальеры быстро оценили зловещие угрозы Филиппа очистить их орден тем же огнем, который он использовал против тамплиеров.

Папа Климент V и король Филипп IV спорили о деньгах и собственности ордена, но недолго. В том же 1314 году оба, папа и король, умерли. Многие, всегда усматривающие волю Бога в происходящем на земле, пришли к выводу, что Бог призвал папу и короля, чтобы они предстали перед его троном вместе с сожженными тамплиерами для окончательного суда.

На земле не имело значения, кто был виноват, поскольку ничто не могло изменить того, что случилось.

Полная победа короля Филиппа над рыцарями-тамплиерами четко продемонстрировала усиление власти национального правительства, которое не потерпит такого мощного международного финансового соперника, как тамплиеры. Независимо от того, живы бы были или умерли Филипп и Климент, борьба между ними складывалась явно в пользу государства. Впервые после падения Рима правительство в западной Европе подтвердило свой авторитет и власть в управлении финансовыми институтами и сломало коммерческую власть церкви. Никогда больше церковь или ее институты не пользовались таким влиянием на финансовую деятельность в западной Европе.

Разрушение ордена тамплиеров, однако, создало финансовый и коммерческий вакуум. Церковь была слишком слаба и напугана, чтобы заполнить его, а правительство — еще недостаточно большим и сильным.

ВОЗВЫШЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКИХ БАНКИРСКИХ СЕМЕЙ

В этот кардинальный момент в экономической истории Европы, когда финансовая власть церкви уменьшилась, а власть государства еще не набрала силу, чтобы заменить ее, в эту брешь проникла новая группа людей и институтов. Семьи северо-итальянских городов-государств Пизы, Флоренции, Венеции, Вероны и Генуи начали предлагать те же самые услуги, что и тамплиеры, хотя и на более скромном уровне. Эти семьи создали новую сеть банковских учреждений вне контроля со стороны церкви и государства, но все же тесно связанных с обоими.

Новая система частных, семейных банков возникла в северной Италии. Эти банкирские семьи действовали не под эгидой религиозного миссионерства и не в строгих рамках, установленных для тамплиеров церковью и христианской доктриной. Итальянские банкирские семьи охотно и легко имели дело с мусульманами, татарами, евреями и язычниками, равно как с ортодоксальными и католическими христианами. Банковская сеть итальянских торговых семей вскоре протянулась от Англии до Каспийского моря, они финансировали торговые операции по всему из-

вестному в то время миру — от Китая до Судана, от Индии до Скандинавии. Они стабильно предоставляли кредиты по ставкам ниже, чем другие финансисты, они контролировали больше денег и давали их в долг под постоянный, хотя и не всегда низкий процент. Не связанные религиозными принципами тамплиеров, они имели только одну цель — получить прибыль.

Итальянские семьи отличались от религиозных рыцарей и другими важными моментами. Они работали не в хорошо укрепленных замках, не передвигались в надежно охраняемых конвоях. Они жили и работали на рынках, среди людей, обслуживая нужды как небольших землевладельцев, купцов и продавцов, так и аристократов и высокопоставленных лиц церкви и государства. Если тамплиеры обслуживали только дворянство, новые итальянцы служили всем.

В своих финансовых поисках итальянские торговцы ездили на рынки и ярмарки по всей Европе. Как другие странствующие торговцы и купцы, они устанавливали столы или большие лавки, с которых они не только продавали свои товары, но и обменивали деньги, давали займы, принимали деньги в уплату долга для кого-то в соседнем городе и предоставляли другие похожие финансовые услуги.

Современное слово «банк» рождено способом, который избрали эти первые денежные торговцы для своего бизнеса; оно происходит от слова, означающего «стол» или «скамья», — опора, которая в буквальном смысле была базой операций на рынке. Из итальянского языка слова *Банк*, *Банко* и *Банда* вскоре вошли в другие европейские языки и в конечном счете распространились по всему миру.

Ростовщичество в той или иной форме было известно со времен, когда деньги только появились, но банк стал чем-то большим, чем институт, дающий деньги в займы, потому что банкиры имели дело не столько с золотом и серебром, сколько с листками бумаги, представляющими золото и серебро. Банковское дело, как оно практиковалось тамплиерами, сталкивалось с серьезным ограничением — церковь запрещала ростовщичество, взимание процента с займа — и этот барьер стал одним из самых больших препятствий, которое итальянские семьи должны были преодолеть для строительства своей обширной банковской сети.

Христианский запрет ростовщичества базируется на двух положениях Библии: «Не бери от него роста и прибыли, и бойся Бога твоего... Серебра твоего не отдавай ему в рост, и хлеба твоего не отдавай ему для прибыли» (Лев. 25, 36—37); и «В рост дает и берет лихву: то будет ли он жив? Нет, он не будет жив. Кто делает все такие мерзости, тот непременно умрет, кровь его будет на нем» (Ис. 18, 13).

Библейский запрет никогда не уничтожал ростовщичество полностью, но определенно стеснял его. Евреи с давних времен выступали ростовщиками, и в глазах церкви они уже были обречены на вечное проклятие, но, если христиане давали деньги под процент, католическая церковь отлучала их от всех служб и Святого Причастия. Закон определил достаточно точно, что *и́счѣи́а зогИ ассеаН, изига ез!* («то, что превышает основной капитал, — есть ростовщичество»). Итальянские банкиры все же нашли способ обойти этот запрет и таким образом становились богатыми, не подвергая опасности свои души.

Ростовщичество было связано только с займами, так что на чисто технических различиях между займом и контрактом итальянские торговцы построили целое здание заимствования и одалживания, за фасадом которого ростовщичество никак не просматривалось. Они тщательно избегали давать займы. Вместо этого они продавали обменные векселя. Обменный вексель представлял собой письменный документ, гарантирующий выплату определенной суммы определенному лицу в определенном месте и в определенное время. Наименование этого документа на латинском — *сатѢшт рег леМгаз*, что означает «обмен через письменный документ или вексель». Эта сделка была продажей одного вида денег за другой, которым будет произведена оплата в оговоренное время.

Торговец, нуждающийся в деньгах, шел в Италию к банкиру. Банкир давал ему требуемую сумму наличными, во флоринах Флоренции или в дукатах Венеции, и оба подписывали переводной вексель, по которому торговец соглашался выплатить немного большую сумму в другой валюте на следующей ярмарке в Лионе или Шампани во Франции. Торговцу не нужно было появляться на ярмарке лично для оплаты векселя. Обе стороны знали, что

если торговец не смог показаться на ярмарке, контора во Флоренции получит деньги, которые ей должны.

Итальянцы не выдумали переводной вексель, они нашли ему новое и более выгодное применение. Банкиры получали гонорар за обмен денег и потому были организованы в гильдию валютного обмена, *Agle ael CatBo*, которая стояла отдельно от класса ростовщиков, столь ненавидимых всеми. В действительности, банкиры стали давать займы богатым, в то время как ростовщики — бедным.

Эти переводные векселя хорошо функционировали в христианских странах, но они не срабатывали в мусульманском мире. Коран запрещал ростовничество даже более строго, нежели Библия. Он запрещал любой вид прибыли от обмена золота и серебра. Мохаммед сказал: «Не продавай золото за золото за исключением если только в равном количестве... серебро за серебро только в равном количестве». Коран особенно запрещал переводные векселя, осуждая продажу «чего-то имеющегося за что-то отсутствующее».

ВОЛШЕБСТВО БАНКОВСКИХ ДЕНЕГ

Переводные векселя оказали и другое благоприятное влияние на развитие коммерции: они помогли преодолеть главное препятствие времени — громоздкость монет и трудности обращения с большим их количеством. Монеты были тяжелыми, трудными для транспортировки, их легко было своровать, часто их подделывали; они были подвержены дюжине других проблем на плохо охраняемых дорогах, на землях коррумпированных дворян и на плохо управляемых ярмарках и рынках, которые возникли как новые коммерческие центры Европы.

Новые итальянские банковские деньги придали новый импульс развитию коммерции за счет быстрого перемещения. В 1338 году перевозка монет требовала три недели, чтобы преодолеть расстояние чуть больше четырех сотен миль, от Руана на севере Франции до Авиньона на юге, и была опасность, что груз захватят или украдут те самые люди, которых наняли для его перевозки. Переводной век-

сель мог преодолеть этот путь за восемь дней, и даже если он был украден, вор не мог им воспользоваться. Иными словами, переводной вексель перемещался быстрее и защищал всех, вовлеченных в сделку. Несмотря на его стоимость от 8 до 12 процентов, вексель все равно был дешевле, чем стоимость найма вооруженного эскорта для перевозки золотых и серебряных монет или слитков. Переводные векселя сняли с денег пространственные ограничения.

Переводные векселя также сняли с денег ограничения какой-либо одной валюты и в случае недостатка золота и серебра, что могло произойти в стране, которая чеканила монеты. Торговец мог подписать вексель в дукатах Венеции, саксонских талерах, флоринах Флоренции, миланских тестонах, французских экю или любой из дюжины других валют. Векселя не зависели от наличия золота и серебра, имевшихся в государстве; в большой степени они зависели от доверия торговцев к данной валюте. Если они теряли доверие к одной валюте, то быстро переключались на другую.

Переводные векселя создали новые деньги, сломав физические ограничения, связанные с металлическими монетами. Векселя сами по себе циркулировали среди торговцев как вид бумажных денег. Хотя деятельность и услуги банков оставались ограниченными небольшим кругом людей и не охватывали простых крестьян и горожан, банки в действительности нашли возможность пустить в обращение большее количество денег.

По новой системе мешочек со ста флоринами, который когда-то мог годами лежать в сейфе, теперь мог быть депозитом на сохранении в итальянском банке, который имел отделения по всему континенту. Банк, в свою очередь, давал деньги в долг и распространял переводные векселя как деньги. Дворянин по-прежнему владел своей сотней флоринов; банк имел сто флоринов в своих книгах. Торговец, занявший флорины, становился богаче, и человек, владевший векселем, также имел сто флоринов. Хотя всего в дело было вовлечено сто золотых монет, волшебство банковских депозитов и займов превратило их в несколько сотен флоринов, которые могли быть использованы различными людьми в разных городах в одно и то же время.

Эти новые банковские деньги открыли новые огромные пространства для торговцев, производителей и инвесторов. У каждого стало больше денег; это было настоящим волшебством.

Итальянские торговцы занимались банковским делом в качестве частных предприятий с корнями в таких семьях, как Перуцци, Барди и Аццьяоли во Флоренции, которые имели родственников, служащих в отделениях от Кипра до Англии. Совместно банкирские семьи Италии финансировали английскую монархию при Эдуарде I и Эдуарде II в их кампаниях по завоеванию Уэллса и Шотландии. Поддерживая английскую монархию, итальянские банкирские семьи заработали больше денег, чем они получали просто в качестве процентов от рискованных займов. Имея должником английского короля, они получали особый доступ к английским рынкам. В частности, их особые отношения с монархией обеспечили им возможность чуть ли не монополизировать торговлю английской шерстью на континенте.

Итальянские банкиры вскоре получили высокую прибыль, предоставляя такие скрытые займы принцам, королям, кардиналам и даже самому папе. Хитрость с обменом требовала громадной бумажной структуры бухгалтерского учета в дополнение к необходимости для банкиров работать в тандеме с коллегами в других городах. Возникла потребность в более сложной системе для простых валютных менял, работающих на столах и скамьях или в маленьких конторах поблизости от рынков.

Согласно контрактам, подписанным папой с банкирскими домами Перуцци и Барди 9 июня 1317 года, деньги из всех католических церквей Англии, предназначенные для папы, поступали на депозит в представительства Перуцци и Барди в Лондоне. Сами реальные деньги они держали в Лондоне, а переводные векселя отсылали в Италию, где банки платили папе из своей казны. Банкиры Перуцци и Барди в Лондоне использовали деньги, положенные к ним на депозит церковью, для покупки английской шерсти, которую они переправляли на континент для продажи. Полученные от продаж средства банк держал в Италии. Таким образом деньги передавались туда-сюда между Италией и Англией и между рынками на континен-

те. Они перемещались из хранилищ государства в казну церкви, далее — к банкирам и назад к торговцам, и из них платились налоги прежде, чем начиналось новое «путешествие». И все это можно было сделать без участия хотя бы одной-единственной монеты; в движении были лишь колонки в книгах учета и бухгалтерских книгах. Банковское дело было нововведением, которое стимулировало коммерцию на всех ее стадиях и приносило выгоду всем — от крестьянина до короля и от местного священника до папы — там, где банкирские семьи открывали своего контору.

Переводные векселя вызвали бум на европейских рынках, помогая справиться с катастрофически недостаточным поступлением золотых и серебряных монет. Заставляя систему работать более быстро и эффективно, они увеличили количество денег в обращении. Векселя сами становились деньгами, попадая в третьи, четвертые и пятые руки таким же образом, как сегодня бумажные деньги. Векселя циркулировали по всей Европе как специальный вид бумажной валюты, которую принимали торговцы в главных коммерческих центрах на континенте.

С распространением итальянских банков по Европе валюты Флоренции и Венеции стали двумя стандартами для континента. Впервые отчеканенная в 1252 году флорентийская монета имела на одной стороне портрет святого Джона Баптиста, а на другой — лилию; эта золотая монета стала известна как *йогто сГого* или флорин. Город выпускал флорин в обеих, серебряной и золотой, деноминациях, золотая была в десять раз дороже серебряной. В то время, когда каждый, даже небольшой город с претензиями на собственную значительность чеканил собственные монеты, самостоятельно определяя их размер и название, флорин Флоренции и дукат Венеции помогали сохранять стабильность на рынках позднего средневековья. Венецианский дож Джованни Дандоло выпустил золотой дукат в 1284 году, и тот был в ходу в течение шести веков. Венецианский дукат был назван *гессБпо* в честь дворца Ба Зесса, где выпускались монеты. Наименование дукат пришло от латинской надписи на монете. Как титул аоде (дож), который носил глава Венецианской республики, аиса! (дукат) родственен словам Дике и аисБу от

латинского йисега, означающего быть лидером. Венецианский дукат оставался неизменным по размеру и чистоте содержания до падения Республики Венеция в 1797 году.

Новые формы банковских денег, находившихся в обращении в Европе, обусловили необходимость новых способов ведения учета движения денег, которые подчинялись законам множества разных стран и были представлены разнообразными валютными системами. Нововведения во Флоренции привели к двойной бухгалтерии, упрощенной форме морского страхования и самому важному новшеству из всех — чеку. Согласно нормам раннего банковского дела, человек мог положить деньги на депозит или снять их, только появившись лично перед банкиром, который выдал бы деньги только в случае, если вкладчик сам устно просил об этом. Письменные просьбы об изъятии денег считались слишком рискованными, поскольку такой документ легко было подделать, в то время как личное появление вкладчика перед клерком, если это потребуется, может быть позже им засвидетельствовано. Лишь в конце XIV века в записях банка Медичи появилось первое упоминание о письменной просьбе об изъятии денег. Эти первые чеки еще больше увеличили скорость и гибкость работы банковской системы.

Итальянские банкиры процветали, но, как и тамплиеры до них, они в конечном счете погибли в результате своего успеха и своего взаимодействия с правительством. Некоторые из главных итальянских банковских семей поддерживали Эдуарда III в начале столетней войны между Англией и Францией, но когда он прекратил выплаты по своим долгам в 1343 году, его банкротство вызвало банкротство ведущих флорентийских семейных банков, а также их многочисленных вкладчиков. Вся денежная система, базирующаяся на переводных векселях, была основана на честности и доброй воле участников, но, когда правительство стало слишком обременено долгами, оно отказалось от них, разрушив тем самым систему. Банковские состояния итальянцев исчезли, как песчаные замки на берегу во время сильного прилива. Затем, в завершение судьбы флорентийских банков в Северной Италии началась эпидемия чумы, которая свирепствовала до 1348 года.

Хотя первые итальянские банковские семьи навлекли финансовые бедствия на себя и город Флоренцию, само банковское дело выжило. Их практические новшества распространились на другие города и оказались слишком выгодными для торговцев, чтобы позволить им исчезнуть. Генуя и Венеция быстро восстановили репутацию банковского дела Флоренции, и к концу XIV века сама Флоренция возродилась как международная банковская сила. Несмотря на серьезные потери в XIV веке, банковское дело ожило с новой силой в следующем веке под руководством великой банковской семьи Флоренции — Медичи, которая пришла в банковское дело сравнительно поздно, в последние десятилетия XIV века.

Хотя банковское дело возникло во время итальянского Возрождения, оно не пользовалось большим уважением. Работа банкиров в качестве денежных менял и ростовщиков ставила их примерно на тот же уровень, что и простых менял валюты — чуть-чуть выше сводников, картежников и прочих преступников. В аристократической системе Европы, основанной на земле и титуле, обладание богатством имело практическое значение, но не заслуживало уважения. Декрет голландской церкви, принятый в 1581 году, запрещал банкирам, вместе с теми, кто занимался другими, не заслуживающими уважения, делами, получать Святое Причастие. Закон находился в силе до 1658 года. Многие священники продолжали проклинать получение процентов как противоречащее библейским предписаниям.

Чтобы стать уважаемыми после того, как они стали богатыми, банкиры должны были обзавестись атрибутами поздней средневековой жизни. Им нужны были поместья, городские дворцы, аристократические титулы и высокие церковные посты. В попытках добыть этот парадный мундир банковские семьи Европы создали Возрождение, но ни одна семья не преуспела в этом так, как поздно появившаяся семья Медичи.

5. Ренессанс: новые деньги для старого искусства

Банкиры такие же люди как все, только богаче.

Огден Наш

Одни города постоянно обновлялись на протяжении веков, меняя свой архитектурный стиль, правительство, религию, а иногда даже свои имена; другие навечно укоренились в истории, культуре и характере одной, особой эры. Ни один город не держался так упорно за свое особое место в истории, как Флоренция, расположенная на Тосканских холмах в Италии. Флоренция вечно остается городом Возрождения, городом Бернини и Микеланджело, городом Медичи и Савонаролы. Хотя Флоренция существовала за несколько веков до Возрождения и остается крупным и важным городом в современной Италии, ее сердце и фасад остались принадлежать эпохе Возрождения. Ее великие здания и монументы возникли в этот период, во время, когда процветали ее великие художники, скульпторы, поэты и писатели.

СЛИШКОМ МНОГО ИСТОРИИ ДЛЯ ОДНОГО ГОРОДА

Флорентийцы гордились своей принадлежностью к культурной столице Италии, несмотря на то, что коммерческие, политические и религиозные центры переместились в другие города. Хотя город развился сравнительно поздно в средиземноморской истории как аванпост Рима, граждане гордились достижениями своего города и не считали его вторым ни после одного другого города в мире, тем более в Италии. Они гордились тем, что сохраняли высокий уровень искусства, прекрасную архитектуру, чис-

тейший язык и славную историю. Они считали даже, что их пресноватая кухня значительно изысканней по вкусу и содержанию, чем более известная еда юга, где повара употребляли больше специй, масла и томатов. Флоренция служила столицей вновь объединенной Италии короткое время, с 1865 по 1871 год, пока правительство не переехало в древний императорский и религиозный центр — Рим. Флоренция произвела на свет больше истории, искусства и грез, чем полагалось бы одному городу.

Сегодня люди со всего света совершают паломничество, чтобы познакомиться с Флоренцией и отдать дань памяти Возрождению. Студенты учатся здесь семестр или год, туристы приезжают на день. Все они проделывают один и тот же путь, чтобы восхититься кафедральным собором, посмотреть галерею Уффици, посетить Академию искусств и насладиться чудом Микеланджело — Давидом. Они делают перерыв для долгого обеда в одном из многочисленных ресторанов или чтобы выпить кофе в уличном кафе, затем направляются в магазины сувениров, которые предлагают огромное разнообразие подарков — от радужного Давида на термометре до кожи, украшенной золотом, и мебели с инкрустацией драгоценными камнями.

Неоднократные войны и наводнения уничтожили часть оригинального города, но каждый раз флорентийцы тщательно восстанавливали город Возрождения. В 1944 году, когда армия союзников двигалась на север по итальянскому полуострову, отступающая германская армия взорвала все мосты через реку Арно, кроме Понте Веккио, но флорентийцы восстановили все, используя столько оригинального камня, сколько могли спасти. Позже, меньше чем через поколение, обычно спокойная река Арно внезапно превратилась в ожесточенный стремительный поток, затопив во время наводнения весь исторический район, когда величайшие культурные памятники города скрылись под двадцатью футами воды и тоннами грязи. Ночью 4 ноября 1966 года наводнение разрушило примерно тысячу картин и пятьсот статуй. Такие разрушения требовали международного вмешательства, помощи и десятилетий труда для восстановления.

Правительства в Италии сменяли друг друга так часто, что страна находилась под руководством нового лидера

практически каждый год после окончания Второй мировой войны, а цены писались с таким количеством нулей, что приводили в замешательство иностранцев, не привыкших к покупкам, которые оценивались миллионами лир. Банкнот меньшего достоинства было настолько мало, что торговцы вынуждены были округлять цену до ближайшей сотни лир или давать сдачу конфетами. Многочисленность и некомпетентность правительственной бюрократии перекрывалась огромной и эффективной есопоппа зоттегза, подпольной экономикой, которой и жила страна.

Среди музеев и кафе, за углом от ресторанов и через улицу напротив церквей располагались сотни магазинчиков, где можно было поменять деньги. Это не банки, но они с гордостью предлагают свои услуги на многих языках: немецком, французском, английском. Они торгуют наличными или туристскими чеками в долларах, марках, иенах, фунтах и франках за кажущиеся огромными суммами итальянские лиры. Поскольку у банков были очень короткие рабочие часы, пункты обмена могли взимать повышенный процент за свой обмен в часы, когда туристы больше всего нуждались. В дополнение к обмену валюты они предлагали такие золотые монеты, как южноафриканские кюргеры, китайские панды, канадские кленовые листья и мексиканские песо, а также памятные серебряные монеты, выпущенные по разным поводам — от Олимпийских игр и королевских коронаций до охраны природы.

Валютные менялы работали в маленьких магазинчиках или же в лотках, сделанных из железобетона и толстого стекла. У них не было ни холлов с орнаментом, как у больших банков, ни зданий в стиле ренессанс с грандиозными лестницами, мраморными полами и позолоченными балюстрадами. Большинство из них не носило костюмы с галстуком или более стильную одежду, как сотрудники больших банков. Менялы были отмечены плебейством в стиле и манерах.

Менялы существовали с тех пор, как появились деньги. Почти всегда их можно было найти рядом с рынками, где собирались торговцы из разных стран, а в последние десятилетия — вокруг туристических центров по всему миру. Такие же приземленные и скучные, как их рутинная ежедневная работа и услуги, великие банкирские се-

мьи Флоренции времен Ренессанса произошли из этих кругов и оказали заметное влияние на искусство, архитектуру и математику, а также на мировые финансы.

ПЕРВЫЕ СРЕДИ РАВНЫХ

На пике расцвета в качестве банкирского города в 1422 году во Флоренции работали семьдесят два «международных банка». Из всех ростовщических семей здесь ни одна не заслужила репутацию такой великой и не была увековечена в анналах истории, как семья Медичи. Хроники XII века упоминают эту семью во Флоренции, но она появилась относительно поздно в истории банковского дела.

Торговец Джованни ди Биччи де Медичи (1360—1429) создал семейное состояние на банковских операциях. От двух его сыновей, известных как Козимо Старший и Лоренцо Старший, произошли две ветви потомков, которые, в сущности, определили эпоху Ренессанса, став наиболее важными банкирами и торговцами, правителями Флоренции, кардиналами и папами церкви. Дочери этой семьи породнились с королевскими семьями Европы, две из них — Мария и Катерина — стали королевами Франции и матерями будущих королей. Придя к большой власти, семья заявила, что происходит от рыцаря Аверато, который пришел в Италию паломником, направляясь в Рим, но остановился в Тоскане на срок, достаточный, чтобы уничтожить титана, который терроризировал крестьян. Святой римский император наградил тогда храброго рыцаря гербовым щитом с изображением трех красных кругов, означающих выбоины, сделанные в его щите великаном. Некоторые источники, не имеющие отношения к семье, считают, однако, что три круга означают три шара, которые традиционно были знаком менялы; другие полагали, что это три монеты.

Имя Медичи указывает на происхождение от кого-то из области медицины и фармацевтики — профессий, которые в то время были равны по престижу ростовщику и парикмахеру. Поэтому три круга на семейном гербовом щите могут означать пилюли или стеклянные банки, ко-

торые доктора нагревали и прикладывали к телу пациента, чтобы вытянуть «плохую кровь».

Независимо от происхождения имени семьи и гербового щита Медичи заработали свои деньги на банковском деле, добились влияния в политике и прославились тем, что покровительствовали искусству. Они извлекли пользу из банковской практики и процедур, выработанных в предыдущем веке, но при этом были в целом более осторожны, чем их предшественники. Медичи были втянуты в кровавое политиканство и нестабильную финансовую систему английской монархии. Они давали необычно большие кредиты королю Эдуарду IV во время войны Алой и Белой розы, и когда тот оказался не в состоянии платить по долгам, отделение банка Медичи в Лондоне рухнуло. Их отделения в Брюгге и Милане также закрылись по аналогичной причине, но научившись на опыте отношений первых флорентийских банкиров с английскими королями, цитадель Медичи во Флоренции пережила кризис и никогда не повторяла этих ошибок.

Когда банк достиг своего коммерческого зенита при Козимо Медичи, он расцвел как самое важное частное предприятие в Европе. За пределами Флоренции семья владела отделениями в Анконе, Антверпене, Авиньоне, Базеле, Болонье, Брюгге, Женеве, Лондоне, Любеке, Лионе, Милане, Неаполе, Пизе, Риме и Венеции. Хотя штат в большинстве городов насчитывал меньше дюжины работников, банк предлагал большое разнообразие услуг, обычно не свойственных банку. Медичи работали как банкирами, так и торговцами, поставляя клиентам по всей Европе специи с Востока, оливковое масло из Средиземноморья, меха с Балтики, шерсть из Англии и текстиль из Италии. Другие товары варьировались от необычных (священные реликвии и рабы) до эксцентрических (жирафы и кастрированные мальчики для хора).

Несмотря на размах владений и разнообразие коммерческих услуг, Медичи никогда не были монополистами, как тамплиеры, и никогда не контролировали большую часть банковского рынка, как банкиры Флоренции предыдущей эры. Ко времени возвышения Медичи слишком много банков уже действовало в Венеции, Генуе и других городах за пределами Италии, работавших на них и пользуя-

щихся той же степенью влияния, но то, что у них не было монополии, возможно, служило им защитой. Они действовали как центр сети взаимосвязанных торговых и аристократических семей; они служили этой новой системе как первые среди многочисленных прочих. Таким образом, королям и даже папе было значительно труднее нанести по ним удар. Старая банковская монополия тамплиеров, управляемая людьми без потомков, представляла собой орган, который мог быть удален из общества хирургически, но Медичи жили и работали в сердце обширной сети родства, браков и коммерческих уз, которые охватили всю Европу. Атака на них и их вытеснение причинили бы боль всему континенту — вызов, на который не решился бы ни один правитель.

Их банк достиг зенита между 1429 и 1464 годами под строгим контролем Козимо де Медичи, который контролировал операции отделений в Риме, Венеции, Милане и Пизе, а также отдаленные филиалы в Женеве, Брюгге, Лондоне и Авиньоне. Помимо банков и земли семья имела финансовые интересы в нескольких текстильных предприятиях, включая два по производству шерсти и один по производству шелка.

Банк Медичи действовал до тех пор, пока Карл VIII, король Франции, не оккупировал Флоренцию 17 ноября 1494 года. За несколько дней до прибытия французской армии семья Медичи была выслана из города, и французы конфисковали большую часть их собственности и оставили банк практически банкротом. Семья вернулась в 1530 году с падением Флорентийской республики, но лучшие дни банка Медичи прошли.

Основа их состояния произошла из того, что сегодня мы можем назвать частным сектором, из того, что в ранние времена вряд ли имело какое-то значение. Медичи, получившие свое состояние и признание в области финансов независимо от государства и церкви, теперь утратили свои коммерческие позиции как банкиры и торговцы, но они упрочили свое положение в церкви и светских учреждениях.

Гений семьи Медичи в сравнении с другими богатыми торговыми семьями Флоренции стал очевидным в их способности использовать свое богатство и коммерческий ус-

пех для получения политической власти и аристократических титулов. Они были самой мобильной, стремящейся вверх семей своего времени. Благодаря серии выгодных браков, важных политических назначений и хорошо продуманных взяток на протяжении нескольких поколений семье Медичи удалось стать одной из самых могущественных семей в светской и религиозной властной структуре.

МОНЕТАРНАЯ МИСТЕРИЯ ЧИСЕЛ

Медичи, вместе с другими богатыми семьями Флоренции, финансировали возрождение образования, а позже — живопись, скульптуру и архитектуру. Сегодня мы помним эту эру; главным образом, благодаря великим произведениям искусства, таким, как скульптуры Давида, которые можно найти в музеях всего мира. Расцвет искусства во Флоренции происходит от старого флорентийского увлечения образованием, которое заключалось не только в изучении классики, но и в совершенствовании основного мастерства, необходимого для торговцев и банкиров: цифр и математики. Ренессанс начался не с искусства и литературы, а с возрождения прикладной математики в помощь банкирам и торговцам для решения все усложняющихся задач конвертирования денег, расчета процентов, определения прибыли и ущерба.

В 1202 году Леонардо Фибоначчи, также называемый Леонардо Пизано, по имени родного города Пизы, опубликовал *БҀҀег АҀас1* (Счетные таблицы), в которой представил Европе то, что мы сегодня называем арабскими цифрами, хотя сами арабы заимствовали цифры из Индии. Эта упрощенная система предлагала значительные преимущества по сравнению с неуклюжей римской нумерацией, которая была трудна для сложения и вычитания и практически игнорировала умножение и деление.

Появление арабских цифр исключило счета как инструмент, поскольку торговцы могли теперь легче просчитать в уме или на клочке бумаги. Университеты, правительство и религиозные власти выразили серьезные опасения по поводу новых цифр, которые пришли от «неверных» и которыми торговцы и клерки пользовались без надеж-

ных счетов абак. В упорном сопротивлении этим цифрам, используемым торговцами, многие университеты Европы продолжали работать со счетами и преподавать математику, пользуясь римскими цифрами, вплоть до XVII века. Многие правительства также отказались принять арабские цифры для официальных целей, заявляя, что их легко подделать даже малообразованному человеку. Даже сегодня, через восемь веков после появления арабской цифры, римские цифры остаются более престижными в таких актах, как написание дат на университетских или правительственных зданиях.

Торговцы, разумеется, не могли ждать одобрения профессоров и священников. Им нужны были практические средства для расчетов, даже если те уступали в престиже классическим римским цифрам, и они начали сразу же пользоваться новой цифровой системой. Когда торговцы обнаруживали в товаре лишний вес или недовес, они отмечали его знаком плюс или минус. Эти знаки вскоре стали символами сложения и вычитания и в конечном счете положительных или отрицательных чисел.

Новые цифры оказались практичными и легкими при подсчетах, и их использование вскоре распространилось в коммерческом секторе. По словам историка математики Дж. Д. Бернала, появление арабских цифр «произвело такое же воздействие на арифметику, как открытие алфавита на письменность». Эти цифры сделали математику «доступной любому клерку; они демократизировали математику».

XIII и XIV века произвели математическую революцию, которая вывела цифровые расчеты из тайного царства магии на улицы и в магазины Европы, а расширение банковского дела превратило Италию в центр этого нового развития математики. Революция выразилась не столько в появлении новых идей, сколько в постижении тайного смысла математики простыми людьми, чему в большой степени способствовали изобретенные печатные станки.

В 1478 году появился «Тгеугзо АгНҀтеМс», анонимный учебник. Он был предназначен для обучения цифрам и счету людей коммерческих профессий. Автор учил читателя не столько сложению и вычитанию — операциям, которые к

тому времени были уже достаточно понятны, — а тому, как умножать и делить, как управляться с частями целого и с арифметическими и геометрическими прогрессиями, что было важно для подсчета процентов. Лишь небольшое число образованных ученых имело смутное представление о таких абстрактных математических операциях.

Для многих студентов и молодых подмастерьев «ноль» оказался трудной вещью для оценки и использования, когда несколько нолей встречалось в одном числе или расчете. Легче было опознать римскую цифру М, как одну тысячу, чем постигнуть 1000 или отличить 10 000 от 1 000 000. В 1484 году Николя Шукке, французский физик, рассмотрел эту проблему в своем труде «Трактат о счислениях», где он представил систему, с которой стало легче понимать нули, группируя их в ряды по три с пропуском между рядами. Он даже дал каждому ряду из трех нулей свое собственное имя. Европейские языки уже имели названия первого ряда (сотни) и второго (тысячи), но традиционно каждый, кому нужно было назвать большие цифры, выражали их как «сотни тысяч» и «тысячи тысяч». Шукке придумал миллионы, миллиарды, триллионы, квадриллионы вплоть до нониллионов. Пользуясь системой нолей, сгруппированных по три, нониллион можно было написать и легче прочитать как 1,000,000,000,000,000,000,000,000,000. Вместо пропусков мы сегодня ставим запятые (это в английском языке). И нониллион представлял собой самую большую цифру, известную в то время.

В 1487 году францисканский монах Лука Пачиоли опубликовал 600-страничный шедевр «Сумма арифметики», в которой студенты обучались предлагаемым математическим операциям и погружались в тайны двойной бухгалтерии. С такой книгой владелец магазина не нуждался в университетском образовании, чтобы вести эффективный и прибыльный бизнес.

Арабские математики разработали алгебру как средство работы с неизвестными количествами. Слово «алгебра» произошло от *al-jabr*, слова, использованного в арабском названии книги «Шарх а-Мабъу-а-л-Миабала» («Наука восстановления и сокращения»), написанной математиком XIX ве-

ка Мухаммедом ибн-Муса аль-Кваризми. Он заимствовал слово *al-jabr* из арабской медицины, где оно было применимо к перестановке и восстановлению костей — процессу, который он считал метафорически сходным с перестановкой цифр. Аль-Кваризми работал в Багдаде и позаимствовал многие свои идеи из трудов на хинди Брахмагупты. Работа аль-Кваризми, в свою очередь, была переведена на латинский и распространена по Европе Жерардом из города Кремона.

Аль-Кваризми помог также облегчить некоторые проблемы работы с дробями, которые для простых торговцев было достаточно трудно складывать и вычитать, а тем более — умножать и делить. Арабские математики создали сложную десятичную систему вместо дробей. Использование десятичных по имени *al-onḡ* — искаженное имя аль-Кваризми — впоследствии стало современным словом алгоритм, обозначающее процедуру вычисления.

Такие еврейские ученые, как Иммануил бен Яков Бонфилс из Тараскона, представили эти арабские идеи европейским ученым примерно в 1350 году. Десятичные вычисления привлекали мало внимания до публикации в 1585 году «Беттепа» нидерландского ученого Симона Стевина (1548—1620) из Брюгге, который начинал касиром торгового дома в Антверпене. Стевин пытался представить итальянские методы бухгалтерии северным европейцам и опубликовал первые таблицы процентов, чтобы люди могли понять таинственную процедуру, выполняемую банкирами, менялами и другими кредиторами. В 1525 году Кристоф Рудольфф напечатал первую немецкую книгу по алгебре, введя знак квадратного корня.

Университетские академики не могли не заметить огромных шагов в развитии математики в период Ренессанса, и постфактум начали искать теоретическое обоснование этих новых цифровых систем. Занимаясь этим, они заложили фундамент новой формы науки, объективной дисциплины, основанной на очевидном волшебстве цифр. Философская основа этого математического метода науки была разработана в основном Рене Декартом (1596—1650), который опубликовал свою «Описание метода» в 1637 году. Декарт ненавидел изучение математики как самоцель; он стре-

милея использовать ее как средство познания мира для практической реализации в жизни. Использование математики для понимания природы получило второй важный толчок в 1686 году с публикацией книги сэра Исаака Ньютона «Ргшздрха МалБета1лса».

Возвышение денежной экономики создало новый образ мышления. Как писал философ XX века Георг Зиммель, «деньги по самой своей природе — наиболее совершенный представитель познавательной тенденции в современных науках в целом, означая переход качественных показателей в количественные». Деньги изменили мировые системы знаний, мышления, искусства и ценностей.

БАНКИРСКОЕ ДЕЛО В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА

Развитие банковского дела, начавшееся в XIII веке, значительно повысило всеобщий интерес к новым формам знаний, таким, как математика, но интерес распространился также на другие области знаний, приведя к концу концов к возрождению искусства в классической форме. По мере того как банкирские семьи — такие, как Медичи, богатели, они занимались тем, чем и большинство разбогатевших семей: культивировали интерес к прошлому, в их дворцах в изобилии были представлены старинные произведения искусства и литературы, что свидетельствовало об их стремлении быть причастными к славному прошлому. Когда они не могли найти для покупки старые замки, они строили новые, похожие на старые. Они заполняли свои дома и дворцы предметами искусства Древнего Рима и Греции, а библиотеки — копиями древних манускриптов, заново переведенных с арабского или греческого и латинского.

Эти богатые семьи могли позволить себе выплачивать собственные стипендии и финансировать искусство, освобождая его от строгих ограничений церкви и монастырей. Для нового гуманизма в искусстве было характерно повышенное внимание к человеческому телу, как это видно из работ Микеланджело и Леонардо да Винчи, который писал, что «хороший художник должен рисовать две главные вещи: человека и идеи в его голове». Тело человека

оказалось в центре внимания этого гуманистического искусства.

Медичи и другие богатые торговые и банкирские семьи времен Ренессанса также использовали классические знания как средство отделить себя от религиозных идей, характерных для европейской культуры средневековья. Банкирские семьи обладали властью благодаря своим коммерческим предприятиям, они ничем не были обязаны церкви. Их искусство, домашняя обстановка, стиль их домов относились к дохристианской эре Рима и Греции. Не будучи ни антихристианской, ни антиклерикальной, эта новая форма учености приобрела имя гуманизм из-за своего внимания к людям, а не к богам, святым и ангелам.

Гуманизм стал знаком высокой культуры банкиров и торговцев, и через их многочисленные представительства, рассеянные по всей Западной Европе, они распространили эту новую тенденцию на все части континента. В роли торговцев, которые поставляли товары для аристократов, флорентийские семьи невольно оказывали влияние на формирование вкуса к классической скульптуре и к новым скульптурам, подражающим классическим греческим и римским произведениям.

Центром Ренессанса, как и банковского дела, финансирующего его, была Флоренция. Когда Медичи достигли большей власти в Риме, а некоторые из них даже добились самого высокого положения в церковной службе папы, они принесли свои идеи и новые нормы искусства и образования в Ватикан и во всю церковную систему. На потолке Сикстинской капеллы Микеланджело, изображая создание человека, восхвалял его как Бога — это был радикальный отход от старого религиозного искусства.

В литературе нового гуманизма акцент сместился с библейских знаний и теологии в пользу работ о людях, таких как, например, «Декамерон» Боккаччо (1353), произведения светской истории, как «История Флоренции» Леонардо Бруни (1439), книги о славе человечества, как «Огайо ае (НдшШе Богтшз» («Речь о достоинстве человека») Джованни Пико делла Мирандола, появившаяся в 1486 году. Окружающий мир возбуждал интерес авторов и вдохновлял их гений гораздо сильнее, чем абстрактные концепции небес или загробной жизни. В эссе Пико делла

Мирандолы эта тема звучит эхом: «Нет ничего более замечательного, чем человек», и автор сравнивает его и с животными, и с ангелами. Он объясняет, что «звери в момент, когда они рождаются, приносят с собой... то, что у них есть». В отличие от них «любые семена, посеянные человеком, прорастут в нем и дадут свои плоды. Если семена вегетативные, он станет растением; если семена чувственные, он станет как зверь; если они рациональные, он будет небесным созданием; если интеллектуальные — он будет ангелом и Сыном Божьим».

Художники, торговцы, писатели и аристократы XIV и XV веков не осознавали, что живут во время Ренессанса, поскольку это слово не входило в обиход до XIX века. Возрождение интереса к прошлому, ставшее известным как Ренессанс, произошло только после публикации в 1855 году исследования Жюль Мишле «Ба Капа18запсе», но это название их времени и их культуры было выдуманно нами. В период Возрождения жизнь и история вступили в новый золотой век, который смотрел, скорее, в будущее, чем в прошлое.

Хотя Флоренция и окружающие районы Тосканы известны тем, что возродили древние учения Рима и Греции, они порвали с прошлым, произведя на свет современный итальянский язык, отличный от латинского. «Божественная комедия» Данте Алигьери признана первой работой, написанной на современном итальянском языке. В книгах Данте, Боккаччо и Петрарки тосканский диалект стал упрочившейся литературной формой современного итальянского.

В эпоху Ренессанса процветали и развивались новые коммерческие идеи, а также стиль искусства, во Франции, Германии, Нидерландах, Англии и даже в Скандинавии. В работах французского эссеиста XVI века Мишеля де Монтеня мы видим свидетельство новых способов мышления, связанных с заметным влиянием рынка. Монтень в своих работах пространно рассуждал о рынке и его значении в жизни. После опубликования своих размышлений в «Опытах», начатых примерно в 1571 году, ему стали приписывать первенство в создании современного жанра — эссе. Даже сама концепция происхождения мироздания связана с испытанием, пробами или взвешиванием чего-

то, и это тесно ассоциируется с проверкой и пробой монет и драгоценных металлов, производимых на рынке. Монтень описывает свою работу как написанную в народном духе, в стиле и на языке «рынка».

В его коротком эссе «Что у одного прибыль, у другого — убытки» мы видим пробуждение экономического сознания. Он возводит прибыль в нечто естественное, рассматривая ее в контексте жизни и распада. Он делает вывод, что прибыль происходит из желаний, которые часто не являются хорошими, в то время как жизнь произрастает из распада старой материи. Монтень редко заостряет свое внимание строго на деньгах, но мы видим в его трудах возникновение современной системы оценки стоимости и прибыли.

Те же тенденции мы можем обнаружить в литературе и искусстве. Деньги возникают как актуальная тема в произведениях, например, Шекспира, чьи герои сражаются не только за честь, власть или любовь, а также за деньги и богатство. Было бы немыслимо для барда или менестреля петь о деньгах, а в пьесе «Венецианский купец» деньги становятся центром действия. Большинство работ Шекспира базируются на традиционных темах власти и морали, но в возникающем современном мире его эпохи он распознал деньги как важный фактор и считал их таким же испытанием для человеческого характера, как любовь и война.

Вскоре после Шекспира деньги начали появляться в искусстве, в частности, в искусстве Голландии и у художников других северных европейских стран. Живописцы изображали банкиров, пересчитывающих свои деньги; на других картинах можно было увидеть в обстановке домашнего уюта шкатулку с монетами на столе. Люди всегда изображали в своем творчестве предметы и идеи, которые они ценили, но с приходом коммерческого века искусство переместило свое внимание с религиозных картин, мифологических сцен и изображения людей с их лошадьми и собаками на портреты людей с их ценностями: деньгами и дорогими вещами, которые они были в состоянии купить.

Вместе с банковским делом и Ренессансом даже имя «Америка» обязано своим существованием огромному на-

следию Флоренции. По странной прихоти судьбы от имени флорентийского исследователя и хвастуна Америго Веспуччи (1451—1512) произошли названия двух континентов, которые образовали Новый свет. Веспуччи был одним из флорентийских торговцев, которые путешествовали и изучали мир. Вскоре после того, как Христофор Колумб открыл путь через Атлантику, Веспуччи присоединился к экспедиции, которая посетила берег того, что теперь является Бразилией. В своих заметках Веспуччи много писал о местах, которые он, по его словам, посетил, но в действительности он, весьма возможно, их никогда не видел. Его карты и описания широко распространялись, что побудило немецких картографов использовать слово Атеписиз, латинская форма от имени Веспуччи, для названия нового открытого южного континента, который, как думали тогда, полностью отделен от земли, увиденной Колумбом далеко на севере. Вскоре картографы использовали это же название для северного континента, дав им новые имена — Северная Америка и Южная Америка. Америго Веспуччи был единственным человеком в мире, в честь которого был назван континент, даже два, и он был торговцем из Флоренции.

С развитием банковского дела и Ренессанса начал возникать новый тип цивилизации. Он был отмечен новым образом мышления и новыми способами организации коммерческой жизни. Сами по себе банкиры и их новая монетарная система были бы не в состоянии создать совершенно новую цивилизацию, но за изменениями, внесенными ими в европейскую жизнь, последовало уникальное событие в мировой истории. С распространением европейской гегемонии на две Америки, европейцы обрели больше богатства, чем когда-либо имел любой другой народ. Новое богатство в соединении с новыми финансовыми институтами создало уникальную гибридную систему, которая преобладала в мире на протяжении следующих пяти веков, вплоть до Первой мировой войны.

6. Золотое проклятие

Делайте деньги честным путем, если можете, если нет — делайте деньги любым путем.

Гораций

Индейцы кечуа, которые работали на рудниках и добывали минералы в боливийских Андах, трудились под землей в сумеречном мире мерцающего огня, в мире, управляемом дьяволом и его женой. Только дьявол обладал властью дать или не давать шахтерам деньги, успех и благосостояние. Наверху, на земле, шахтеры молились Деве Марии и святым о здоровье и любви, но в шахтах они шли к темным алтарям молить о милости дьявола и его супругу. Дева Мария и святые контролировали на земле воду и, следовательно, урожаи, животных и плодородие, но поскольку деньги происходили от золота и серебра, появившихся из царства дьявола в недрах земли, только дьявол и его жена могли даровать их людям. В некоторых отношениях дьявол боливийских шахтеров напоминает греческого бога Плутона, который как властитель подземного мира обладал властью распределять свои металлы и был, таким образом, богом богатства.

Глубоко в пещерах шахтеры возводили алтари дьяволу, к которому они обращались El Tío, «дядя», а к его жене Сыпа 8ирау. Статуи изображали его с большими изогнутыми рогами на голове и налитыми кровью глазами, выкатившимися из глазниц. Ослиные уши торчали на его голове, а на нижней челюсти — два больших черных клыка. Другие зубы обычно изображались в виде маленьких кинжалов из кусочков зеркала, которые отражали слабый свет в темной пещере, делая улыбку дьявола пугающе свирепой. Он носил огромную корону, увенчанную змеей и стоящей на задних лапах ящерицей, чей рот был открыт и перекошен, как казалось, криком ненависти.

Статуя дьявола обычно стояла рядом с фигурой его жены, у которой было широкое лунообразное лицо ярко красного цвета, она была похожа на боливийских женщин, которые сновали на улицах наверху.

Шахтеры произносили постоянные просьбы перед изображениями Е1 Тю и СЫпа Зирау. Они ставили властителям подземного мира свечи, каждый шахтер делал ежедневные приношения сигарет, напитков из листьев какао дьяволу и кусок сахара его жене. В специальных ритуалах умиротворения во время землетрясений и трагических обвалов приносились большие жертвы — овцы и ламы. В таких жертвоприношениях вокруг алтаря разбрызгивалась кровь, а шаман вынимал пульсирующее сердце жертвенного животного, чтобы разбрызгать кровь в четырех священных направлениях, согласно представлениям инков. Этот акт представлял собой соглашение, или к'агаки, между молящимся и божеством. В ответ на жертвоприношение дьявол даровал шахтеру жизнь. Такие жертвоприношения обычно делались в августе, святом для дьявола месяце, когда традиционно шахтеры покупали утварь и провизию для наступающего года. Жертвы дьяволу были обильны во время карнавального сезона перед постом, когда обычные ограничения ослаблялись. Согласно некоторым верованиям, отдельные жадные просители хотели больше, чем просто жизнь, больше, чем только пища, чтобы выдержать еще одну дневную работу. Они хотели настоящего богатства. Чтобы получить такое богатство, проситель должен был принести особую жертву — человека, и ритуал был таким же, как с ламой. Когда тело, почти всегда здорового до этого молодого человека, появлялось в горах рядом с шахтами, и особенно если он имел необычные метки, индейцы говорили, что он был принесен в жертву дьяволу и СЫпа Бирау. Такое к'агаки, золотое соглашение с дьяволом, заключалось только ради денег.

Почти пять веков индейцы Боливии разрабатывали самые большие в мире залежи серебра и пять веков они оставались самым бедным народом на земле. Неудивительно поэтому, что для них магическое проклятие, должно быть, ассоциировалось с добычей серебра, чеканкой монет и деланием денег. Вокруг индейцы наблюдали множество свидетельств успеха таких соглашений с дьяволом. Они ука-

зывали на такое историческое свидетельство, как убийство последнего императора инков Атауальпа человеком по имени Писарро, который затем унаследовал все богатство империи инков. Они упоминали своего соотечественника, который заработал миллионы долларов на торговле кокаином и который мог достичь этого только с помощью дьявола и его жены. Как еще эти необразованные люди могли противостоять всем попыткам боливийской армии и сложной технологии американского правительства захватить их? Шахтеры знали, что сами могут оказаться жертвой из-за ранней смерти вследствие катастрофы или нищеты, в то время, как другие люди, жившие далеко от них и никогда не работавшие в шахтах, вели роскошную жизнь миллионеров. Они были уверены, что такое неравенство может объясняться только волшебством или особыми жертвами дьяволу.

СОКРОВИЩА АМЕРИК

После того как Колумб прибыл в Америку в 1492 году, испанцам понадобилось примерно пятьдесят лет, чтобы обнаружить все главные сокровища, собранные индейцами. В 1521 году испанцы разграбили великую столицу ацтеков Теночтитлан. Вскоре после этого они пошли походом на центральную Америку и завоевали народ чибча в Колумбии, настоящее Эльдорадо, прежде чем двинуться войной на инков в 1530-х годах. Испанцы сразу же плавил золото и серебро, превращая их в слитки для удобства перевозки в Европу. Они сохранили только некоторые из необычных предметов, например, гигантское солнце, сделанное из золота, и растения из золота и серебра, находившиеся в императорском саду инков, и отправили их в Испанию, чтобы дать королю представление о том, какую страну они для него завоевали.

Сохранилось одно описание этих золотых и серебряных сокровищ инков. Немецкий художник Альбрехт Дюрер посетил в Брюсселе выставку захваченных американских сокровищ и написал: «Я видел вещи, которые были привезены королю из новых земель золота — солнце целиком из золота размером с морскую сажень (6 футов или

182 см) и луну, всю из серебра, такого же размера. За все дни своей жизни я не видел ничего, что обрадовало бы мое сердце так, как эти вещи, потому что среди них я увидел замечательные произведения искусства, и я восхищался утонченным искусством людей в зарубежных странах». Вскоре после выставки королевские власти приказали переплавить это золото и серебро на монеты.

После полувековых постоянных грабежей богатства индейских народов, которые испанцы могли бы грабить, иссякли. В поисках новых источников богатств они обратили свое внимание на собственно источник серебра и золота — шахты. В Мексике и Перу они нашли залежи серебра, большие, чем произвели за все время бедные содержанием шахты Богемии и других европейских месторождений. Испанцы немедленно расширили разработку этих залежей, и серебряные шахты Мексики и Анд сделали Испанию самой богатой нацией на земле, хотя эти богатства, как в конце концов оказалось, достались очень дорогой ценой испанскому обществу и культуре.

Два главных горнодобывающих центра в Америке возникли в Сакатекасе, Новая Испания (Мексика), и в Потоси, Верхнее Перу (нынешняя Боливия). На протяжении веков две колонии боролись за лидирующую позицию в производстве серебра, которая зависела от нахождения новых месторождений и внедрения новой технологии. Америка оставалась самым мощным в мире источником серебра на протяжении испанской колониальной эры.

В 1536 году, только через пятнадцать лет после завоеваний Кортеса, испанское правительство создало в Мексике монетный двор для производства монет из богатых залежей серебра. Колониальные чиновники испрашивали королевского разрешения выпускать монеты в других местах Америк, и король дал разрешение открыть монетные дворы в Лиме (1568) и в Потоси (1574).

В то время Испания владела Америками за исключением большей части восточной территории Южной Америки, ставшей португальской Бразилией. Монархи владели землей на основании папской буллы, подкрепленной Тордесильяским договором, подписанным 7 июня 1494 года Кастилией и Португалией. Как наместник Бога на земле, папа мог передавать во владение такие земли, какие нахо-

дил нужным, но кроме поддержки бога, две державы удерживали землю по праву ее открытия и завоевания. Это давало им несколько теоретических обоснований в поддержку их претензий. При поддержке Бога и папы испанцы и португальцы могли не разыгрывать фарс подписания договоров с самими туземными народами, как позже это делали англичане и другие европейские державы, чувствуя, что это необходимо для придания своему правлению законности.

По законам Кастилии, заложенным Альфонсом X и Альфонсом XI, монарх мог пожаловать землю любому лицу, которое затем могло купить или продать такую землю. Независимо от того, кому принадлежала земля, корона по-прежнему пожизненно владела всеми минеральными ресурсами. К тому же корона требовала выплаты 50 процентов любых закопанных сокровищ, обнаруженных в индейских могилах, пирамидах и храмах.

Месторождения раз и навсегда были отданы в собственность монарху, который изначально владел шахтами, но за достаточно высокую плату его представители могли сдать в аренду или даже продать отдельным личностям или группам людей право на разработку ресурсов. Даже после такой продажи, однако, корона продолжала собирать плату, называвшуюся *quinto real* (королевская пятая часть), или 20 процентов всего серебра и других минералов; процент уменьшился в последние десятилетия. Даже если после сбора *quinto real* 80 процентов серебра оставалось в руках владельцев шахт, правительство ввело ограничительные законы, по которым изымалась также большая часть оставшегося. Шахтеры вынуждены были покупать у королевского правительства все оборудование, необходимое для горного дела. Королевское правительство установило также монополию на торговлю солью, табаком, порохом и большинством минералов.

Испанская корона извлекала дополнительную прибыль от горных разработок за счет поставок из Испании. Они поступали по правительственной монополии, которая взимала с колонистов исключительно высокую плату, и, разумеется, товары должны были перевозиться на контролируемых правительством кораблях и в организованных правительством конвоях, что еще больше увеличивало сто-

имость товаров. На каждую сделку в Испании существовал продажный и подарочный налог под названием *alcabala*, который постепенно увеличился с 2 до 6 процентов. Этот налог выплачивался с любой сделки, будь это бартер, продажа или подарок; король освобождал от него только духовенство. В 1572 году правительство распространило *alcabala* на все испанские территории Америки. В дополнение к тем же налогам, что платили люди в Испании, американские испанцы должны были платить *altojagguag-šo* — 7,5 процента налога на импорт, за все товары, привозимые из Европы.

Испанское правительство собирало также *сиегто*, или десятину, для церкви, причем чиновники удерживали ее часть за работу сборщика. Б^егто не взималось непосредственно с продукции шахт, но относилось ко всем сельскохозяйственным продуктам, включая те, которые использовались для поставки шахтерам. Индейцы, работали они на шахтах или нет, были вынуждены платить специальный налог-дань в виде серебряных монет.

Минимум 20, а возможно, даже 40 процентов всего серебра, привозимого в Испанию из Америки, шло прямо в правительственную казну. Остальное расходилось по карманам правительственных чиновников и различных аристократических семей, которые владели правами на американские шахты.

Чтобы поддерживать серебряный поток, испанские чиновники полностью реорганизовали социальную жизнь туземных народов. По прибытии в Мексику и Перу испанцы обнаружили несколько индейских общин крестьян, выращивающих урожай и выплачивающих налоги и дань местным вождям и центральному правителю. Они быстро преобразовали эти независимые нации в колонии, организованные вокруг одного-единственного занятия: добычи золота и серебра. Сельское хозяйство было важным для колониальных властей, поскольку оно производило еду для шахтеров, которые не могли покинуть шахты, чтобы выращивать свои собственные урожаи. Скотоводство было важным, потому что производило лошадей, мулов и рогатый скот для транспортировок в шахты и из шахт, коров для молочных продуктов и мяса. Дороги были валены, потому что позволяли легко перевозить

материалы и людей к шахтам, а серебро на берег для отправки через океан.

До прибытия европейцев система производства индейской Америки концентрировалась вокруг семьи, но при испанской администрации *hacienda* (гасиенда — имение, плантация) стала основным центром производства пищи, мужчин и разведения животных для шахт. Само слово *hacienda* происходит от испанского *hacer*, что означает «делать», имея в виду все, что производилось в этих имениях. Крестьяне, приписанные к гасиендам, собирали урожай и выращивали животных, которые кормили шахтеров; они выращивали мулов и ослов для перевозок на шахты и из них. Они дубили кожу для изготовления седел, фартуков, привязи, веревок, плетей, кнутов и прочего снаряжения для работы в шахтах. Они делали мешки, использовавшиеся для доставки серебра на берег, они снабжали корабли пищей и материалами, необходимыми для обратного пути в Испанию с тяжелым грузом серебряных слитков.

Даже образование служило нуждам горного дела и чеканки монет. Необходимость в усовершенствовании математики для понимания новых денег возникла сразу после открытия больших месторождений серебра. В 1556 году Хуан Диас опубликовал в Мексике «*Zitapo sotrepisiozo ae laz dien^az*» — о подсчете денег и превращении одной валюты в другую. За ней последовали аналогичные книги в Перу и Мексике.

МОСТ ИЗ СЕРЕБРА

Войны и борьба европейских держав с XVI по XVIII век велись за установление контроля над богатствами Америки и над торговлей с Азией. Поначалу Испания боролась против Португалии, а затем они обе сражались против Англии, Франции и Нидерландов.

С 1500 по 1800 год рудники Америки давали 70 процентов мирового производства золота и 85 процентов серебра. Количество золота и серебра, добытых из американских шахт, увеличивалось с каждым веком по мере того, как открывались новые месторождения от Канады до Чили. Даже в начале XIX века, когда испанские коло-

нии поднялись на борьбу за независимость, только одна Мексика производила половину мировой ежегодной добычи серебра.

Индейцы, работавшие в шахтах, не могли подсчитать количество серебра, добытого ими для отправки за границу, но устные предания говорят, что они добыли достаточно серебра, чтобы из него построить мост между Америкой и Испанией. Драгоценные металлы мощным потоком устремлялись из шахт Америки со скоростью, беспрецедентной в истории мира. Испанские галеоны перевозили золото и серебро из Карибского моря в Испанию, а оттуда торговцы разных национальностей развозили их по Европе и Средиземноморью. Из Акапулько каждый год галеон Манилы отплывал с грузом серебра для испанской колонии на Филиппинах, а уже из Манилы другие купцы торговали серебром по всему азиатскому побережью — от Сиамы до Сибири.

Сторонние наблюдатели пытались подсчитать, как много богатств испанцы и португальцы вывезли из Америки. Колониальные власти, разумеется, прилагали все силы, чтобы держать это в секрете, поэтому многие научные исследования были направлены на сбор и оценку данных по всему миру. Исследователи вычисляли объем добытой руды и полученного из нее металла. Они сравнивали эти данные с поставками провизии для шахтеров и количеством ртути, применявшейся при обработке руды. Они сравнивали данные отправки с данными по прибытии кораблей в Европу и, самое главное, с данными *Saза ае 1а СогЪгаЪасюп* — бюро, отвечавшего за испанские морские перевозки. Ученые копались в этих данных, некоторые из коих были фальсифицированы, и пытались определить, сколько золота и серебра было своровано или перевезено нелегально.

На основании этих методов возник целый ряд оценок. Историки высчитали, что с европейского открытия до 1800 года было вывезено что-то между 145 000 и 165 000 тонн серебра в дополнение к 2739 — 2846 тоннам золота. По цене золота в 1994 году (примерно 380 долларов за унцию), каждый фунт золотого слитка стоил бы \$ 6080, а каждая тонна, таким образом, стоила бы 12 160 000 долларов. Общее производство золота оценивалось в 34 миллиарда долларов. Даже эти цифры, однако, не могут пере-

дать значения такого количества золота и серебра. В век, когда не было бумажных денег, введение такого количества звонких монет в финансовую систему произвело эффект, который нам трудно себе представить.

Португальской колонии в Бразилии не хватало серебра Мексики и Перу. Португальские чиновники никогда не добывались такого стабильного потока богатства из своей колонии, как испанцы — из своих колоний. Португальские монархи и аристократия по большей части игнорировали Бразилию в ранние годы, отдавая предпочтение прибыльной торговле специями с Индией и Молуккскими островами. Для португальского правительства Бразилия оставалась второстепенной колонией, которая производила дешевый сахар и покупала много рабов, но поставляла очень мало экзотических товаров, какие приходили из Африки и Индии.

Безразличие португальцев к своей американской колонии закончилось драматически в 1695 году первой серией бразильских золотых бумов. Старатели обнаружили, что некоторые районы плоской, наносной почвы Бразилии содержат богатые залежи золотых крупинок и самородков; извлечение металла требовало много работы, но относительно простой технологии. Район Минас-Жерайс (Главные шахты), к северу от Рио-де-Жанейро, стал центром мирового производства золота. В отличие от испанцев, которые полагались в основном на труд индейцев в своих шахтах в Мексике и Перу, португальцы импортировали для своих шахт африканских рабов. Добыче золота в Бразилии стало придаваться такое огромное значение в колониальной экономике, что португальские власти считали занятие любым делом в Минас-Жерайсе, которое не было связано с золотодобычей, нелегальным.

Добыча золота в колониальной Бразилии достигла своего апогея в два десятилетия между 1741 и 1760 годами, когда в среднем добывалось более 16 тонн. Добыча и транспортировка золота требовала работы 150 000 рабов, примерно половины населения Минас-Жерайса.

Старатели обнаружили и другие залежи золота и даже драгоценных камней дальше на запад в провинциях Гояс и Мату-Гросу. К потоку золота в казну португальских королей бразильцы добавили примерно три миллиона ка-

рат алмазов. В поисках золота и камней бразильцы все дальше продвигались в глубь континента и далеко перешли за линию, установленную Тордесильясским договором и разделившую португальскую и испанскую колонии.

РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН: ОТ БОГАТСТВА К ЛОХМОТЬЯМ

Пока испанские короли проматывали свое состояние на зарубежные авантюры и войны, португальские короли тратили свои деньги на дворцы, великолепие и пышные зрелища. Правители просаживали деньги на роскошные излишества и щедро одаривали деньгами и подарками своих родственников, возлюбленных и других фаворитов двора.

Правительства и народы Испании и Португалии, казалось, одурели от всех благ, связанных с этим богатством. Оно вызвало значительную инфляцию — чем больше серебра имели люди, тем больше товаров они хотели покупать, а чем больше было людей, желающих купить эти товары, тем выше становились цены. Количество производимых товаров не могло угнаться за объемом серебра, привозимого из Америки, в результате инфляция увеличивалась, уменьшая стоимость серебра и золота. В 1776 году Адам Смит писал, что «открытие богатых месторождений Америки сократило в XVI веке стоимость золота и серебра до одной трети от прежней стоимости». Установлено, что между 1500 и 1600 годами, в первом веке испанской колонизации Америк, цены в Испании выросли на 400 процентов, и по этой причине столь большие изменения стали известны как революция цен.

Хотя этот взрыв инфляции озадачил и расстроил людей, они, похоже, понимали это достаточно ясно. В 1556 году Мартин де Азпилкуета, профессор университета Саламанки, составил список причин, почему изменилась стоимость денег. Наиболее важной причиной было то, что «во времена, когда денег было недостаточно, ходкие товары и труд оплачивались гораздо хуже, чем после открытия Вест-Индии, которая наводнила страну золотом и серебром». Позже это соображение было расширено и объяснено более подробно французским политическим экономистом

Жаном Боданом. Специальная комиссия, *<Junta de Almagap-1a2&°* (Коллегия Адмиралтейства), выпустила в 1628 году доклад, возлагавший вину за нищету Испании на богатства Америки.

В докладе говорилось, что «Вест-Индия стала причиной того, что в наших королевствах сократилось население, не было серебра, и они оказались под бременем обязательств и расходов, потому что Вест-Индия служила местом, через которое серебро отправлялось в другие королевства, а ведь все это серебро могло бы оставаться в наших королевствах (в Испании и Португалии. — *Пер.*), если бы мы забирали себе и перерабатывали то, что поступает в Вест-Индию».

Испанские фермеры, скотоводы, ремесленники и фабриканты производили мало товаров, поэтому их импортировали из других стран, тем самым еще больше увеличивая стоимость и ускоряя отток серебра из страны до такой степени, что оно исчезало, едва успев появиться. Италия продавала им стекло, Венгрия — медь, Англия предлагала изделия из шерсти, а Нидерланды — оружие. Испания вывозила так много серебра, что стало трудно организовывать его перевозку; в дело вынуждены были вступить зарубежные перевозчики, потому что испанские корабли были заняты транспортировкой серебра из Америки в Испанию.

Испанские монархи ухудшили свое финансовое положение тем, что выслали евреев и мусульман в 1492 году, в том самом году, когда Изабелла и Фердинанд объединили страну, а Колумб совершил свое первое путешествие в Америку. Большинство испанцев христиан в то время были крестьянами, обрабатывая землю, выращивая пшеницу и оливки, разводя коров и коз, или же служили солдатами. Они были малообразованными, не могли читать и писать, не умели обращаться с цифрами. Евреи и арабы составляли образованный класс администраторов и торговцев; в их отсутствие испанцы показали себя крайне неэффективными в управлении своими финансовыми и коммерческими делами. Люди многих национальностей устремились на помощь испанцам. Итальянские торговцы, немецкие ростовщики и голландские фабриканты быстро заполнили коммерческий вакуум, оставленный евреями и арабами,

но полученную прибыль они забирали себе, в свои родные страны. Не имея своего собственного класса торговцев, испанцы вынуждены были лишь наблюдать, как их серебро течет сквозь пальцы в казну других христианских наций Европы.

Говоря о влиянии американского серебра на Европу, Вольтер писал, что богатство «попадало в карманы французов, англичан и голландцев, которые торговали с испанским городом Кадис и посылали в Америку продукцию своих фабрик». Он добавлял, что «большая часть этих денег шла в Ост-Индию в оплату за специи, селитру, сахар, сладости, чай, одежду, бриллианты и обезьян».

Поставки серебра из Америки осуществлялись раз в год, но короли обычно тратили свою часть до прибытия груза. Для этого они вынуждены были занимать деньги авансом до прибытия кораблей, не зная, сколько серебра может быть потеряно в море или захвачено пиратами. Поначалу короли занимали у своих верноподданных, но поскольку они не чувствовали себя обязанными возвращать долг, подданные, перегруженные налогами, прятали свои деньги и прекратили давать их в долг.

Тогда короли обратились к зарубежным кредиторам. Хотя испанские монархи правили одной из самых больших и богатых империй мира, они постоянно были в зависимости от банкиров и кредиторов в Италии, Германии и Нидерландах, устанавливавших ставки в 18 процентов годовых. В 1575 году Филипп II отказался платить по своим долгам, и банкиры перестали выплачивать средства на содержание его армии в испанских Нидерландах. Армия восстала в следующем году и захватила город Антверпен, чтобы восполнить свои потери в зарплате. Это подорвало торговлю и сбор налогов, причинив еще больше вреда Филиппу, так как обошлось ему дороже, чем если бы он продолжал платить генуэзским банкирам.

Король Филипп II постоянно занимал деньги для оплаты своих авантюр. Он снарядил свою дорогую и обреченную испанскую армаду против Англии в 1588 году; Испания провела кампании против протестантов в Нидерландах в 1568 и 1618 годах, боролась с восстаниями в Германии в 1540-х и 1550-х годах и вела войны против оттоманской Турции в 1530-х и 1570-х годах.

К 1640-м годам многие из испанских провинций сами восстали против жестокого налогообложения и репрессивного правительства Габсбургов. В некоторые годы королевские расходы в три раза превышали доход. Аристократы и обычные люди также занимали деньги, превращая Испанию в одного из самых больших должников и ведя ее постепенно к национальному банкротству. Первое банкротство случилось в 1557 году при правлении Филиппа II, а следующее — за год до смерти Филиппа.

Знатные семьи Испании слишком кичились своим аристократизмом, чтобы озаботиться земными делами и дешевой коммерцией. Они продолжали рассматривать себя и свой класс как завоевателей мира, чья жизнь была сосредоточена на мечях, лошадях, дани и добыче. Они не могли представить себя простыми торговцами, которые перевозили ткани или зерно на караване ослов и старых баржах для продажи оптовикам на кишмящих крысами пристанях или для обмена их по бартеру с простыми людьми на грязных городских рынках. Они тоже много занимали, чтобы поддерживать на прежнем уровне бросающиеся в глаза огромные расходы. Колоссальные общественные и частные долги усиливали инфляцию.

Золото произвело такой же эффект в Португалии, как серебро в Испании. Оно вызвало потребность в новых товарах, но Португалия мало что производила помимо вина, пробки и скота. Чтобы удовлетворить свои нужды, португальцы обратились к товарам, произведенным в Англии. Они официально оформили свои отношения договором 1703 года, и еще больше португальского золота и вина поплыло в Англию.

Торговые партнеры Португалии и Испании извлекали выгоду от притока золота и серебра из Америки, но они переживали такую же инфляцию, что и страны Иберии. Джон Кеннет Гелбрайт отметил, что к концу XVII века цены в Англии выросли в три раза по сравнению с теми, что были до первых торговых вояжей в Америку. Зарплата за этот же период увеличилась лишь вдвое.

Добыча и торговля американским золотом и серебром продолжались под контролем испанского и португальского правительств и их представителей. В соответствии с экономическим мышлением того времени золото и серебро

считались ключом к богатству, а для большинства людей они сами по себе были богатством. Чем больше у человека было золота и серебра, тем богаче он считался, равно как и страна, обладавшая большими запасами этих металлов. Богатые чиновники и фавориты двора Испании и Португалии использовали свое богатство для покупки того, что им хотелось, — солдат и снаряжение для войн, роскошные шелка, фарфор и специи. Они использовали драгоценные металлы для украшения своих домов, кафедральных соборов, своей мебели, карет и самих себя.

ЗОЛОТО БАРОККО

Как это делают многие люди, когда им предоставляется удобная возможность, так и испанцы ударились в показную демонстрацию золота. Эпохи испанского барокко и рококо, возможно, нельзя сравнить ни с какой другой эпохой, когда золото использовалось в больших количествах в украшениях. Они украшали стены отлитыми из золота плодами, херувимами, урнами и гирляндами. Они покрывали золотом оконные рамы, зеркала и настенные подвески. Они использовали золотые листы на дверях и балюстрадах. Они покрывали золотом свои кареты, украшали им деревянные кресла, диваны, кровати, комоды и шкафы. Они наносили золото на охотничьи ружья и ножи. Они золотили свои пряжки на ремнях и обуви. Из золота они делали блюда и табакерки. Они покрывали свои книги золотой филигранью и добавляли золотые петли в переплет. Золотыми нитями они расшивали свою одежду и обивку кресел, скатерти, портьеры и гобелены. Они были столь расточительны, что украшали золотом ливреи лакеев, кучеров и прислуги за столом.

Говорят, что часть предметов алтаря в кафедральном соборе Толедо была сделана из золота, которое привез из Америки сам Колумб и передал его королеве Изабелле. В Риме, утверждает история, потолок базилики Санта-Мария Маджоре был покрыт первым американским золотом, подаренным папе Александру VI. Новое американское богатство оживило чахнувшую католическую церковь и финансировало борьбу против поднимающейся волны север-

ного протестантизма. Если протестанты осуждали показное хвастовство и обращались к застывшим простым формам архитектуры и украшений, вновь разбогатевшая католическая церковь не знала чувства меры в декоре, видя в этом способ удержать и вдохновить своих последователей.

Подражая своим монархам и папе, богатые аристократы щедро тратили золото на церкви и соборы, даже больше, чем на свои дворцы. Потолки и стены старых церквей были скрыты за множеством золотых ангелов, держащих золотые знамена и связанных друг с другом длинными гирляндами золотых цветов, листьев и корзин с золотыми фруктами. Из каждого угла и с каждого фронтона выглядывали умные личики озорных золотых херувимов, вооруженных золотыми луками и стрелами.

Преданные прихожане покрывали статуи своих любимых святых золотыми листьями и одевали их в шелка, расшитые золотыми и серебряными нитями. Чтобы усилить блеск золота внутри церквей, архитекторы вырезали в стенах новые окна, открывали небесный свет в крышах и устанавливали позолоченные зеркала в нишах. Это позволяло отраженному свету падать на золото, и оно сверкало и поразительно блестело в по-новому освещенном и солнечном церковном интерьере. Ремесленники превращали излишки золота и серебра в безделушки для стола, нательные украшения и предметы поклонения. Они делали с золотом все, что могли, только что не ели его и не инвестировали.

Эта эра, известная как *El Siglo de Oro* (золотой век), отметила апогей испанской цивилизации. Ее наиболее ценным и постоянным достижением, однако, стала не позолоченная архитектура, а литература. В литературном смысле золотой век открылся в 1522 году, когда начал писать Гарсиласо де ла Вега, и окончилась в 1681 году со смертью драматурга Педро Кальдерона де ла Барка.

МОНЕТАРНАЯ КУЛЬТУРА

Когда Испания и Португалия столкнулись с множеством трудностей в управлении своим золотом и серебром, выкачанным из Америки после 1500 года, многие другие

регионы мира замечательно процветали. Распространение американского золота и серебра по Атлантике и Тихому океану открыло современную коммерческую эру. В XVI и XVII веках серебряные и золотые монеты стали принимать с готовностью, невиданной до тех пор. Теперь не только богатые люди пользовались монетами из драгоценных металлов. Теперь хлебопек мог использовать монеты для покупки муки у мельника, который затем тратил их на приобретение зерна у фермера, а тот, в свою очередь, возвращал их пекарю за покупку хлеба. Мясник, ткач, колесный мастер, швея, красильщик и бондарь начали покупать нужные материалы и продавать свои продукты все чаще за деньги, все реже обменивать их на другие товары или услуги. Все больше налоги и церковные десятины платились деньгами, а не продуктами.

Как только банковская революция увеличила объем денег в обращении и свела торговцев всей западной Европы в единую коммерческую и финансовую систему, увеличение количества серебряных монет включило в эту систему низшие классы. Открытие величайших богатств Америки оказало гораздо большее немедленное воздействие на жизнь простого народа, чем банковская революция. Люди профессий, которые традиционно зависели от денег, такие, как солдаты, художники и репетиторы, теперь были больше нацелены на получение зарплаты, нежели на обмен услугами, такими, как комната и питание или рацион, уплачиваемый хлебом, алкоголем и солью. Даже проститутки и хозяева постоялых дворов не желали принимать в оплату продукты и товары; они тоже хотели золотых или, по крайней мере, серебряных монет.

Перераспределение богатства дало, особенно в XVII веке, толчок к подъему среднего класса торговцев. Они, в свою очередь, породили новые профессии, связанные с деньгами. С расширением банковского дела появились брокеры, которые специализировались на продаже и покупке всего — от земельных имений до акций участия в торговом вояже в Китай. Страховщики специализировались на страховании риска во время одного вояжа, а затем и многих вояжей.

Все эти новые профессии создали новые источники благосостояния, которые до тех пор были маленькими и не-

значительными или вообще неизвестными в аристократическом мире. В феодальном обществе богатство происходило от титулов, привилегий и земли, подаренной монархом или захваченной во время войны. Теперь люди без титула, субсидий и земли имели больше денег, чем старые аристократы. В эру, когда война все больше становилась делом профессиональной армии, а не аристократического класса, поднимающиеся торговцы обнаружили, что они в состоянии купить огромные земельные участки, которые уже не нужно было захватывать в ходе войны. В новой социальной системе титул и привилегии все больше следовали за накоплением семейных денег и тщательно продуманными выгодными браками.

Увеличивающееся поступление монет обусловило также международные коммерческие и финансовые узы, которые начали связывать воедино региональные экономики мира. Торговцы за пределами Европы не принимали банковские переводные векселя, но с готовностью брали новые серебряные монеты, изготовленные в Перу и Мексике. Самое большое влияние вначале это оказало на Африку, где новое богатство стимулировало рост традиционного рынка рабов до невиданных прежде размеров. Вскоре после открытия американских месторождений Африка стала частью торгового треугольника с Европой и Америкой. Африканские рабы направлялись на плантации Карибского района. Американское серебро и Карибский сахар шли в Европу. Много серебра и произведенных в Европе товаров отправлялось в Африку, чтобы затем на них купить больше рабов для отправки в Америку.

В XVIII веке коммерческие связи растянулись от Северной и Средней Атлантики до Тихого и Индийского океанов и, в конце концов, даже до Арктики. Сеть включала в себя торговлю рабами, торговлю специями и фарфором с Китаем, опиумом с Индией, мехами с Сибирью, Канадой и Аляской.

Завоевав Америку, Испания открыла канал, через который стремительным потоком серебро перекачивалось в мировую экономику, но Испания была бессильна контролировать этот поток. Ни китайский император, ни османский султан, ни персидский шах, ни русский царь не были более сведущими в управлении этим процессом, чем

испанские короли. Испания выпустила силу, которая неслась по всему земному шару и управляла собой сама, независимо от церкви и государства. Богатство Америки обезумело, и мир никогда уже не оставался прежним.

Став обыденным делом в мире, золотые и серебряные монеты попали в руки крестьян Франции, ткачей Индии, кочевников Аравии, они не были больше монополией элиты торговцев и аристократов. Денежная система уже начала радикально меняться, уходя от системы монет. Широкое распространение монет среди простых людей ясно показало, что эта форма денег уже теряет свое значение в мировой экономике, где все больше доминировали новые элитные институты, такие, как частные банки, чьи деньги существовали преимущественно на бумаге, в бухгалтерских книгах.

Этап II

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ

7. Рождение доллара

*Деньги, а не мораль являются
принципом коммерческих наций.*

Томас Джефферсон

Только муза истории, совершенно не считающаяся с совпадением, иронией и символизмом, могла написать сценарий, по которому и доллар и атомная бомба зародились в одной и той же маленькой европейской деревеньке. История чешской деревни Яхимов напоминает дешевый голливудский сценарий, который ни один читатель не сочтет заслуживающим доверия, и ни один продюсер не захочет снять по нему фильм. И все же именно в этом небольшом местечке зародился доллар и вырос до того, что стал наиболее предпочитаемой валютой мира.

Фильм начинается с того момента, когда граф Стефан Шлик, богемский аристократ, обнаружил богатую жилу серебра вблизи дома своих предков, Замка Радости. Из этого серебра он начал секретно делать свои собственные монеты, которые стали первыми в мире долларами. Затем действие быстро перемещается к концу XIX века, когда юная девушка по имени Мария, страстно желавшая преодолеть двойное препятствие — то, что она родилась женщиной и к тому же полькой — использует уран из тех же месторождений, чтобы открыть радий и взойти на вершину науки. Вскоре после получения вместе с мужем Пьером Кюри Нобелевской премии муж погибает в автомобильной аварии, а убитая горем Мария Кюри посвящает всю свою жизнь работе в лаборатории над радием, который, как она убеждена, является волшебным лекарством, но который медленно отравляет ее и приводит к смерти.

Почти вскоре после этого в чешскую деревеньку врываются немецкие солдаты, приведя с собой заключенных

из ближайшего концлагеря, чтобы добывать уран для атомной бомбы, над совершенствованием которой трудятся ученые Германии. Но прежде чем немцы успели завершить эту работу, появились русские, заполнили лагеря другими заключенными и успешно использовали уран для своей первой атомной бомбы.

Яхимов, богемская деревушка с 2700 жителями, разместилась в начале обрывистой долины в Крушнегорах, Рудные горы, в западной части современной Чешской Республики. Ее главная широкая улица поднимается в гору под острым углом, создавая идеальный коридор для замечательно свежего, прохладного и влажного воздуха, который можно найти только в горах. Дома, появившиеся за последние пять веков, выстроились по улице, старая желтая и белая краска на стенах потрескалась и отвалилась. Ставни прогнили, а крыши из жести покрашены в яркие тона красного, голубого, зеленого и серого цветов. Некрасивость зданий смягчается только глубокой зеленью деревьев и заботливо выращиваемыми кустами сирени, которые распускаются на главной улице в июне.

Поскольку деревня находится всего в нескольких километрах от немецкой земли Саксония, многие указатели на главной улице написаны на немецком языке и рекламируют мороженое, шампанское и другие товары, которые на чешской стороне границы стоят дешевле. Иногда на обочине дороги можно увидеть автомобиль, покрытый оленьими рогами, шкурами животных и другими охотничьими трофеями, которые владелец пытается продать путешествующим немцам.

В центре деревни возвышается городская ратуша в стиле Ренессанса, которая была построена как дом графа Иеронимуса Шлика между 1540 и 1544 годами. Позади него прижался к земле наполовину бревенчатый дом, построенный по приказу короля Фердинанда I и предназначенный быть имперским монетным двором. В 1976 году он был превращен в музей, но уже через десять лет закрылся из-за ветхости. Дом имел на углу окно-«фонарь» и гербовый щит с изображением двух скрещенных шахтерских молотков, увенчанных короной, с датой — 1536 год.

В начале XVI века Яхимов находился под немецким управлением, когда Богемия была частью Священной Рим-

ской империи. Граф Шлик и его семья правили отдаленной и неустроенной землей из замка Фреденштайн. Трудно было предположить, что здесь произойдет в будущем событие, которое окажет радикальное влияние на монетарную историю мира. Шахтеры обнаружили залежи серебра примерно в 1516 году, но добыча его не была чем-то новым для Богемии. Дальше на восток основные серебряные шахты в Кутна Гора работали уже на протяжении веков.

Вместо того, чтобы добывать серебро и продавать его другим, граф Шлик тайком начал чеканить серебряные монеты, названные грошами. Согласно местным преданиям, он произвел самые первые монеты в своем замке в 1519 году, хотя не имел официального разрешения на такую чеканку до 9 января 1520 года.

От немецкого названия долины «*loasBltz1ba1*» произошло название монет «*asBltz1;pa1egb1laep*» или «*loasBltz1Pa1egegozsp1ep*» — названия слишком длинные для повседневного пользования даже для говорящих по-немецки. Монеты стали более широко известны как талергроши, а затем и просто талеры. Благодаря обильному поступлению серебра из шахт западной Богемии количество тяжелых и прочных талеров постоянно увеличивалось, а вследствие экономических и политических связей с Римской империей талеры распространились во всех ее частях, включая Испанию.

Саксонский минералог и ученый Георг Бауэр, чье латинское имя было Георгиус Агрикола, начал систематическое изучение минералов в районе Яхимова и способов их разработки. Он выпустил в 1530 году книгу о шахтах и написал первые научные трактаты о месторождениях и минералах. Позже он стал известен как отец минералогии.

С открытием шахт в Яхимове население быстро увеличилось до 18 000 жителей, которые вырубали на окружающих горах деревья, использовавшиеся как крепеж в шахтах, а также для изготовления древесного угля, на котором плавляли серебряную руду. Работа в шахтах практически прекратилась, когда в 1568 году разразилась чума и унесла жизни почти тысячи жителей. К следующему веку шахтеры стали строгими последователями нового

протестантства, захлестнувшего германские государства, включая соседнюю Саксонию, но богемская монархия начала жестокую кампанию по насильственному обращению в католицизм. Многие жители деревни бежали или были убиты, и к 1613 году население сократилось до 529 человек. В 1627 году правительство закрыло протестантскую церковь на год, а затем открыло ее уже как католическую; оно закрыло также деревенскую школу, называя ее гнездом протестантства. Деревня и шахты уже никогда не оправились, и правительство в конце концов перевело в 1651 году официальный монетный двор в Прагу.

В промежутке между 1519 и 1617 годами, когда талеры чеканились в Яхимове, продукция в первый год составила 250 000 талеров. Максимум она достигла в 1529—1545 годы, когда шахты давали достаточно серебра для чеканки 5 миллионов талеров. Подсчитано, что к концу века Яхимов запустил в обращение почти 12 миллионов талеров в дополнение к множеству мелких монет, производимых его монетным двором.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДОЛЛАРА

Монеты из Яхимова распространились по всему миру, оказывая влияние даже на названия многих европейских монет. Поначалу, например, талер был большой серебряной монетой, равной трем немецким маркам, но впоследствии дал свое имя любой большой серебряной монете. Слово проникло в итальянский язык как *lallero*, в голландский как *aalleg*, в датский и шведский как *aaler*, на Гавайи как *aala*, на Самоа как **ala*, в эфиопский язык как *Ыап* и в английский как *aollar*. Оно составило часть названия шведского *пкзсЫег* и датского *п&зсЫег*.

«Талер» стал общим названием для валюты потому, что многие германские государства и муниципалитеты использовали его. В XVI веке примерно 1500 различных типов талеров выпускалось в странах, говорящих на немецком языке, и нумизматы-ученые подсчитали, что от первых талеров, отчеканенных в Яхимове, до 1900 года около 10 000 различных талеров было выпущено для повседневного использования и по случаю памятных дат.

Наиболее известным и широко распространенным был талер Марии Терезии, выпущенный в честь австрийской императрицы на монетном дворе Гюнцбурга в 1773 году. Даже в век властных женщин она весьма выделялась; она правила как императрица, а ее отец, муж и сын — все были императорами. Рожденная в 1717 году, она стала эрцгерцогиней Австрии и королевой Венгрии и Богемии. Она вышла замуж за герцога Лорейна, который стал Священным римским императором Франциском I. Похоже, что она участвовала во всех войнах, пактах и других важных событиях в Европе от войны за отделение Австрии (1740—1748) до раздела Польши (1772).

Монета с изображением портрета Марии Терезии стала настолько популярной, особенно в Северной Африке и на Ближнем Востоке, что даже после ее смерти правительство продолжало чеканить ее с датой 1780 год, годом ее смерти. Монета пережила не только свою теску, но и империю, которая ее породила. В 1805 году, когда Наполеон уничтожил Священную Римскую империю, монетный двор в Гюнцбурге был закрыт, но монетный двор в Вене продолжал выпускать монеты, как и раньше, с той же датой — 1780 год, и даже под маркой закрытого монетного двора. Австро-венгерское правительство продолжало чеканить талер на протяжении XIX века до тех пор, пока империя не рухнула в конце Первой мировой войны. Новая Австрийская республика продолжала выпускать талер Марии Терезии до захвата страны Гитлером в 1937 году.

Когда Муссолини завоевал Абиссинию (Эфиопию), он обнаружил, что экономика в большой степени зависела от талера Марии Терезии. В самом деле, аборигены настолько не хотели принять никакую замену ему, что Рим вынужден был чеканить свои собственные талеры с 1935 по 1937 год. Позже Брюссель, Прага, Ленинград, Лондон, Рим и Бомбей также начали делать их, а после Второй мировой войны новая республика Австрия возобновила производство этих монет с 1956 вплоть до 1975 года. Нумизматы-историки подсчитали, что в целом 800 миллионов серебряных талеров Марии Терезии было выпущено между 1780 и 1975 годами, все они датированы 1780 годом.

Другие страны начали копировать рисунок талера Ма-

рии Терезии вскоре после того, как он появился в обращении. Они чеканили монеты того же размера и изображали на них бюст женщины средних лет, которая напоминала Марию Терезию. Если у них не было своей королевы, подходившей по описанию, они использовали аллегорическую женщину, такую, как бюст Свободы, который появился на многих монетах США XIX века.

Название «доллар» проникло в английский язык через Шотландию. В 1567—1571 годах король Джеймс VI выпустил банкноту в тридцать шиллингов, которую шотландцы называли долларом-мечом из-за изображения на ее обратной стороне. Монета в два мерка, выпущенная в 1578 году, была названа долларом-чертополохом (эмблема Шотландии. — *Ред.*). Шотландцы использовали название «доллар», чтобы отличать свою валюту и, таким образом, свою страну и самих себя от господствующих английских соседей на юге. Так, начиная с самого раннего времени использования, слово «доллар» несло с собой определенную антианглийскую и антиавторитарную основу, которую шотландские поселенцы взяли с собой в свои новые дома в Америке и других британских колониях. Эмиграцией шотландцев объясняется последующая популярность слова «доллар» в британских колониях по всему миру.

Несмотря на широкое применение доллара, или талера, начиная с XVI века, ни одна из ведущих стран не приняла его как официальную и единственную валюту до возникновения Соединенных Штатов. Может показаться, что подчиненные Британии тринадцать американских колоний будут приучены к британской валюте — фунтам, кронам, шиллингам и пенсам, но колонии в Северной Америке страдали от недостатка британских монет. Меркантильные соображения, преобладавшие тогда в Лондоне, диктовали увеличение количества золота и серебра в Британии и ограничение, если это было практически оправдано, ее экспорта, даже в свои собственные колонии. Начиная с 1695 года, Британия запретила вывоз монет куда бы то ни было, включая свои собственные колонии. В результате американские колонии были вынуждены пользоваться иными иностранными монетами, а не британскими, в результате чего туда пошел поток

монет из соседней испанской колонии — Мексики, которая располагала одним из самых больших монетных дворов мира.

Испанская монета оценивалась в восемь реалов по испанской системе, реал по-испански означал «королевский». Восемь реалов равнялись одному песо, монете, которую ввели королева Изабелла и король Фердинанд своей финансовой реформой для объединенной Испании в 1497 году. Американцы отвергли реал и песо как название денег, но цифра восемь закрепилась за монетой, и о ней говорили как о восьми частицах или кусочках восьми. И сегодня фраза «два кусочка» означает «четвертак» (25 центов. — *Ред.*).

Благодаря богатству, добываемому в Мексике и Перу, испанские монеты стали наиболее распространенными в мире. Испанское слово *geal* породило *pal*, который использовался в Омане и Йемене, в то время как альтернативное написание *pual* использовалось в Саудовской Аравии и Катаре. Народы, говорящие по-английски, однако, отказались от использования слова *geal* в любой из его вариаций, предпочитая уже знакомое слово *aollar*.

Наиболее распространенной испанской монетой в британских колониях в 1776 году был доллар-столб, названный так потому, что лицевая его сторона изображала восточную и западную полусферы с колонной с каждой стороны. В испанской имперской иконографии колонны являли собой Геркулесовы столбы или узкий пролив, отделяющий Испанию от Марокко и соединяющий Средиземное море с Атлантическим океаном. Лозунг, свисающий с колонны, содержал слова *p̄l̄iz шЧга*, означающие «больше за пределами». Испанские власти начали выпускать эту монету почти сразу же после открытия монетного двора в Мексике с намерением разрекламировать открытие Америки, которая была *p̄l̄iz иНга*, землей за пределами Геркулесовых столбов.

Некоторые думают, что современное изображение доллара происходит от этого доллара-колонны. Согласно их объяснению, две параллельные линии изображают две колонны, а 8 символизирует форму лозунга, свисающего с них. Независимо от того, было ли обозначение доллара инспирировано этой монетой или нет, доллар-столб со-

вершенно определенно может быть назван первым американским серебряным долларом.

Американские колонисты привыкли к доллару как почетной денежной единице, которую после обретения независимости они приняли как официальную валюту. 6 июля 1785 года конгресс объявил, что «денежной единицей Соединенных Штатов Америки будет доллар». Однако до 2 апреля 1792 года конгресс не принимал закона о создании американского монетного двора, и только в 1794 году США начали чеканить свои первые серебряные доллары. Здание монетного двора, чье строительство было начато вскоре после принятия закона, задолго до Капитолия и Белого дома, стало первым общественным зданием, сооруженным новым правительством Соединенных Штатов.

В 1782 году Томас Джефферсон писал в своих «Замечаниях о денежной единице для США», что «единица или доллар — известная монета и наиболее привычная из всех. Она уже признана от юга до севера».

Используя слово доллар, конгресс прибег к его массовому употреблению, но ни Томас Джефферсон, ни Александр Гамильтон не проявили склонности к этому названию. И все же они не предложили никакой альтернативы. Они написали законы со ссылками на валюту, как на доллар, или единицу, видимо, имея в виду, что позже появится более удачное слово. Единица никогда не использовалась за пределами текста закона, и люди продолжали пользоваться словом доллар. Признав доллар официальной валютой Соединенных Штатов, конгресс узаконил то, что уже стало обычной практикой в большей части колоний. Практически не имея доступа к золоту или серебру, американское правительство не могло чеканить свои монеты, а только переплавляло монеты других стран и выпускало их как американские; вместо этого американские власти позволили испанскому доллару продолжать оставаться де-факто валютой новой нации. После того как Мексика получила независимость от Испании в 1821 году, мексиканское правительство выпустило свои собственные песо с немного большим содержанием серебра, нежели старые испанские реалы. Новый мексиканский песо — или мексиканский доллар, как его обычно называли — немедленно стал в Соединенных Штатах законным платежным сред-

ством и оставался таковым на протяжении почти всего XIX века.

Чтобы определить начальную стоимость доллара США, новое американское правительство предприняло изучение испанских долларов, циркулирующих в Соединенных Штатах, и обнаружило, что в среднем доллары содержали 371 *ʒ* грана серебра, а не 377 гранов, как утверждала Испания. В соответствии с этим открытием конгресс США установил несколько странный стандарт стоимости американского серебряного доллара — 371 % грана, и этот вес оставался неизменным, пока США чеканили серебряные доллары.

В 1787 году США выпустили свои первые монеты. Медные монеты номиналом в полцента, цент и два цента имели девиз «Занимайтесь своим бизнесом». Солнце висело над солнечными часами с надписью «Г*ц*ю», что означало «я лечу». Благодаря этой надписи монеты стали известны как летающие центы.

Другая сторона монет изображала цепь из тринадцати соединенных кружков, каждый из которых содержал название одного из тринадцати объединенных штатов. В центре цепи была надпись «Мы едины», и впервые за всю историю монет была названа страна — «Соединенные Штаты». Изображение цепи пришло от ирокезов, которые отображали единство своих пяти племен в поясе-ожерелье из ракушек, составленном из сомкнутых звеньев и известном как «великая цепь дружбы».

Используя такие эмблемы, как цепь, в дополнение к орлу, звездам или бюсту Свободы, колонисты приняли важное решение, отличавшее американские доллары от европейских монет. Поскольку европейские монеты изображали монархов, например, Георга III на британских монетах, и Карлоса III на испанских, некоторые американцы думали, что их монеты должны иметь изображение президента Джорджа Вашингтона. Большинство, однако, отвергло эту идею. Большинство обретших независимость американцев считало, что использование изображения президента, пусть даже Джорджа Вашингтона, уж слишком отдавало элитизмом и роялизмом. Они настаивали на том, что деньги свободного демократического народа должны нести надписи и аллегорические фигуры, а не портреты политиков.

Этот твердый отказ изображать человека на монете существовал в Соединенных Штатах почти в течение века.

Лишь в 1863 году, во время гражданской войны, казначейство Соединенных Штатов впервые использовало изображение президента, выпустив двухцентовую монету с портретом Джорджа Вашингтона. В 1866 году, год спустя после убийства Линкольна, казначейство поместило его изображение на монете в пять центов, что вызвало сильную оппозицию. Столкнувшись с этим противодействием, казначейство пересмотрело свою политику и вернулось к таким аллегорическим изображениям свободы, как кричащие орлы и оливковые венки. Позже оно выпустило серию новых рисунков, изображающих индейцев.

В 1909 году, когда исполнилось сто лет со дня рождения Линкольна и когда он стал популярным и гораздо менее противоречивой фигурой, монетный двор выпустил пенни с его изображением. К этому времени американцы изменили свое отношение к личности Линкольна и считали его историческим персонажем, а не политиком. Американцы африканского происхождения особенно ассоциировали Линкольна со свободой, поскольку он издал Декларацию освобождения рабов. Они восприняли пенни с Линкольном с огромным энтузиазмом, она заменила пенни с изображением женщины-индианки.

Со времени появления пенни Линкольна американские монетные дворы выпустили монеты с портретами президентов Томаса Джефферсона, Джорджа Вашингтона, Джона Кеннеди, Дуайта Эйзенхауэра и Франклина Рузвельта, а также таких американцев, как Сюзан Б. Энтони и Букер Т. Вашингтон. Американское казначейство выпустило и бумажные деньги с изображениями президентов, а также с портретом Бенджамина Франклина и других.

ТИХООКЕАНСКИЙ ДОЛЛАР

Испанские, мексиканские и американские доллары, распространившись на север, в Канаду, где они стали де-факто валютой страны. В 1858 году власти Канады, кото-

рая тогда включала в себя только Онтарио и Квебек, согласились с распространенной практикой и узаконили канадский доллар в качестве официальной валюты. Они установили стоимость канадского доллара, эквивалентной один к одному с американским долларом. Провинциальное правительство выпустило монеты малого достоинства в меди, но полагалось на американские и мексиканские серебряные доллары даже после образования Доминиона Канады. Канада не выпускала своих собственных серебряных долларов до 1935 года.

По всему Карибскому бассейну мексиканский доллар играл первостепенную роль, так же как в Соединенных Штатах. Практически все бывшие британские колонии в этом регионе приняли его как свою валюту. Доллар стал названием валюты Антигуа, Барбадоса, Бермудских островов, Доминики, Тринидада и Тобаго, Ямайки и др.

Хотя слово «доллар» родилось в Европе и распространилось на все континенты, оно редко использовалось как официальное название европейской валюты до 1991 года, когда Словения получила независимость от Югославии, и избрала *lolar*, как вариант доллара, своей национальной валютой. Новое название четко отделило Словению в монетарном плане от югославских, турецких, итальянских и австрийских соседей и бывших правителей.

Британская коммерческая политика предполагала, что только некоторые из ее колоний примут фунт как свою национальную валюту до или после получения независимости. После получения независимости от Британии только Кипр, Египет, Израиль и Судан, которые попали под британское правление довольно поздно, сохранили фунт как свою национальную валюту. Восточно-африканские народы Кении, Танзании, Уганды и Сомали взяли английское слово «шиллинг». Из британских колоний в Африке только Зимбабве избрала своей валютой доллар.

Испанские и мексиканские доллары стали настолько тесно связаны с коммерцией в бассейне Тихого океана, что в XIX веке другие страны также начали чеканить свои монеты, которые были известны как «торговые доллары». Актом конгресса от 12 февраля 1873 года Соединенные Штаты выпустили специальные торговые доллары для американской торговли с Китаем, но они служили в це-

лом для торговли с любой азиатской страной. Англия начала выпускать такие торговые доллары в 1895 году, снабдив их надписями на английском, китайском и арабском языках.

Китайцы называли эти различные серебряные доллары юанями, что означало «круглая вещь», и это название стало стандартной валютой в Китае и на современном Тайване. Связь между юанем и долларом на Тайване настолько тесна, что эти два слова применяются взаимозаменяемо. Японцы приняли китайское название валюты, но сократили уиан (юань) до уеп (иены) в 1871 году. Японцы выпускали золотые и серебряные монеты, и, оставаясь верными первоначальному значению доллара в конце XIX века, иена и американский доллар имели примерно равную ценность.

Использование торговых долларов в районе Тихого океана солидаризировало здесь и использование самого слова «доллар». Королевство Гавайи, а позже и республика использовали доллар как главную валюту в системе, базирующейся на американской. Их серебряный доллар изображал монарха на лицевой стороне и национальный герб на обороте.

Сегодня в бассейне Тихого океана американские территории и присоединенные содружества Гуама и Федеральных штатов Микронезии продолжают использовать доллар как свою валюту. Кроме того, название «доллар» было принято тихоокеанскими странами — Австралией, Новой Зеландией, Фиджи, Островами Кука, Кирибати, Брунеем, Сингапуром, Гонконгом, Соломоновыми островами, Токелау, Тувалу, Маршалловыми островами и Западным Самоа. В противоположность доллару франк стал второй распространенной валютой в южной части Тихого океана, но использовался только во французских колониях, таких как Новая Каледония, Французская Полинезия, на островах Уоллис и Футуна. В восточной части Тихого океана большинство латиноамериканских стран, от Чили до Мексики, использовали песо, происходящее от тех же самых испанских реалов, как и доллар. Таким образом, и доллар, и песо — потомки одной и той же матери, несмотря на разницу в именах.

На 1994 год тридцать семь стран и автономных терри-

торий по всему миру приняли название «доллар» для своей национальной валюты. Хотя такие страны, как Белиз, привязали свой собственный доллар к доллару американскому, а другие страны, например, Острова Кука, к новозеландскому, большинство стран оперируют независимо друг от друга собственной валютой.

ПОСЛЕДНИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЛЛАР

Достигнув своей наивысшей популярности в начале XX века, американский серебряный доллар начал умирать. В 1935 году во время Великой депрессии, американское казначейство прекратило чеканку серебряных долларов; затем с принятием Акта о монетах 1965 года, было прекращено использование серебра в американских монетах, которое было заменено медью с окисью никеля.

В Африке только Либерия, одна из самых старых независимых стран континента, и Зимбабве, получившая независимость сравнительно поздно, назвали свою национальную валюту долларом. В Либерии, основанной эмансипированными американскими рабами в 1822 году, первой валютой стали американские монеты, которые поселенцы принесли с собой на свою новую родину. Хотя использование доллара поддерживалось другими монетами различных колониальных держав, в Африке, например, Британии, хождение доллара в Либерии продолжалось до 1943 года, когда правительство запретило использование всех зарубежных валют, кроме доллара США. Начиная с 1960 года Либерия получила собственные доллары, чеканившиеся в королевском монетном дворе в Лондоне, но она продолжала пользоваться американскими бумажными долларами всех номиналов выше одного доллара. Либерия стала одной из последних стран, которая закрыла последнюю главу истории, начавшейся около четырех веков назад в отдаленных шахтах Яхимова.

Начиная с 1987 года правительство Либерии начало изымать серебряные доллары и выпускать вместо них медно-никелевые, которые выглядели как старые серебряные доллары, несли на себе дату «1968 год», но не содержали

никакого серебра. Эти подделанные доллары выпускались и использовались с 1968 по 1990 год. Чтобы извлечь наибольшую выгоду из зарубежной торговли, либерийское правительство выпустило в 1989 году свой доллар в честь Кеннеди. На нем была неправильная надпись — тетопат вместо тетогшт, что увеличило ценность монеты для коллекционеров, но ничего не дало для уважения либерийской валюты.

8. Дьявольская чеканка

Проблема с бумажными деньгами состоит в том, что они даются меньшинству людей, которые ими манипулируют и одурачивают целое поколение людей, которое трудилось и экономило.

Адам Смит (Джордж Гудман)

На одном конце Четырнадцатой улицы Вашингтона, округ Колумбия, проститутки и торговцы наркотиками нагло предлагают свой товар днем и ночью. На другом конце, около Белого дома и моста, ведущего в Вирджинию, днем и ночью федеральное правительство печатает деньги в помещениях Бюро гравировки и печати, которое является частью казначейства, рекламирующего себя для туристов в качестве «фабрики, производящей деньги».

По утрам в будние дни туристы начинают тянуться к этому зданию задолго до открытия «фабрики» в 9 часов, чтобы увидеть, как Америка печатает свои бумажные деньги. При входе в здание службы безопасности проверяют посетителей, после чего те проходят в ветхий деревянный коридор. Президент, вице-президент и секретари казначейства улыбаются посетителям сверху, с огромных цветных фотографий. Кульминацией осмотра фотографий и картин, на которых представлена подробная история бумажных денег в Соединенных Штатах, является изображение в полный рост фигуры президента Линкольна, подписывающего закон о наделении федерального правительства полномочиями печатать деньги.

В конце длинного коридора посетителям показывают короткий видеофильм об истории бумажных денег, а после его просмотра гиды делят туристов на небольшие группы, прежде чем провести в рабочие помещения. Эти небольшие группы направляются в специально предназначенные для посетителей застекленные галереи, откуда можно наблюдать, как печатают листы с долларами, как их осматривают, разрезают и складывают, и одновременно

но гиды без передышки излагают множество фактов, связанных с американскими деньгами:

— Доллар печатается на тканевой основе, которую делает «Крейн компани» из смеси 75% хлопка и 25% льна с нитью из полиэстера для прочности.

— Печатные станки производят немцы и итальянцы.

— Примерно половину всех банкнот, напечатанных за день, составляют однодолларовые купюры, а 95% банкнот используется для замены изношенных.

— Срок жизни банкноты в среднем составляет от восемнадцати месяцев для однодолларовой купюры до целых девяти лет для сотенной купюры. Банкноту можно сложить четыре тысячи раз, прежде чем она порвется.

— В Бюро гравировки работает примерно три тысячи человек.

— 490 банкнот весят один фунт, а если сложить 14 500 000 банкнот, то получится штабель высотой в одну милю.

— Монеты и бумажные банкноты составляют всего 8% всех долларов в мире. Остальные представляют собой просто цифры в бухгалтерских книгах или слабые электронные сигналы в компьютерной микросхеме.

В конце процесса рабочие складывают банкноты в пачки по 100 штук, а затем их упаковывают по 4 тысячи. Эти упаковки грузят в мешки, чтобы перевезти в подвалы, откуда их будут отправлять в разные учреждения Федеральных резервов по всему государству для распределения по банкам и среди народа. По ходу дела любопытные посетители задают гидам вопросы с подковыркой, вроде:

В. Почему многие сотрудники слушают музыку через наушники?

О. Чтобы заглушить шум печатных станков, машин для разрезания и складывания долларов.

В. Почему некоторые из них едят?

О. У них перерыв.

В. Почему некоторые из контролеров такие толстые?

О. Потому что они вынуждены целый день сидеть, наблюдая за процессом печатания денег, и у них ограниченные возможности подвигаться физически.

Продолжая экскурсию, гиды вводят посетителей в холл, похожий на пещеру, где экраны с интерактивными программами приглашают их нажимать на кнопки, если они хотят узнать что-либо о разных частях доллара или услышать о его истории. Дети нажимают на кнопки, но лампочки не загораются, так что ни на какие вопросы ответы не даются. Они устремляются к следующему дисплею, но обнаруживают, что и он больше не интерактивен. В огромном помещении также выставлены на продажу такие сувениры, как ручки, наполненные изорванными деньгами. В углу японские туристы покупают листы неразрезанных американских денег у женщин, которые сидят за окошками из толстого стекла в целях безопасности. Они увозят деньги с собой домой, чтобы использовать их как новую оберточную бумагу для подарков и цветов.

Двадцатый век стал эрой бумажных денег. Никогда ранее не производилось так много бумажных денег во многих странах и такой стоимости. За непрерывно действующими станками Казначейства США лежал длительный процесс завоевания бумажными деньгами доверия среди обычных людей.

ДЕНЬГИ ИЗ ШЕЛКОВИЦЫ

Китайская экономика всегда развивалась по своим собственным монетарным правилам, которые обычно устанавливались и претворялись в жизнь сильным государством с огромным бюрократическим аппаратом и сильной армией. Вне зависимости от того, кто правил в Китае — император-диктатор, соперничающие между собой военачальники или коммунистическая партия, — коммерция там почти всегда находилась под контролем, скорее, государственных, чем рыночных сил. При такой системе золотые и серебряные монеты редко играли какую-либо роль. На протяжении большей части истории Китая императорское правительство выпускало простые жетоны, обычно употреблявшиеся вместо денег и сделанные из латуни или

меди. Эти жетоны имели квадратное отверстие в середине, чтобы их можно было связывать вместе по сто штук.

Поскольку деньги были массивными и в любом случае представляли собой не что иное, как обычные жетоны, это был определенный шаг в направлении к деньгам, просто нарисованным на бумаге. Рисунок мог соответствовать одной тысяче или даже десяти тысячам монет. Изобретение и распространение бумажных денег в Китае означало важный шаг вперед в установлении государственного контроля над денежными резервами. Это могло произойти только в большой империи с правителем, достаточно сильным для того, чтобы навязать экономике волю государства, — до такой степени, что правитель мог казнить тех граждан, которые осмеливались противостоят его монетарной политике;

Бумажные деньги, конечно, не могли быть изобретены до тех пор, пока не были изобретены бумага и печатные станки. В отличие от металлической технологии, которая возникла рано в истории человечества, открытие бумаги и распространение бумажной технологии произошли относительно поздно и развивались медленно. В древности жители Средиземноморья пользовались пергаментом из овечьей шкуры для записи информации. Древняя Греция и Римская империя в течение какого-то времени экспортировали папирус из Египта, чтобы использовать его в качестве материала для записей, но он был недостаточно прочным для того, чтобы его применяли при изготовлении бумажных денег.

Не случайно печатные устройства, бумажное производство и бумажные деньги впервые появились в Китае, поскольку изобретение бумажных денег зависело от наличия больших запасов бумаги и от надежной печатной технологии. Предположительно в I или II веках н. э. Цай Лунь впервые изготовил бумагу из коры шелковичного дерева, листьями которого питались гусеницы шелкопряда в процессе производства шелка, весьма прибыльного для Китая, но реально производство бумаги возникло, вероятно, много веков спустя. Бумажная технология, как представляется, ограничивалась одним Китаем в течение, по крайней мере, тысячелетия. О том, что бумажные деньги находились в обращении в Китае, упоминалось уже в начале

правления династии Тан, и тому сохранились некоторые свидетельства, но никаких образцов бумаги той эпохи не было обнаружено. Бумажная технология не нашла широкого распространения до тех пор, пока не были возобновлены завоевательные походы и не был проложен Великий шелковый торговый путь, когда купцы завезли бумагу в Персию, персы передали ее арабам, а те, в свою очередь, завезли ее в Испанию, где к 1276 году были построены первые европейские бумагоделательные фабрики.

После своих путешествий в Азию в XIII веке Марко Поло сообщал, что из всех тамошних странных порядков ни один не удивил его так, как порядок производства бумажных денег государством, которое заставляет пользоваться этими деньгами всю империю. Китайские чиновники изготавливали бумажные банкноты из коры шелковичного дерева. С ярко-красной императорской печатью, проставленной на них, эти банкноты по своей стоимости были адекватны стоимости золота или серебра. Китайские банкноты были большими, как салфетки. Банкнота стоимостью в одну тысячу монет была размером девять на тринадцать дюймов. Несмотря на неудобные размеры, банкнота весила немного и, таким образом, являла собой серьезное усовершенствование по сравнению с монетами, тысяча которых весила около восьми фунтов.

Использование бумажных денег в Китае достигло своего пика при правлении монгольских императоров. Им нужно было управлять крупнейшей империей в мировой истории, и, как любой правитель большой бюрократии, они нашли в бумаге неопределимые достоинства. Бумажные банкноты значительно облегчили сбор налогов и управление империей, в то же время заметно сократив необходимость транспортировки огромного количества тяжелых монет.

В 1273 году Хубилай-хан выпустил новую серию банкнот, субсидируемых и контролируемых государством. Чтобы внедрить их, он использовал преимущественно те же методы, которые использует любое правительство, чтобы поддержать свою валюту: он делал выплаты только в виде бумажных денег и принуждал всех принимать их в оплату под угрозой серьезного наказания. Чтобы расширить круг

их обращения за пределами только правительства, китайское правительство конфисковало все золото и серебро у частных граждан и выпустило вместо них бумажные деньги. Даже купцы, прибывающие из-за границы, должны были сдавать золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг правительству по расценкам, установленным советом чиновников от торговли. В обмен на них торговцы получали правительственные банкноты. Посетивший Китай Марко Поло четко понимал, что подобная система бумажных денег могла работать только там, где сильное центральное правительство могло навязать свою волю всем живущим в пределах его территории.

Примерно такое же наблюдение за властью правительства над бумажными деньгами сделал и марокканский путешественник Мухаммед ибн-Баттута, посетивший Китай в 1345 году. Он сообщал, что на китайских рынках невозможно расплачиваться золотыми или серебряными монетами. Монеты следовало обратить в полоски бумаги размером с ладонь руки, с печатью правителя. Он также сообщал, что от каждого чужеземного купца требовалось сдать на хранение все свои деньги чиновнику, который затем оплачивал все его расходы, включая стоимость наложницы или рабыни, если того хотел купец. В конце пребывания купца в Китае чиновник возвращал деньги, которые он был должен.

Ибн-Баттута описал Китай как самую безопасную страну в мире для купцов. Куда бы они ни поехали и сколько бумажных денег или товаров у них ни было бы с собой, их почти никогда не грабили. Чтобы создать такой уровень безопасности, правительство разработало полицейские методы управления государством, на удивление похожие на современные. Чиновники делали зарисовки портретов всех въезжающих в страну иностранцев, так что эти зарисовки можно было быстро распространить в случае, когда было совершено преступление. Во время каждой остановки купец должен был регистрироваться в полиции, и, прежде чем он покидал это место, его имя передавалось властям того места, где он предполагал остановиться. На каждой остановке военный чиновник досматривал иностранных купцов каждое утро и каждый вечер и запирали их на ночь в гостинице.

Ибн Баттута, однако, обратил внимание на некоторые, возможно, произвольные, последствия того, что закон запрещал пользоваться монетами: поскольку купцам за-прещалось иметь серебряные или золотые монеты, они переплавляли контрабандные монеты в слитки и хранили их в стропилах над дверной притолокой. Ибн Баттута, по всей видимости, усматривал в этом сопротивление правительственной политике, проявлявшееся в такой форме, которой не заметил Марко Поло; или же, что более вероятно, власть императора и централизованного государства пришли в упадок в XIV веке, то есть приблизительно через полвека после того, как Марко Поло побывал при дворе новы; монгольских правителей.

Сегодня не известно, сохранились ли какие-либо образцы монгольских денег, но в музеях выставлено несколько оставшихся банкнот К^ап, выпущенных преемниками монголов — императорами династии Мин, между 1368 и 1399 годами. Потом китайцы отказались от своей системы бумажных денег, и она была восстановлена не ранее начала XX века, когда происходила экономическая колонизация Китая разными европейскими империями.

Пользуясь бумажными деньгами и латунными или медными жетонами вместо золотых и серебряных монет, китайские власти могли не волноваться по поводу качества монет. В этом, однако, заключалось главное отличие денежной системы Китая от той системы, которая развилась в Средиземноморье. Использование бумажных денег в Китае было нацелено на установление правительственной монополии на серебро и золото. Бумага шла потоком из столицы в провинции, в то время как золото и серебро шли потоком из провинций в столицу. Бумага действовала как часть системы налогообложения и душила развитие здоровой коммерции. В отличие от этой системы, системы бумажных денег на Западе, по крайней мере вначале, были предназначены для того, чтобы увеличить поток товаров. Только позже они попали в китайскую ловушку, когда правительства использовали их как способ конфискации золота и серебра.

На Западе бумага нашла свое применение преимущественно как средство хранения счетов в банках. Задолго До этого ее использовали как средство печатания больше-

го количества денег, ею пользовались банкиры для увеличения денежных резервов. И только потом она постепенно начала заменять монеты в повседневной торговле. Поначалу распространение и обращение банкнот, сделанных из бумаги, было как бы побочным результатом развития банковского дела.

Бумажные деньги помогли решить серьезную проблему, связанную с золотом. Поскольку даже небольшие объемы золота имели высокую стоимость, люди всегда находили способы подделки золотых монет. Самым простым из них был способ заставить монеты «пропотеть», когда кошельком трясли с такой силой, чтобы монеты ударялись и терлись друг о друга, отчего всегда выпадал небольшой золотой осадок. Одно из первых решений этой проблемы было найдено купцами Средиземноморья, которые запечатывали золотые монеты в маленький кошелек с указанием на его внешней стороне точной стоимости и типа монет. Так купцы привыкли принимать плату монетами, которые они не могли потрогать и увидеть. Купцы должны были доверять печати человека, первым запечатавшего монеты, — обычно это был другой купец, правительственный чиновник или банкир. Отсюда оставалось сделать лишь еще один шаг к тому, чтобы хранить золотые монеты в безопасном месте и пустить в обращение вместо монет одни ярлыки на кошельках.

ГЕРЦОГ ИЗ АРКАНЗАСА

Несмотря на роль, какую сыграли бумажные деньги в истории Китая, современная мировая система бумажных денег развилась не в Китае и даже не на средиземноморской родине Марко Поло или Ибн Баттута. Она распространилась среди торговых государств Северной Атлантики. В европейских хрониках мы неоднократно находим упоминание о деньгах, изготовленных из кожи, во времена войны или осады. Эти свидетельства указывают на то, что европейские монархи время от времени пользовались бумажными деньгами в периоды кризиса, обычно во время войн, и подтверждают, что в 1250 году в Каталонии и Арагоне Яков I выпустил бумажные деньги, но их образцы

не сохранились. Далее, когда испанцы осадили город Лейден в Нидерландах в 1574 году, бургомистр собрал весь металл, включая монеты, чтобы отлить из них оружие. Взамен монет он выпустил маленькие листки бумаги.

Во времена Гутенберга и технология печатания денег, и производство превосходной бумаги распространились по всей Европе. Некоторые ученые утверждают, что бумажного производства стал косвенным следствием эпидемии бубонной чумы, которая уничтожила треть европейского населения. Старая одежда, оставшаяся от миллионных жертв чумы, стала дешевым сырьем для производителей бумаги и, таким образом, стимулировала новое применение бумаги. Вне зависимости от того, какое значение имела эпидемия чумы в развитии бумажного дела, изобретение передвижных печатных станков создало новый и значительно более широкий рынок для печатных материалов и сделало возможным применение бумажных денег.

В июле 1661 года Стокгольмский банк Швеции выпустил первую в Европе банкноту, чтобы компенсировать недостаток серебряных монет. Хотя Швеции не хватало серебра, зато она обладала богатыми запасами меди, и правительство королевы Кристины (1634—1654) выпустило большие медные листы, которые назывались *plåt* (денежные пластины), каждая из которых весила примерно 4 фунта. В 1644 году правительство предложило выпустить монеты, самые крупные из всех, когда-либо выпускавшихся — десятидалеровые медные пластины, каждая из которых весила 43 фунта, 7 и одну четверть унции. Чтобы не носить такие тяжелые монеты, купцы охотно принимали бумажные банкноты в одну сотню далеров. Одна такая банкнота могла заменить 500 фунтов медных пластин.

Сначала было неясно, кто мог создавать бумажные деньги — правительство или такие частные институты, как банки. Обычно местным банкам не хватало умения в создании подлинно национальной валюты. Первый опыт создания национальных бумажных денег был проведен во Франции. Королевским указом от 5 мая 1716 года французы поручили шотландцу Джону Ло возглавить банк под названием Закон и Компания, вскоре переименованный в

Банк Женераль. Джон Ло, красивый, богатый и пользующийся успехом у женщин мужчина, написал несколько памфлетов о торговле, деньгах и банковском деле, в том числе памфлет под названием «Деньги и торговля, с учетом предложения обеспечить государство деньгами», опубликованный в Эдинбурге в 1705 году, в котором он доказывал, что бумажные деньги могут создать богатство. Ло был банкиром-самоучкой, который к тому же был отчаянным азартным игроком, обвиненным в совершении убийства в Англии. Утверждали, что он якобы нашел настоящий философский камень, чтобы делать золото из бумаги путем печатания денег.

Банк создавался точно так же, как Английский банк, уже добившийся успеха. Согласно специальной лицензии монарха, это должен был быть частный банк, который помог бы собрать деньги и управлять ими для покрытия общественного долга. В соответствии со своей теорией о выгоде бумажных денег Ло немедленно приступил к выпуску бумажных банкнот, которые предположительно представляли собой золотые монеты банка, находившиеся в его владении.

Вначале банк работал вполне успешно, но он оставался независимым лишь два года, а затем герцог Орлеанский, который правил в качестве регента при Людовике XV, Младшем, взял на себя управление банком, издав соответствующий указ от 14 декабря 1718 года, и превратил его в Королевский банк, официальный банк французского правительства. Банк продолжал работать под управлением Джона Ло, который теперь стал герцогом Арканзасским и выпустил еще больше бумаги, опираясь на доверие поддержавшего его правительства.

Ло также содействовал созданию Сотрете а'Осклеп1; в 1717 году, более известной как Компания Миссисипи, образованной для того, чтобы возить огромные богатства из французских владений в Луизиане. Инвесторы получали прибыль от последующих инвесторов по схеме гигантской пирамиды. Чтобы поддерживать иллюзию больших прибылей, директора компании нанимали безработных, переодетых в рудокопов, которые маршировали по улицам Парижа с лопатами и топорами на плечах, словно отправлялись на поиски громадных богатств в Луизиану. Коро-

левский банк печатал бумажные деньги, которые инвесторы могли взять в займы, чтобы купить акции в Компании Миссисипи; затем компания использовала новые банкноты для выплаты фиктивных прибылей. Компания Миссисипи и Королевский банк совместно производили бумажные прибыли на счетах друг друга. Вскоре банк выпустил вдвое больше бумажных денег, чем было монет во всей стране; совершенно очевидно, что он больше не мог гарантировать, что каждая бумажная банкнота будет обеспечена золотом. Компания Миссисипи потерпела крах, когда стало очевидно, что богатство никогда не материализуется, и банк рухнул вместе с ней. К концу 1720 года Королевский банк был опустошен, и за ним тянулся след обесцененных бумажек.

Американский писатель Вашингтон Ирвинг в своей книге «Великий пузырь Миссисипи» живо описал такую сцену в Париже: «В банке на прилегающей к нему улице тут же столпилось множество голодных людей, которые хотели получить наличные за банкноты в десять ливров. Давка и борьба были такими сильными, что несколько человек были задавлены и погибли. Толпа понесла три тела к двору Пале Рояль. Некоторые кричали, чтобы регент вышел и увидел, к чему привела эта система, другие требовали смерти Ло, мошенника, который навлек несчастье и разорение на государство».

Опозоренный и ненавидимый Джон Ло, автор всей аферы с бумагой, бежал в Англию, а оттуда в Венецию, где умер в 1729 году. Его герцогский титул умер вместе с ним.

Полвека спустя во время Французской революции новые республиканские лидеры стремились финансировать правительство и свою революцию новыми формами денег — азз^паЪ. До 1796 года разные правительства французской революции выпустили всего около сорока миллиардов ассигнаций. Правительство, наконец, уступило народному гневу по поводу бумажных ассигнаций во время большого публичного зрелища в Вандомском дворце 18 февраля 1796 года. В присутствии большой толпы правительственные чиновники торжественно уничтожили все машины, пластины и бумагу, применявшиеся при изготовлении ассигнаций. Словно сама ассигнация, а не правительство,

манипулировавшее бумажными деньгами, была виновата в крахе денег, правительство начало все сначала, выпустив еще больше бумажных денег, назвав их по-другому — тапаа4.

ОТЕЦ БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ

Идея и технология производства бумажных денег прочно утвердились в Европе, но впервые они были успешно применены за океаном. Ни Китай, ни Европа не стали колыбелью бумажных денег — ею, скорее, стала Северная Америка, где хронически не хватало монет. Джон Кеннет Гэлбрайт заметил, что «если история коммерческих банков принадлежит итальянцам, история центрального банка — англичанам, то история бумажных денег, выпускаемых правительством, несомненно, принадлежит американцам».

Уже в 1690 году Массачусетс Бей Колония напечатала первые бумажные деньги в Северной Америке. Позже колонисты печатали разные деньги, предназначенные для местного пользования на короткий период времени, но один человек в основном ответствен за создание бумажных денег в значительно больших суммах для использования их во всех колониях на почти постоянной основе. Бенджамин Франклин имеет честь быть отцом бумажных денег. В ознаменование его роли в процессе создания бумажных денег на сотенной купюре — самой высокой деноминации, выпускаемой в Соединенных Штатах для общего пользования, — изображен портрет Бенджамина Франклина.

Франклин родился в 1706 году и был десятым и последним ребенком бостонского производителя свечей и мыла и торговца москательными товарами. Он вырос в семье, у которой не было денег и социальных связей, чтобы дать ему образование. Вместо этого его определили учиться москательному делу в возрасте десяти лет, после того как он закончил два класса школы. В двенадцать лет он закончил учиться москательному ремеслу и стал подмастерьем при своем брате Джеймсе, печатнике из Бостона, который публиковал газету «Соигап* Новой Англии», основанную в 1721 году. Вопросы, которые ставил Джеймс перед колониальными официальными лицами в газете, привели

его в тюрьму и повлекли за собой другие неприятности с британскими властями.

Франклин получил образование благодаря своей работе в качестве ученика печатника. Он стал опытным читателем, который живо интересовался — идеями документов, которые он печатал, так же как и технологией печати. Из-за бурных отношений с братом Франклин покинул Бостон и уехал в Филадельфию, где нашел работу помощника печатника. Затем, поработав короткое время в Лондоне, он вернулся в Филадельфию, где на пару с партнером приобрел собственный станок для печати, и вскоре Франклин не только публиковал книги, но и сам писал их.

Несмотря на отсутствие формального образования, Франклин стал квинтэссенцией ученого эпохи Просвещения и, вероятно, самым любимым из всех отцов-основателей. Благодаря профессии у Франклина рано возник интерес к производству денег. Фактически он одним из первых, в возрасте двадцати трех лет, написал памфлет о бумажных деньгах. В то время, как бумажные деньги существовали лишь как замена «настоящих» денег в чрезвычайной ситуации, некоторыми из напечатанных им первых бумажных денег стали пользоваться в Америке, и он продолжал печатать деньги периодически в течение всей своей жизни.

В 1729 году Бенджамин Франклин опубликовал «Скромное исследование природы и необходимости бумажных денег». Колонии попытались выпускать бумажные деньги в соответствии с планом Франклина, а сам Франклин взял на себя обязательство печатать деньги, выпускаемые в обращение Пенсильванией, — занятие, которое иногда было причиной того, что его «Газета Пенсильвании» доставлялась с опозданием. Колониальные власти в Лондоне, однако, рассматривали выпуск бумажных денег как неблагоприятную узурпацию власти колонистами. В 1751 году британский парламент поставил вне закона употребление бумажных денег в Новой Англии, а в 1764 году распространил запрет на другие американские колонии. В ответ на этот запрет Франклин сам отправился в Лондон в 1766 году с петицией парламенту о разрешении печатать деньги в дальнейшем.

Несмотря на то, что позже Франклин приобрел репутацию дипломата и ученого, он всю свою жизнь зарабатывал ремеслом, используя свой предпринимательский талант для управления скромным печатным бизнесом. На заре информационного века он был специалистом по информации, печатному делу и распространял идеи своего времени среди возрастающей по численности грамотной части населения. В своих посланиях он сосредоточивался преимущественно на таких постулатах, как бережливость, честность и предприимчивость.

Приверженность Франклина этой идеологии четко продемонстрирована в письме, датированном 11 июля 1765 года, которое он написал, рассматривая «Закон о гербовом сборе» более чем за десять лет до Декларации независимости. «Праздность и гордыня облагают налогом, более тяжелым, чем налоги королей и парламентов, если мы сможем избавиться от первых, мы легко сможем вынести последние», — писал он. Его изречения стали частью американского языка и общественной психологии:

— Помните, что время — это деньги.

— Кто рано ложится спать и рано встает, тот здоров, богат и умен (соответствует русской поговорке «Кто рано встает, тому Бог подает». — *Прим. пер.*).

— Есть три преданных друга — старая жена, старая собака и наличные деньги.

— Коммерция пока еще не уничтожила ни одно государство.

— В этом мире нет ничего постоянного, кроме смерти и налогов.

Но это отнюдь не означало жадность и скупость. Кредо Франклина был сознательный труд. Он выступал с ним не для того, чтобы сделать богатыми лишь отдельных людей, но видел в нем способ усовершенствования всего общества. Он был убежден, что мир стал бы значительно лучше, если бы каждый производил больше, а потреблял меньше.

С точки зрения Франклина, деньги всегда должны были иметь ограничения, связанные со строгой социальной и личной нравственностью. Поэтому Франклин не мог допустить, чтобы один человек ради личной финансовой выгоды поработал другого. Позже, после того, как Соединен-

ные Штаты завоевали свою независимость от Британии, он обратил внимание на проблему рабства и призывал к его ликвидации в новом государстве.

Бенджамин Франклин был человеком глубоко нравственным, тем не менее он отстранялся от официальной религии и даже высмеивал ее ханжество. Он отвергал религиозные догмы и служебную иерархию церкви, но не религиозную нравственность. Эту его философию отражало изречение: «Да поможет Бог тем, кто сам себе помогает».

Он служил обществу и своей стране своим учением. Он организовал не только первую публичную библиотеку в Филадельфии, но и больницу, пожарную охрану, полицейский участок, Академию Филадельфии, которая превратилась в Пенсильванский университет. Он также основал дискуссионный клуб, который превратился в Американское философское общество. Он помог основать Почтамт США и, в качестве делегата конвента, провел перепись населения, сделав ее частью американской конституции. Он изобрел громоотвод, бифокальные очки и печь Франклина, которая эффективно и безопасно нагревалась, но при этом выпускала минимум дыма в дом.

Из преданности цели создания всеобщего блага Франклин отказался запатентовать свои изобретения — он хотел, чтобы ими мог воспользоваться любой, кто хочет. Из-за этого Франклин не разбогател, хотя и прожил свою жизнь в целом вполне благополучно. Он умер 17 апреля 1790 года знаменитым человеком, которым все восхищались, но у которого были весьма скромные финансовые средства.

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Основание Соединенных Штатов Америки дало возможность осуществить многие из идей Франклина, связанных с бумажными деньгами, на практике. Новое государство провело первый современный эксперимент с бумажными деньгами в масштабах страны, а особенность американской революции состояла в том, что это была первая война, которую финансировали бумажными деньгами, пусть даже их и серьезно недооценивали.

Второй континентальный конгресс создал бумажные деньги почти сразу же после того, как была провозглашена независимость от Британии. Чтобы укрепить свою независимость, новая страна нуждалась в армии для ведения войны, но конгрессу не хватало денег для ее финансирования. Они выпустили бумажные банкноты, якобы обеспеченные золотом и серебром, и подвергали жесткому штрафу всякого предателя, который отказывался принимать эти банкноты как деньги. В 1777 году конгресс выпустил бумажные банкноты на сумму 13 миллионов долларов, которые назывались банкноты казначейства, но большинство людей прозвало их «континентальями», потому что на них было напечатано «континентальная валюта».

Банкноты были размером около двух дюймов на три, и на каждой из них был написан от руки номер серии и проставлена личная подпись двух чиновников. На них было напечатано следующее: «В соответствии с решением конгресса в Филадельфии от 26 сентября 1778 года банкнота наделяет ее владельца правом принимать двадцать испанских долларов или ту же стоимость в золоте или серебре».

Континентали начались с номинальной стоимости в один испанский серебряный доллар, но их вскоре стали обменивать по курсу два континентала за один серебряный доллар. По мере того как конгресс выпускал больше континенталей для оплаты затянувшейся войны, их стоимость соответственно снижалась. К началу 1780 года конгресс выпустил континенталей на сумму примерно 241 миллион долларов, и они обменивались по курсу сорок к одному серебряному доллару. Через год стоимость банкнот упала до семидесяти пяти континенталей за один серебряный доллар.

В 1791 году Джеймс Медисон написал в статье для «Нэшнл газет», что «положение в Соединенных Штатах похоже на положение человека, который затеял дорогостоящее предприятие и — по причине нехватки денег — влез в долги, заложил поместье, а на это поместье претендует кто-то еще, и, кроме того, у этого человека есть враги, прибегающие к разного рода уловкам, чтобы уменьшить гарантии его залога».

Американский конгресс прекратил выпускать полностью обесцененные деньги в 1780 году, но большинство колоний продолжало выпускать собственные бумажные деньги. К 1781 году континенталь так упал в цене, что стало ходовым выражение «не стоит и континенталья». Однако, к счастью для Соединенных Штатов, борьба Британии за сохранение контроля над сопротивляющимися колониями постепенно ослабевала, и Британия направила свои коммерческие интересы в другие места с целью получения прибылей.

После острых споров о том, что делать с континентальями после революции, вновь образованное правительство США согласилось компенсировать континентали правительственными облигациями по курсу один процент за каждый континенталь.

Весь этот эксперимент с бумажными деньгами вызвал такое отвращение у американцев и такое глубокое недоверие к бумажной валюте, что Соединенные Штаты не печатали больше бумажные деньги в течение почти века. Даже делегаты Конституционного конвента не могли решить, что же делать с бумажными деньгами. В статье 1, раздела 10 Конституции они запретили штатам передавать какие-либо другие ценности, кроме золота или серебра, в качестве законного платежного средства: «Ни один штат не должен... уплачивать долги в качестве тендера ничем иным, кроме золотых и серебряных монет». Несмотря даже на статью 1 раздела 8 Конституции, которая наделяла федеральное правительство полномочиями регулировать стоимость денег, делегаты не могли согласиться с тем, чтобы предоставить ему полномочия выпускать бумажные деньги. Из-за шумных споров и серьезных разногласий между делегатами, возникших в связи со стоимостью и полезностью бумажных денег, Конституция умалчивает о праве федерального правительства выпускать деньги.

Для многих американцев эксперимент с бумажными деньгами был весьма неудачен, потому что они потеряли много денег, но оказалось, что у остального мира этот эксперимент имел большой успех, потому что американцы победили в войне, применяя новую технику изготовления бумажных денег.

В годы после первых экспериментов с бумажными деньгами в Европе и Северной Америке одна из самых интересных трактовок данной темы нашла свое отражение в поэтической трагедии Вольфганга Гёте «Фауст». В определенном смысле «Фауст» следует рассматривать как две работы, так как Гёте опубликовал первую часть в 1808 году и завершил вторую часть лишь в 1831 году, незадолго до своей смерти. Две части построены на контрасте между видением, интересами и стилем молодого и старого людей, а до некоторой степени они представляют собой контраст между романтикой, верой и волшебством средневековья и финансами, рационализмом и скептицизмом современного мира.

История доктора Фауста в том виде, как она была рассказана Гёте в части I, уже устарела к тому моменту, когда Гёте взялся за нее. Она повествует о средневековом профессоре алхимии, который стремится получить золото из неблагородных металлов и, что еще более важно, обрести полное знание о Вселенной и человеческих наслаждениях. В этих целях он заключает сделку с дьяволом, обещая тому свою душу, если дьявол сможет подарить ему минуту экстаза, которую Фауст захочет продлить навечно. Фауст отправляется в путь, по дороге соблазняет красивую молодую девушку и, убив ее брата, бросает ее, беременную. История, поведенная в первой части «Фауста» Гёте, — это весьма эмоциональная трагедия, которая написана молодым гением в начале его великой карьеры. Некоторые исследователи называют это литературное произведение квинтэссенцией эпохи романтизма.

Во второй части пьесы, написанной Гёте в конце его жизни, Фауст и Мефистофель посещают дворец императора перед постом, который следует за сезоном маскарадов и розыгрышей. Императора осаждают казначей и управляющие, которые сообщают о нехватке средств и о необходимости выплатить жалованье солдатам и слугам. Займодавцы требуют возвращения долгов, и пришло время оплатить счет за вино.

Мефистофель предлагает императору выход из сложившейся финансовой заварухи. Он нашел ключ к секрету

производства золота, которой искали веками все алхимики. Он получает разрешение императора на печатание бумажных денег — «ниспосланных небом листов», для обеспечения которых у него нет ни золота, ни какого-либо другого материала.

Фауст приходит на императорский карнавал, наряженный Плутосом, богом богатства, и с помощью магии он и Мефистофель показывают императору богатства, которые он сможет получить, печатая деньги. Они уговаривают императора подписать записку со следующими словами: «Всем, кого это может коснуться, настоящим объявляется, эта записка является тендером в одну тысячу крон и гарантируется громадными резервами богатства, хранящегося под охраной под землей в наших императорских государствах». Он основывал стоимость денег на будущей добыче золота, он раскрывал богатства, которые еще хранились в земле. К утру император забыл, что подписал записку, но в течение ночи Мефистофель сделал с нее тысячи копий в разнообразных деноминациях. К огромной радости кредиторов, должников, солдат и прочих граждан, новые деньги были пущены в ход. В результате люди заказывают новую одежду, бизнес мясника и пекаря процветает. Вино льется рекой в тавернах, и даже в кости играть легче. Священники и проститутки снуют взад-вперед с большим энтузиазмом, и даже займодавцы получают удовольствие от оживившегося нового бизнеса.

«И люди ценят это так же, как благородное золото? — вопрошает недоверчиво император. — Двор и армия принимают их? Каким бы странным это ни казалось мне, я вижу, что должен сам принять их».

Подобно Джону Ло и Бенджамину Франклину, чьи эксперименты с деньгами произвели неизгладимое впечатление на Гёте, Фауст нашел ключ к современному экономическому миру в деньгах. Это была система займов в счет будущего заработка и траты этого заработка сегодня. С такими запасами бумажных денег, которым, казалось, нет конца, Фауст в буквальном смысле преобразует страну, осушив болота, построив фабрики и новые фермы, прорыв каналы.

Гёте показал, что современная денежная экономика, основанная на странных новых деньгах, была «продолже-

нием алхимии другими средствами». В первые десятилетия XIX столетия Гёте, как представляется, предсказал многие из индустриальных достижений того века. В других работах он предсказал строительство Суэцкого канала, и чуть ли не за целое столетие до открытия Панамского канала и задолго до того, как Соединенные Штаты стали играть важную роль на мировой арене и в мировой истории, Гёте предсказал, что молодое государство построит канал, который свяжет Атлантический и Тихий океаны. Как ученый и государственный деятель, так же как поэт и драматург, он предвидел великие свершения и недостатки нарождающегося индустриального мира, который финансировался возникающей монетарной системой бумажных денег.

Поначалу распространение новых денег Фауста приносит счастье и улучшение, но вскоре скрытые издержки всплывают на поверхность. Крестьян убивают, когда они возделывают свои земли. Возникает новый класс правительственных функционеров, которым дали прозвища «легкая добыча» или «быстрый заработок», отражающие их отношение к жизни. Вскоре социальные волнения в новом разбогатевшем государстве приводят к восстанию, и появляется новый антиимператор, который бросает вызов прежде ему.

Множество версий сделки Фауста с дьяволом всегда заканчиваются одним и тем же — дьявол, наконец, предъявляет свои права на душу Фауста и спускается с ним в ад. Из всех писателей и композиторов, когда-либо обращавшихся к истории сделки Фауста с дьяволом, лишь Гёте, всю жизнь изучавший человеческие страсти и поведение, дал другую концовку. В заключительных стихах поэмы господин ангелов небесных забирает тело Фауста у Мефистофеля и поет, что «тому, кто постоянно в поиске, мы дадим избавление».

Восемнадцатый век был отмечен не предвещающим ничего хорошего дебютом бумажных денег на современной мировой арене, но, как это было продемонстрировано и французами, и американцами, бумажные деньги содержали в себе серьезные потенциальные опасности. До тех пор пока бумажные деньги были обеспечены золотом или серебром, все, казалось, было хорошо, и бумага казалась

вполне надежной и гораздо более удобной, чем драгоценные металлы. Однако правительство или банк, отвечавшие за печатание денег, неизменно выпускали больше бумаги, чем у них было металла для ее обеспечения. Не имеет значения, насколько важны были причины, но, раз начавшись, процесс девальвации денег развивался по спирали, и выпускалось все больше банкнот при все меньшей их стоимости.

Опасности и искушения, так же как великая тайна, окружавшая бумажные деньги, воздействовали на мыслителей и поэтов XIX века. В пьесе «Царь Эдип», написанной в 1820 году Перси Биш Шелли, жадность побуждает людей злоупотреблять бумажными деньгами. Эта перспектива бумажных денег становится понятной, когда Маммон появляется и спрашивает у другого персонажа: «В чем дело, мой дорогой?... Не хватает денег? Приходи на мой монетный двор, делай деньги из бумаги, до тех пор, пока цена на золото не упадет, и ему будет стыдно показать свое желчное лицо».

Хотя бумажные банкноты объясняют то очевидное влияние, которое имела дешевая бумага на деньги, оно было далеко не единственным, и, возможно, не самым важным. Доступность бумаги значительно облегчила делопроизводство для золотых дел мастеров, банкиров денежных менял и других торговцев, которые имели дело с большими суммами денег. Купец мог использовать бумагу для того, чтобы написать квитанцию или записать долг. Сами листки бумаги имели стоимость: хотя они не были деньгами, они только представляли их. По мере того как люди привыкали к бумаге, ее ценность возрастала, и в связи с увеличением бумаги в обращении движение денег убыстрялось, еще больше увеличивая суммы, находящиеся в обращении.

Бумага также облегчила выпуск других таких монетарных средств, как векселя, текущие счета, и, наконец, чеки и денежные ордера, оплачиваемые через банки и почтовые системы. Без бумаги банковская система, которая возникла в последние пятьсот лет на Западе, вероятно, никогда бы не развилась. Однако в англоязычном мире чеки нашли всеобщее применение не ранее XIX века, а практика выписывания чеков с персональных сче-

тов так и не нашла своих последователей вне англоязычных стран.

Деньги начались как особый осязаемый товар, как морские ракушки и камешки, какао-бобы и самородки металлов. На второй стадии развития деньги обрели форму бумаги, которая сохранила свою осязаемость, но утратила стоимость товара. Бумажные деньги нельзя съесть, как блоки соли или какао-бобы, их нельзя и переплавить, как медные, оловянные, золотые или серебряные монеты, в металлические инструменты или украшения. Бумажные деньги нельзя использовать по-иному, кроме как в качестве денег. Применение монет и других товаров предполагало абстрактность в большой степени, но применение бумаги сделало деньги еще более абстрактными.

Вне зависимости от того, видят ли в них разрешение практических проблем, как это было представлено Бенджамином Франклином, или фаустинианскую сделку с дьяволом, как это было изображено Гёте, бумажные деньги должны были сыграть важную роль в XIX и XX веках, принеся огромные прибыли одним за счет огромных расходов других.

9. Метрические деньги

Деньги, как число и закон, относятся к категории мышления.

Освальд Шпенглер

Бумага, обеспеченная золотом, обусловила широкое распространение денег. Бумага расширила роль денег на новых рынках, найдя новое применение и новых клиентов. Однако появление новой бумажной технологии требовало нового подхода людей к деньгам. Бумага упростила применение денег, но для их широкого распространения нужно было упростить также и монетарную систему. Существовало множество единиц измерения денег, которые трудно было увязать друг с другом, тем более с единицами измерения в других странах. Упрощение произошло в результате постепенного перехода денег к десятичной монетарной системе — процесса, начавшегося в России, но достигшего своего наиболее полного выражения в только что оперившейся валютной системе Соединенных Штатов, а позже в революционной Франции.

Уже в 1535 году в России была применена система, приравнивавшая сто денег (от слова «деньга». — *Прим. пер.*) к одному новгородскому рублю. Петр Великий усовершенствовал эту систему и обменял деньгу на копейку, создав систему, которая просуществовала до XX века и даже пережила русскую революцию.

15 марта 1719 года Петр Великий издал царский указ, в соответствии с которым одну из казарм новой столицы превратили в первый городской монетный двор. Из Московского монетного двора в Санкт-Петербург было перевезено оборудование для изготовления новых царских монет, которые поначалу были обычными серебряными монетами, привезенными из других стран и отчеканенными заново в честь Петра.

Монетарная система Петра Великого была не совсем десятичной: копейки делились на восемь полуполушек и множество других мелких монет, таких как полупешка, деньга, гривенник, полуполтинник и полтина. Помимо рублей в его системе использовались более крупные золотые дукаты. В последующие годы русские постепенно отказались от монет других достоинств и во главу угла своей системы поставили рубль. Екатерина I особенно любила эту систему и за один только 1725 год выпустила порядка шестидесяти рублей различной формы.

АМЕРИКА ПЕРЕХОДИТ К ДЕСЯТИЧНОЙ МОНЕТАРНОЙ СИСТЕМЕ

Какой бы рациональной ни показалась новая российская система, ни один другой монарх не захотел последовать примеру России, считавшейся отсталой страной. Все они отвергли десятичную валютную систему, предпочтя ей свои традиционные и запутанные, но более легко управляемые системы. Первые последователи российской системы обнаружились не во дворцах других европейских монархов, а в залах, где проводились революционные митинги, в британских колониях Северной Америки. Горя желанием покончить со всем монархическим, в том числе и с королевскими деньгами с изображением британского монарха Георга III, американские колонисты занялись поисками новой системы. Даже наименования британских монет, вроде кроны или соверена, вызывали ассоциации с королевской властью у радикальных американцев, которые стремились создать подлинно республиканскую и при этом научную монетарную систему.

В 1782 году суперинтендант финансов США направил президенту Вашингтону и конгрессу доклад с рекомендациями принять десятичную монетарную систему в Соединенных Штатах. В соответствии с предлагаемой десятичной системой доллар, или «единица измерения», должен был делиться на сто равных частей. Томас Джефферсон рекомендовал назвать самую маленькую часть, одну сотую доллара, центом — от латинского слова, означающего «сотня», а десятую часть доллара — даймом — от латинского

слова, означающего «десятый». Предложения по учреждению данной монетарной системы в новой стране в дальнейшем были разработаны в «Докладе о создании монетного двора» Александра Гамильтона, возможно, самого просвещенного американца того времени. Конгресс принял основы этой системы в 1785 и 1786 годах, завершив ее внедрение Актом о чеканке монет Александра Гамильтона 2 апреля 1792 года.

Поскольку русские раздробили только рубль и продолжали использовать его наряду с другими монетами, их система не была полностью десятичной. Полностью десятичная монетарная система впервые в мире была введена в Соединенных Штатах.

Томас Джефферсон увлекся новой десятичной системой и стремился применять ее не только в денежном обращении, но распространить также на земельные и человеческие отношения. Он предложил поделить западные территории, на которые претендовали Соединенные Штаты, по принципу большой решетки. Каждая сторона каждого квадрата должна была равняться десяти милям. Эти квадраты, в свою очередь, следовало поделить на единицы в одну тысячу акров. Хотя Соединенные Штаты не приняли точно такую систему, принцип решетки был взят за основу деления городских округов на американском Западе.

Столь быстрый переход страны к десятичной системе после революции оказал большое влияние на отношение к ней европейских монархов, у которых десятичная система ассоциировалась с политическим мятежом и подрывом установленного порядка. Эти ассоциации усилили неприязнь монархов к десятичной системе и укрепили их приверженность собственной системе, какой бы устаревшей и неудобной она ни была.

Большинство стран в это время делило свои деньги на произвольные единицы. Испанский доллар, например, состоял из десяти реалов. Англичане веками пользовались запутанной комбинацией шиллингов, фартингов, крон, соверенов, пенни, гиней и фунтов, изготовленных из разнообразных металлов, с постоянно меняющейся стоимостью относительно друг друга. В шиллинге содержалось 12 пенсов, а в фунте — 20 шиллингов; таким образом требовалось 240 пенсов, чтобы получить один фунт. Гинея, более

крупная золотая монета, стоила один фунт плюс 1 шиллинг, или 260 пенсов, а каждый пенс содержал 4 фартинга. Еще больше запутывало то, что каждая монета имела аббревиатуры — Л (фунт), с (шиллинг) или п (пенс), — но их нельзя было выразить в десятичной системе. В 1971 году Соединенное Королевство окончательно отказалось от этой непонятной системы, став одной из последних стран в мире, принявших десятичную систему. Фунт теперь состоит ровно из сотни пенсов, и цену можно выразить в категориях только фунта, а именно — 1,47.

Во время правления династии Бурбонов за основу монетной системы Франции был взят луидор, который состоял из десяти ливров; каждый ливр состоял из двадцати солей (су), а каждый сол состоял из двенадцати денье. Вдобавок к золотым монетам был серебряный эку, состоявший из шестидесяти су. 7 октября 1793 года Франция, переживавшая муки собственной революции, последовала примеру Соединенных Штатов и России и приняла десятичную монетарную систему — *calcul descltal*, но это был в основном символический шаг, поскольку правительство не могло остановить процесс печатания денег с целью изменения монетной системы в разгар революции и в период последовавшего за ней «Царства террора». В 1795 году французы заменили наименование ливр на франк, который состоял из ста сантимов. На самом деле Франция начала чеканить новые монеты с применением десятичной системы не ранее 1803 года, зато та система дожила до настоящего времени.

Революционная Франция распространяла свою десятичную систему на все районы, которые завоевывала ее армия. Для французских революционеров десятичная и метрическая системы олицетворяли рациональность революции. Твердо веря, что их революция представляет собой нечто большее, нежели обычные политические перемены, французы вводили свою десятичную систему как часть пакета широких благ для народа, освобожденного в результате борьбы от тирании монархов. В 1798 году французы завоевали Швейцарию, превратили ее в Гельветическую республику и ввели объединенную монетную систему — десять раппенов за один бац и десять бацев за один швейцарский франк. Большинство итальянских государств

приняло аналогичную десятичную систему в годы правления Наполеона, и постепенно в течение XIX века другие страны последовали их примеру, часто в результате революции или крупных политических перемен.

МЕТРИЧЕСКИЙ ФЕТИШ

Рядом декретов Конвент, как назывался государственный законодательный орган Франции, в 1793 году ввел десятичную систему весов и мер, а также применил ее к деньгам, что вывело идеи десятичной и метрической системы далеко за пределы первоначальной цели. Радикалы от Французской революции стремились увязать революционную демократию и введение десятичной системы. Затем они обратили свое внимание на измерение пространства. Если километр способствовал стабилизации измерения расстояния, почему было не использовать метрическую систему также и в геометрии? Конвент отменил прямой угол в 90 градусов и заменил его прямым углом в 100 градусов. Далее каждый градус был разделен на сто минут, а круг был округлен до 400 градусов вместо неудобных 360.

В порыве энтузиазма, затмившего энтузиазм Томаса Джефферсона и других пылких американцев, Конвент также принял решение перейти к исчислению времени, основанному на десятичной системе, предпочтя ее странной вавилонской системе с шестьюдесятью единицами измерения секунд и минут и двенадцатью часами. 24 ноября 1793 года Конвент постановил, что сто секунд будут составлять минуту, а сто минут — час. Было изготовлено несколько новых часов, но оказалось, что такие часы, которые шли бы со скоростью десять тысяч секунд в час, было трудно сконструировать, запустить в действие и определять по ним время.

По новой системе десять часов были равны одному дню, а десять дней составляли неделю, переименованную в декаду. Три декады составляли месяц. В соответствии с новым календарем французы праздновали Новый год 22 сентября, в день осеннего равноденствия, и все летосчисление начиналось с даты учреждения Французской республики в 1792 году. В новом календаре сохранялось двенадцать

месяцев, но им были даны новые названия, отождествлявшиеся с погодой во Франции во время каждого данного месяца. Месяцы образовывали четыре сезона, каждый из которых имел в своем названии определенный набор суффиксов. Три месяца первого сезона — осени, заканчивались суффиксом агте. День 22 сентября по григорианскому календарю стал первым днем вандемьера.

Абсолютно никому не нравился новый французский день, состоявший из 100 000 частей, и правительство Франции отменило его 18 жерминаля третьего года (7 апреля 1795 года), но названия месяцев сохранялись во Франции до 1 января 1806 года, когда Наполеон полностью отменил республиканское время и вернул григорианский календарь.

Пока французы произвольно вносили изменения в часы и календарь, основанные на десятичной системе, англичане учредили Гринвичский меридиан, и постепенно он стал точкой отсчета современной географической системы измерения долготы наряду с системой исчисления времени по стандартизированным поясам времени.

Несмотря на неудачу, которую потерпела революционная десятичная система часов и календаря, десятичная система монет, весов и мер принесла большую пользу, завоевала широкое признание, и Наполеон способствовал ее распространению по всей Европе по мере того, как его армия с боями продвигалась от Испании до России. Был сконструирован платиновый метр и положен на хранение в архивы французского государства, чтобы служить в качестве официально зарегистрированного метра.

Во Франции десятичное мышление превратилось чуть ли не в национальный фетиш революционного класса и его союзников в среде ученых. Принятие десятичной монетной системы способствовало подготовке законодателей и общественности к принятию десятичной системы в других областях, таких как система весов и мер. Первое систематизированное предложение десятичной системы весов и мер ведет свое начало из далекого исторического прошлого от Габриэля Мутона, викария церкви Святого Павла французского города Лиона с 1670 года. Эта странная идея не привлекла к себе большого внимания в то время, но ученые трудились над предложением Мутона до

тех пор, пока оно постепенно не превратилось в то, что сейчас нам известно как метрическая система. Ученые установили длину метра в одну десятимиллионную часть земного меридиана, проходящего через Париж. Применяя метр в качестве определяющей меры расстояния, ученые умножили его на тысячу, чтобы получить километр, а затем разделили его на 100 сантиметров и 1000 миллиметров. Они также учредили литр в качестве меры измерения жидких и твердых тел, эквивалентной кубу, каждая сторона которого равна одной десятой метра.

Научное сообщество во всем мире очень быстро оценило значение стандартизированных единиц измерения. Каждая страна, однако, рассматривала собственную систему как самую лучшую, которую должен принять весь мир. Никто, и особенно англичане, не хотел принимать систему весов и мер, основанную на земном меридиане, проходящем через Париж.

Одним из первых важных сторонников научной десятичной системы в Англии был шотландский инженер и изобретатель Джеймс Уатт (1736 — 1819), который изобрел — среди прочих механических приборов — современный двигатель, работающий на основе конденсированного пара. В 1783 году он создал ряд измерений под названием философского фунта. Философский фунт состоял из десяти философских унций, каждая из которых содержала десять философских драхм (драм). Хотя ни одна страна, в том числе и Англия, так и не приняла полностью систему Уатта, его именем была названа единица мощности, которая до сих пор называется «ватт». Он также ввел термин лошадиная сила для обозначения единицы мощности, равной 747,5 ватт.

Система весов и мер Уатта имела свои отличительные особенности по сравнению с французской метрической системой, но главный принцип их действия — в основном один и тот же. Система Уатта в целом произвольно оказала большое влияние на комитет, ответственный за создание французской системы.

Хотя новая система весов и мер была введена правительственными указами, универсальными их сделала торговля. Нидерланды, включавшие Бельгию, приняли метрическую систему в 1816 году. Многие малые государства

Европы нуждались в такой системе для упрощения торговых сделок за пределами национальных границ. Вместо того, чтобы сделать метрическую систему обязательной, французское правительство вначале допускало действие прежних систем наряду с ней вплоть до издания в 1837 году декрета о применении во Франции после 1850 года одной лишь метрической системы в деловых отношениях.

Одним из важных факторов, содействовавших переходу на метрическое измерение, стало проведение международных торговых мероприятий, которые позже стали известны как всемирные ярмарки, начавшись с Лондонской выставки 1851 года. Сама Англия не перешла на новую метрическую систему весов и мер, потому что та, по ее мнению, была тесно связана с чуждыми Англии политическими идеями и практикой во Франции, но выставка способствовала распространению информации о системе, завоевавшей приверженность научных кругов. Большую поддержку она нашла также среди торгового сообщества, которое оценило ее по достоинству в процессе создания международных рынков для своей продукции.

Под влиянием промышленников и других сторонников метрической системы монет, весов и мер ученые собрались на совещание по вопросам международной статистики во время следующей мировой ярмарки в Париже в 1855 году. Международное жюри Парижской выставки рекомендовало всем государствам перейти на метрическую и десятичную системы в целях развития науки и торговли. В порыве оптимизма жюри также пришло к заключению, что применение метрической системы будет способствовать установлению мира во всем мире. В силу своей склонности к философии ученые соединили обычный научный практицизм с мировой утопией. Несмотря на столь высокие идеалы, Первая мировая война доказала в следующем веке, что правительства с одинаковым успехом могут вести войны с применением оружия, измеряемого как в метрической, так и в любой другой системе.

Венский монетарный договор от 24 января 1857 года способствовал принятию десятичной монетарной системы и стимулировал распространение метрических весов и мер. Вслед за объединением Италии в 1861 и Германии в 1871 годах новые правительства приняли метрическую систему

как способ стандартизации множества различных систем в составляющих их государствах. Австрия последовала их примеру в 1873 году, а вслед за другими европейскими государствами изменения произошли поочередно в Мексике (1862), Сиаме (1889), Японии (1891), Египте (1892), Тунисе (1895) и России (1900). Чтобы форсировать процесс согласования метрической системы с новыми законами, некоторые страны приняли решительные меры. Султан Османской империи, например, повелел перейти на метрическую систему в 1886 году и в 1891 году конфисковал все другие весы, чтобы гарантировать применение только метрических весов.

Хотя Соединенные Штаты стали первым государством, принявшим исключительно десятичную монетарную систему, вероятно, они последними примут ее для весов и мер. Уже в 1866 году конгресс Соединенных Штатов одобрил десятичную систему как оптимальную для американского делового мира, но эта идея так и не захватила американскую общественность.

Американцы, впрочем, на самом деле применили десятичную систему, однако неожиданным образом и в другой области, что нашло свое отражение в работе мало известного библиотекаря из Нью-Йорка и профессора Колумбийского университета Мелвила Дьюи. Он разделил библиотечные книги на десять категорий, которые затем продолжал делить до тех пор, пока не получил то, что стало известно как десятичная система Дьюи. В 1876 году в возрасте двадцати пяти лет он опубликовал подробности системы в труде «Десятичная классификация и относительный индекс», которую постоянно модернизировал вплоть до 1931 года — года своей смерти.

НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Поскольку деньги нашли применение даже среди бедных слоев общества, а рынок распространился по всему миру, даже беднейшие крестьяне нуждались в базовых математических знаниях и в знании рыночных принципов. Этот переход к новому мышлению можно проследить по фольклору и детским сказкам того периода. Отличи-

тельной особенностью мифов и саг более ранних эпох было то, что в них особое значение придавалось героям и чудовищам, оружию и конфликту, чести и гордости и сверхчеловеческой борьбе против сверхъестественных сил. Мы никогда не встречаем античных греческих героев, которые пользовались бы деньгами или ходили на рынок.

Но если мы посмотрим на историю феодального периода, мы встретимся с такими характерами, как главный герой истории о «Джеке и бобовом стручке», который чуть не разорил свою овдовевшую мать, выменяв корову, выигранную ею в качестве приза, на горстку бобов. История рассказывает о глупой бартерной сделке юнца, который не понимает, что такое рынок. К счастью, бобы оказываются волшебными, и Джек приносит богатство своей семье, отобрав его у великана. Похожие истории рассказываются о гусыне, которая кладет золотые яйца или о поисках золота на краю радуги. По мере продвижения к более позднему феодальному периоду и далее к началу новой истории, все больше крестьянских рассказов посвящается рынку, деньгам и тому, как надо обращаться с ними, или, по крайней мере, как не быть одураченными кем-то, обладающим сверхъестественной силой.

Деньги заставляют людей превращать качественные различия в количественные. Они заставляют считать, и это определение количества ведет к чему-то, доселе невиданному, ни с чем не сравнимому. Необходимость расчетов стимулирует развитие математики, обуславливает развитие науки и в других областях. Эта тенденция к расчетам легла в основу современного мышления, начав с повышения роли математики и науки и приведя к объективизации юриспруденции, медицины, преподавания и практически всех других профессий.

Десятичная система и ее близнец — метрическая система не только изменили отношение людей к деньгам и числам, но также трансформировали человеческое мышление. Новый эмпиризм мышления, помноженный на строгую денежную дисциплину в использовании чисел и категорий, оказали большое влияние на интеллектуальное развитие в эпоху Просвещения, возникшую в XVIII веке. Новый класс интеллектуалов уже больше не стремился получать знания лишь на основе внимательного изучения

работ древних ученых и религиозных авторов. Они сами могли создавать знания на основе наблюдения и фиксирования событий, происходивших вокруг них. Таким образом, знания можно было извлекать, скорее, из живых свидетельств, нежели из Священного писания или установленных догм. В своей повседневной жизни люди всегда учились извлекать уроки из собственного опыта с помощью индуктивного метода и эмпиризма, но такой путь к знаниям был не очень узаконен в университетах. Ученые предпочитали дедукцию, потому что доверяли написанному слову древних ученых больше, чем собственным наблюдениям.

С появлением новых способов измерения и с повышением роли чисел в научных исследованиях ученые изобрели новые измерительные приборы. Наряду с усовершенствованием старых весов и часов новаторы изобрели термометр для измерения температуры, барометр для измерения атмосферного давления и гидрометр для измерения влажности.

Люди, возглавившие научную революцию, не были учеными в традиционном или классическом смысле. Им в целом не хватало университетского образования, они не были членами университетских кафедр, у них не было профессорских званий. Но зато они были практиками и зарабатывали себе на жизнь собственными руками. Эта группа новаторов включала таких умудренных опытом людей, как Бенджамин Франклин, который был типографом по роду занятий и большую часть своей жизни зарабатывал на жизнь, работая в типографии и в издательстве. Туда входили также люди, подобные Джозефу Пристли (1733—1804), сыну йоркширского портного. В молодости Пристли учился, чтобы стать конгрегационным министром, но посвятил себя науке и занимался ею до тех пор, пока не лишился своего дома, который подожгли за то, что он сочувствовал французской революции. Тогда он эмигрировал в Пенсильванию, потому что это была родина его героя — Бенджамина Франклина, а там он открыл кислород и провел большую часть своей жизни, занимаясь научными экспериментами.

Еще одним таким человеком был Луи Пастер, который разрабатывал способы усовершенствования процесса пи-

воварения и виноделия. Его первая работа в области медицины появилась в связи с его поисками методов лечения болезней шелкопряда с целью спасения шелкового производства.

Приверженцы просвещения открыли ряд новых наук: химию, физику, биологию и геологию. Трудно представить себе, что если бы не было перемен в мышлении и в системе мер в связи с развитием рыночных систем и денег, сопровождавшихся распространением метрической и десятичной систем, то ученые смогли бы когда-нибудь придумать нечто вроде периодической таблицы, которая выявила основные химические элементы, взломала их код и организовала их в соответствии с атомным весом. Тот факт, что химик Дмитрий Иванович Менделеев (1834—1907), открывший периодическую таблицу, был директором Главной палаты мер и весов в Санкт-Петербурге — не просто совпадение.

Научная и промышленная революции прошли в исторической последовательности, хотя трудно четко разделить их этапы. Как писал ученый-историк Джон Д. Верная, «не случайно интеллектуальные научные формулировки, технические перемены в промышленности и установление господства капитализма в экономике и политике развивались и процветали вместе одновременно и в одних и тех же местах».

Немецкий социалист Фридрих Энгельс первым дал определение термина «промышленная революция» в 1844 году в связи с быстрыми технологическими и научными переменами в производстве в предшествующее столетие. Эта революция выросла непосредственно из более ранней торговой эпохи. Мировая торговая система позволяла эффективно и дешево продавать производившийся в Англии текстиль, в Африке, Индии и в обеих Америках. Чрезвычайно важным было установление контактов между европейцами и американскими индейцами, которые поставляли широкий круг таких новых сельскохозяйственных культур и продуктов, как красители, табак, хлопок высшего качества и каучук. Новые продукты вместе с широким развитием коммерческого рынка произвели революцию сначала в производстве текстиля, а затем и во всех областях производства.

Горное дело вызвало такие важные промышленные достижения, как усовершенствование насоса, что привело к развитию паровых двигателей. Применение взрывчатых веществ на рудниках способствовало развитию химии и открытию пороха. Потребность в облегчении процесса перевозки руды **На** колесных транспортных средствах привела к появлению рельсовых тележек, а когда это нововведение было дополнено применением парового двигателя, появился первый локомотив и поезд.

Телекоммуникации и электричество возникли вследствие потребности в улучшении делового общения. Электричество не имело очевидного практического применения нигде, кроме увеселительных вечеринок, до тех пор, пока не обнаружили, что его можно использовать для того, чтобы отправлять послания посредством системы, известной как азбука Морзе. Группа людей, которой была нужна срочная и быстрая связь, состояла из бизнесменов, для которых новости означали деньги, поскольку они влияли на повышение и падение биржевых и сельскохозяйственных цен.

Как это часто происходило в прошлом, университетские сообщества мучительно долго вводили эти новые области исследования и знания в свою систему обучения. Не ранее середины XIX века под сильным давлением производителей и правительств главные университеты Европы неохотно начали открывать двери этим новым научным дисциплинам. Германия возглавила этот процесс, за ней последовали Англия и Франция — и ту, и другую в значительной мере вдохновил успех первых всемирных ярмарок, которые укрепили связь между наукой и промышленностью. Большая выставка в Лондоне в 1851 году имела своим результатом создание королевского научного колледжа, моделью для которого отчасти послужили обычная высшая школа и политехническая школа во Франции.

Введение научных дисциплин в установленные университетские учебные программы натолкнулось на серьезные трудности. Их часто перебрасывали в специальные политехнические школы. Крупные университеты неохотно освобождали место для науки, часто — лишь потому, что группа промышленников оплачивала новую программу. В административно-территориальном плане науки были от-

делены от греко-латинской классической школы, и в университетах создавались отдельные научные секции.

На протяжении XIX века ученые начали применять научные принципы в новых областях, помимо математики и сферы природных явлений. Они приспособили научную методологию к изучению общества, политики и экономики. Этот точный научный метод отчетливо проявился в работах Карла Маркса, который стремился привнести научный подход в изучение истории человечества и его политических и экономических систем. Он преобразовал свои научные познания в действие, поддержав коммунизм — движение, которое не пользовалось серьезной поддержкой при его жизни.

Новые дисциплины — экономика, социология и антропология последовали за методами, введенными в естественные науки, хотя и с менее отчетливыми и эффективными результатами. Экономика, которую позже шотландский историк Томас Карлейль назвал «этой унылой наукой», возникла как плод эпохи Просвещения и как новая дисциплина для обучения и анализа в результате повышения внимания к числам, мерам и деньгам. Благодаря работам таких ученых, как Джеймс Денэм Стюарт, который в 1767 году опубликовал «Исследование принципов политической экономии», и более известного Адама Смита, экономика постепенно становилась отстраненной дисциплиной и подходом к социальной жизни человека и организации общества. Начиная со Смита, экономика стала показывать, как организована жизнь, благодаря обмену.

10. Золотой жук

Время потечет вспять и достигнет золотого века.

Джон Мильтон

Как и большинство великих городов, Лондон многолик, но лучше всего известен его аристократический вид, который он являет миру во время публичных мероприятий, отмеченных изысканными королевскими ритуалами. Этот лик имеет имперское выражение с церемониями, с pompой и пышным приемом правительства, действующего ныне за фасадом монархии, с головой ушедшей в традиции. Этот официальный образ обычно можно увидеть в Лондоне, в районе, известном как Вестминстер, в треугольнике, который образуют Вестминстерское аббатство, Букингемский дворец и Трафальгарская площадь. Большие открытые парки, однотипные здания казарм королевской гвардии и правительственные учреждения замыкают его прямые улицы. В этом районе происходит большинство главных церемоний британской монархии — от коронации и открытия парламента до похорон и празднования дня рождения королевы. Вестминстерский район был задуман и спланирован специально для имперских пышных процессий с роскошными каретами, гарцующими лошадьми, развевающимися плюмажами и разнообразием военных и официальных форм, в сравнение с которыми не идет ни один королевский двор со времен падения Османской империи.

Менее узнаваемо для посторонних людей и случайных посетителей другое важное лицо Лондона — в районе, занимающем площадь в одну квадратную милю, известное как Сити Лондона, или просто Сити. Он занимает старейшую часть Лондона, где выросли первоначальные римские поселения и был средневековый город. Сити включает в себя район, расположенный вдоль северного берега реки

Темза примерно между мостом Тауэр на востоке и собором Св. Павла к западу. Сити был уничтожен великим лондонским пожаром 1666 года, а затем снова разрушен немецкими бомбами во время Второй мировой войны, но возрождался заново на тех же неудобных улицах средневекового образца, хотя восстановленные и перестроенные здания теперь перемешаны с совершенно современными зданиями. Планировка Сити, однако, сегодня приблизительно такая же, какой она была в древнеримском поселении Лондиниум.

Развалины римских стен по-прежнему являются границами Сити, но современные полицейские бригады теперь патрулируют район, охраняя финансовое сердце нации от нападений террористов. Они стоят на всех улицах, ведущих к Сити. В отличие от разноцветных лейб-гвардейцев и других гвардейцев, участвующих в церемониях и рассеянных по всему Лондону, эти люди одеты в одежду, предназначенную лишь для защиты их от насилия. В массивных бронежилетах и крепких шлемах, с автоматами в руках, заряженными и готовыми стрелять, специальная охрана останавливает все транспортные средства от велосипедов до грузовиков при въезде в Сити. Несмотря на их бдительность, периодически бомбовые взрывы то сделают очередную яму в уличной мостовой, то обрушат фасад пивного бара или какого-нибудь учреждения в густо населенном районе.

Сити был финансовым центром с тех самых пор, как римляне избрали это место для строительства моста через Темзу. На протяжении примерно тысячи лет этот мост оставался единственным, и таким образом этот район стал главной торговой точкой. Большинство старых рынков сейчас сохранилось лишь в названиях улиц, которые уже давно обрели новые функции. Средневековый рынок зерна, например, занимал район, по-прежнему известный как Корнхилл (хлебный холм). Главные рынки располагались на Чипсайд, а менее крупные — на Вуд-стрит (дерево), Паултри-стрит (дичь), Айронмангер-стрит (кузнечное дело), Милк-стрит (молоко), Бред-стрит (хлеб) и даже Лав Лейн (лужайка любви). По мере исчезновения этих рынков на протяжении столетий их заменяли другие, более крупные и важные для мировой экономики.

Создается впечатление, что все улицы в Сити ведут к перекрестку семи дорог, образуя его центр. Здесь стоят впечатляющие здания Английского банка, Королевской биржи, которая вмещает Лондонскую международную финансовую фьючерсную биржу и дворец, где заседает лорд-мэр, и серую бетонированную крепость современной биржи. Неподалеку располагаются кварталы, где собрано самое большое в мире число страховых обществ, известные как лондонский Ллойд. С 1986 года Ллойд размещается в здании из стекла и стали, похожем на разросшийся, но полуразвалившийся нефтеперерабатывающий завод, которое можно считать самым безобразным городским сооружением XX века.

Отношения между Сити и Короной, как британское правительство все еще называет себя, никогда не были особенно теплыми. В 1066 году Сити позаботился о своей безопасности, окружив себя толстыми стенами, и вначале отказался сдаться Вильгельму-завоевателю даже после битвы при Гастингсе, когда тот покорил всю остальную Англию. Лишь постепенно Сити действительно пришел к компромиссу с новым монархом, признав его, но продолжая вести собственные дела через корпоративную гильдию. Заключив этот компромисс, Вильгельм, все еще не доверявший Сити, построил рядом самый внушительный замок, чтобы следить за ним, и в течение восьми столетий политические казни по большей части проводились на месте, расположенном между замком Вильгельма и Сити. Замок, который впоследствии стал известен как лондонский Тауэр, по-прежнему возвышается над Темзой прямо рядом с Сити.

Сити заканчивается непосредственно у стен лондонского Тауэра, где стража охраняет королевские драгоценности и другие сокровища британской монархии. Эти сокровища, которые, вероятно, принадлежат к разряду самых ценных коллекций из всех, когда-либо собранных, включают в себя самый крупный алмаз. На протяжении почти всего XIX века лондонский Тауэр служил также государственным монетным двором, производя большую часть английских монет вплоть до наступления викторианской эпохи.

До сегодняшнего дня даже монархи Великобритании, которые имеют право поехать в любое место в Соединенном Королевстве, в том числе и во все другие места в Лондоне, должны останавливаться и, прежде чем въехать на территорию Сити площадью в одну квадратную милю, испросить разрешения у его лорда-мэра. Средневековая церемония, когда суверен испрашивает разрешения въехать в Сити, хранит память о разделении Сити и Короны в древние времена. Как бы еще больше подчеркивает это разделение то, что королевский дворец правосудия, который должен был часто выступать посредником между правительством и финансовыми институтами, расположен у дороги, идущей параллельно Темзе и связывающей Букингемский двор и Уайтхолл (английское правительство) с Сити. Часть бульвара, известная как Флит-стрит (центр английской газетной индустрии), также была традиционно родным домом большей части лондонских газетчиков, которые сообщали о деятельности как финансовых, так и правительственных центров власти, а также о многочисленных сплетнях, просачивавшихся из королевских дворцов.

После отделения Сити от остального королевства лондонским коммерсантам были предоставлены ограниченная автономия и гарантии определенных прав, что редко допускалось сильными монархами. Хотя отделение коммерции от Короны не давало подлинной независимости, оно все же вполне могло защитить британскую экономику, укрепить ее и сделать более гибкой по сравнению с экономикой Франции, России, Испании и большинства других европейских стран. Изобилие, созданное лондонскими финансовыми институтами, упоминается в пьесе 1797 года «Наследник закона», написанной Джорджем Колманом-младшим:

О Лондон, прекрасный город,
Очень знаменитый город,
Где все улицы вымощены золотом,
И все девушки хорошенькие.

Здесь, в лондонском Сити, в XIX веке банкиры создали монетарную систему бумажных денег, основанную на золоте. Эта система распространилась по всему миру и стала первой полностью глобальной денежной системой в мире. Эта банковская система с бумажными деньгами, на-

ходящимися в обращении, привела к возникновению новой общественности. При этой глобальной системе бумажные деньги в виде английского фунта и его последователя американского доллара вместе с незримыми деньгами на счетах, открытых банками, привели банковскую систему к ее историческому зениту.

Сити сохраняется в качестве одной из великих финансовых сил в мире, пусть даже он больше не господствует в мировой экономике так, как это было в XIX и в начале XX века. Нигде на земле нет такого же огромного скопления финансовых институтов на одной квадратной миле. Нечто подобное Сити можно было бы вообразить, если бы государственная казна США, Форт Нокс, Федеральное управление резервами и Уолл-стрит разместились бы на одной квадратной миле вместе со всеми главными американскими банками, страховыми компаниями и пятьюстами самыми крупными корпорациями государства.

Если Букингемский дворец, Вестминстерское аббатство и здания парламента представляют собой официальное, общественное и имперское лицо британского правительства, то Сити, безусловно, является его сердцем. Из контор, конференц-залов и торговых палат Сити текли деньги, на которые содержался флот Нельсона и которыми он снабжался во время битвы при Трафальгаре, на эти деньги финансировалось завоевание Индии, страховались рудники Южной Америки и железные дороги мира, устанавливался надзор за банками крупнейшей и далеко раскинувшейся в мире империи, а также обеспечивалась страховка ножек голливудских кинозвезд.

СТАРАЯ ЛЕДИ С УЛИЦЫ ИГОЛКИ С НИТКОЙ*

Торговый район Лондона вырос вокруг Английского банка, который по-прежнему является самым важным финансовым институтом Сити. Банк возник в результате важных перемен в британской истории, известных как

* «Старой леди» в шутку называют Английский банк за его консервативность. Он расположен на Треднидл-стрит, что в буквальном переводе означает «улица иголки с ниткой». (Прим. ред.).

Славная революция 1688 года, когда и виги, и тори в парламенте сговорились сместить короля Джеймса II, обротившегося в римскую католическую веру, и пригласить его дочь, протестантку Марию и ее мужа, голландца Вильгельма Оранского на совместное царствование в качестве британских монархов Вильгельма III и Марии II Стюарт. Монархи приняли совершенно разоренное правительство и устаревшую монетарную систему, управлявшуюся золотых дел мастерами. Новые монархи отчаянно нуждались в деньгах, потому что им надо было подавить мятеж сторонников Джеймса II и в то же время вести войну с Францией.

В поисках средств Вильгельм согласился принять Хартию о национальном банке, который собрал бы деньги из частных источников и дал их в долг правительству. Сегодня на мраморной плите в банке выгравированы слова Вильгельма Младшего, сказанные им в поддержку банка в 1682 году: «И мы в Англии имеем материалы для банка, которые обеспечат его запасами, достаточными для того, чтобы управлять торговлей всего коммерческого мира».

Хотя Английский банк и начал свою деятельность в качестве правительственного банка, он был сугубо частной холдинговой компанией. Шотландский финансист Уильям Патерсон и его близкое окружение сразу же после ее организации предоставили королю заем в 1 200 000 фунтов стерлингов при 8% годовых. Инвесторы получили акции в банке в количестве, пропорциональном их вложениям. Наделенный полномочиями управляющего и компании, Английский банк собирал деньги для того, чтобы финансировать завоевания крупнейшей империи мира в грядущие столетия.

Вкладчики приносили свои монеты в Английский банк и получали квитанции на вклад. По некоторым сообщениям, эти бумажные квитанции постепенно начинали поступать в обращение как деньги, но почти не сохранилось свидетельств таких бумажных денег. Однако мы точно знаем, что со временем банк начал выпускать преимущественно стандартные квитанции для своих вкладчиков. Эти квитанции поступали в обращение в качестве денег и, таким образом, стали первыми банкнотами, обозначавшими английские фунты.

На протяжении почти всего XVIII века Английский банк выпускал банкноты в десять и двадцать фунтов. В то время двадцатифунтовая банкнота имела покупательную способность, равную примерно одной тысяче современных долларов, и благодаря своей высокой стоимости банкноты использовались исключительно в крупных деловых сделках, особенно между финансистами и богатыми торговцами в пределах лондонского Сити. Большинству людей для повседневных сделок обычно хватало монет и меньшего достоинства.

Во время финансового кризиса, вызванного наполеоновскими войнами в начале XIX века, банк начал выпускать одно- и двухфунтовые банкноты, чтобы восполнить нехватку монет и увеличить денежные запасы, необходимые для закупки материалов и выплаты армейского жалованья. К тому времени бумажные деньги утвердились и начали вызывать к себе доверие во всей Англии, и теперь их начали использовать вместо монет в небольших сделках. Даже банкнота достоинством в один фунт, однако, выражала сравнительно большое количество денег, эквивалентное примерно пятидесяти современным долларам, и среднестатистический гражданин не пользовался ею при обычных повседневных сделках.

Другие банки также могли бы выпускать квитанции на вклады, но ни один из этих банков не имел такого престижа, как Английский банк, потому что это был банк королевского правительства. В 1844 году парламент издал Акт об уставе банков, который предоставлял Английскому банку абсолютную монополию на право выпускать банкноты в Соединенном Королевстве. В качестве реверанса в сторону местных шотландцев с их гордостью и национальными чувствами некоторым банкам в Шотландии было разрешено сохранить за собой право выпускать денежные банковские билеты при условии, что их валютные предложения будут обеспечены банкнотами, выпускавшимися Английским банком. Английский банк, в свою очередь, должен был гарантировать конвертируемость всех своих бумажных банкнот в золото по требованию, что, таким образом, сделало бумажный фунт таким же ценным, как и золотой.

В отличие от бумажных денег, выпускавшихся Соединенными Штатами Америки и Францией во время их ре-

волюций, бумажные деньги Англии не выпускались непосредственно правительством. Они появлялись из частного банка, функционировавшего в соответствии с правительственным уставом, но все же отделенного от правительства. Корона продолжала чеканить свои монеты, в том числе и однофунтовые монеты с изображением монарха. Английский банк в качестве частного предприятия вовсе не чеканил монеты, но мог выпускать бумажные деньги, коль скоро на них был изображен лик монарха. Несколько отстраняясь от политики или, по крайней мере, от повседневных приливов и отливов политических настроений и временной политической целесообразности, Английский банк работал под пристальным правительственным надзором, но в первую очередь он функционировал как банк, то есть как институт, который нес фискальную ответственность и был необходим для того, чтобы приносить прибыль своим пайщикам.

В течение XIX века Английский банк превратился в главный институт стабилизации мировой монетарной и банковской системы. Как писал об Английском банке Кеннет Гелбрейт, «из всех институтов, связанных с экономикой, ни один не был столь же престижным в течение такого длительного времени. Во всех отношениях он является для денег тем же, чем святой Петр — для религии. Это заслуженная репутация, потому что умение управлять деньгами, которые там производятся, требует большого искусства и связано с большой тайной».

Большинство стран в мире пользовалось золотым стандартом, но несколько стран, включая Мексику и Китай, продолжали пользоваться серебряным стандартом. Несмотря на колебания цен на оба металла и определенные трудности в их синхронизации, они в основном функционировали как единая мировая денежная система, в которой все валюты были обеспечены либо золотом, либо серебром.

После поражения Наполеона Британия стала господствовать в мире как величайшая империя, опиравшаяся на самый мощный в мире флот. Английский банк стал прототипом центрального национального банка, с которым соперничали национальные банки по всему миру. При его лидерстве и, ориентируясь на его модель, мир переживал длительный и весьма стабильный период в истории

монетаризма, основанный на золотом стандарте. Эпоха, начавшаяся восшествием на престол королевы Виктории и продолжавшаяся до начала Первой мировой войны, была одним из самых стабильных периодов в истории монетаризма и породила самое большое всеобщее благосостояние, когда-либо известное истории до того времени. Под руководством Английского банка мир работал в рамках единой монетарной системы, основанной на общем следовании золотому принципу. По сути, золото было мировой валютой.

Английский банк оставался частным институтом, хотя и был тесно связан с британским правительством в течение всего XIX века. Банк по-прежнему должен был давать прибыль, а когда требовалось, директора предлагали банковские долгосрочные проценты любому правительству, какое оказывалось у власти, независимо от его политических интересов.

Придерживаясь твердого курса и защищая свои бумажные деньги, Английский банк функционировал как сдерживающий стержень Британской империи и международной банковской и валютной систем. Английский банк с его могущественным фунтом стерлингов контролировал и уравнивал усиливающееся имперское правительство Британии.

Часто интересы Английского банка выходили на первый план по сравнению с интересами правительства. Банк должен был активно поддерживать цену на золото, и иногда его вмешательство происходило за счет британских граждан, у которых по-прежнему была стабильная валюта, но ее покупательная способность уменьшалась. Британия оказывала услуги всему миру, но оплачивали их британские граждане.

Около семидесяти лет, с 1844 по 1913 год, английский фунт стерлингов правил миром как самая устойчивая и главная валюта. В тот же период маленький лондонский Сити стал центром, сосредоточившим мировые финансы. Британия сохраняла уникальный баланс сил между лондонским Сити с его валютными и финансовыми институтами, сосредоточенными в частных руках, и правительственной группой зданий, окружавших парламент, — Уайтхолл, Даунинг-стрит, 10 и Букингемский

дворец, управлявших армией и империей. До тех пор, пока имперское правительство и частные финансовые интересы действовали раздельно, но согласованно, Британия правила крупнейшей в мировой истории и далеко раскинувшейся империей.

РАССКАЗ О ДВУХ ГОРОДАХ

В течение всего XIX и в начале XX века директора Английского банка сопротивлялись вмешательству правительства в их дела. Когда правительство учредило королевскую комиссию для обследования деятельности и резервов банка, банкиры отреагировали на это, сказав лишь, что резервы «весьма, весьма значительны». Когда их попросили несколько уточнить это, они сказали, что им «очень, очень не хотелось бы» добавлять что-нибудь к тому, что они уже сказали.

При Английском банке Британия процветала. При устойчивом фунте стерлингов промышленность и торговля неуклонно развивались и так же неуклонно снижались цены на большинство товаров на протяжении мирного столетия. С экономической точки зрения, для Европы это было самое лучшее время. Золото создавало твердый фундамент для этого мира благоденствия не потому, что обладало какими-то особыми свойствами, но просто потому, что золотой стандарт оказывал сильное сдерживающее влияние на правительства, коль скоро страна не могла печатать бумажные деньги в количестве, которое превышало бы золотой запас, обеспечивающий их. По сообщениям, один из экспертов по вопросам монетарной политики на вопрос: «Почему именно золото?» ответил: «Потому что нельзя доверять правительствам, и прежде всего демократическим правительствам».

Как отмечал экономист, живший в XIX веке, Давид Рикардо, «ни одно государство, ни один банк, никогда не могли пользоваться неограниченной властью, чтобы выпускать бумажные деньги, без того, чтобы злоупотреблять этой властью. Во всех государствах, следовательно, печатание бумажных денег должно находиться под определенным контролем; и, как представляется, нет ничего более

правильного, чем налагать на тех, кто печатает бумажные деньги, обязательства по оплате их банкнот либо золотыми монетами, либо слитками». На протяжении викторианской эпохи золотой стандарт подчинял политиков необходимой дисциплине.

Поскольку деньги во всех странах были строго привязаны к золотому стандарту и находились вне пределов досягаемости для политиков, правительственные расходы серьезно ограничивались, в то время как промышленность и торговля переживали бум. Новая интеграция мировой экономики была ознаменована возрождением средневековых ярмарок. В 1851 году, в основном с подачи принца Альберта, супруга королевы Виктории, англичане спонсировали великолепную выставку в Лондоне, на которой были представлены торговые представительства и экспонаты всего мира. Ряд таких международных выставок привел к созданию мировых ярмарок, которые проводились каждые четыре года. В том же интернациональном духе были возрождены греческие олимпийские игры, организованные в 1896 году для развития спорта как альтернатива войне.

Экономический бум XIX века дал миру новые железнодорожные системы, пароходные морские суда, телеграфные и телефонные линии связи и электричество, а также чудеса архитектуры, начиная с Бруклинского моста и Эйфелевой башни и кончая Суэцким каналом. В течение XIX века было произведено больше товаров для большего числа людей, чем когда-либо прежде, и кульминацией той эпохи стал золотой век, эпоха изобилия товаров, отмеченная заметным ростом потребления. Наследие той эпохи все еще можно увидеть в роскошных домах, построенных в таких местах, как Ньюпорт, Род Айленд. Буквально каждый крупный город в Соединенных Штатах и Европе в XIX веке имел городские районы с домами настолько массивными, что сегодня они служат, главным образом, в качестве музеев, школ и других неприбыльных предприятий или содержащихся на общественные средства приютов для наркоманов, заключенных, освобожденных из заключения досрочно на определенных условиях, и юных беглецов из дома.

К концу XIX века в таких демократических странах,

как Соединенные Штаты или Великобритания, нарождающийся класс богатых банкиров и промышленников находился в привилегированном положении и жил в такой роскоши, какой, наверное, никогда не имел ни один монарх. Этот класс, вызывавший большое негодование, жил в основном над законом и манипулировал политиками, как марионетками. У народных масс и в особенности у политиков усиливалась ненависть к классу капиталистов. В наступлении на класс капиталистов, а, возможно, и в его ликвидации многие радикальные идеологи, а также политики-демократы видели простое решение проблемы во всей Европе и Северной Америке. Так явно политические деятели не способствовали развитию классового антагонизма и не играли на нем со времен крестьянских войн XVI века в государствах Германии, а, возможно, и со времен классовых сражений в Древнем Риме.

Вероятно, в противовес направленной против них враждебности богатейшие из плутократов начали проводить масштабные и широко рекламируемые акции благотворительности. Общественная деятельность стала важной частью приобретения большого богатства, особенно в Соединенных Штатах. Жены и дочери богачей устраивали балы и проводили другие мероприятия для сбора пожертвований в пользу бедных, создавали благотворительные организации и общественные службы, самой известной из которых в Соединенных Штатах был Союз младших. Сталелитейный промышленник Эндрю Карнеги построил библиотеки и другие образовательные учреждения по всей Америке и основал крупный общественный благотворительный фонд под своим именем. Шведский производитель Альфред Нобель сделал состояние на нефти и взрывчатых веществах, с помощью которых он одарил мир международной премией мира, носящей его имя. Генри Форд, Джон Д. Рокфеллер и У. К. Келлог также учредили крупные благотворительные фонды своего имени. Другие промышленники и финансисты основали небольшие колледжи и университеты под своей фамилией: Уильям Марш Райе, король розничной торговли и экспорта, создал университет Раиса в Хьюстоне, Техас; семьи и наследники табачных братьев Бенджамина Н. и Джеймса Б. Дьюка, занимавшихся разведением табака, основали университет

Дьюка в Дареме, Северная Каролина, а железнодорожный магнат Лелланд Стэнфорд основал Стэнфордский университет в память о своем покойном сыне.

ЗОЛОТАЯ ДИСЦИПЛИНА

На протяжении всего девятнадцатого столетия европейские правительства были жестко ограничены созданной вокруг них золотой системой. Не имея возможности раздавать земли и получать под них субсидии, как это делали ранее монархи, а также до бесконечности печатать деньги в больших количествах, правительства нуждались в новых способах обогащения. Если золото было главной ценностью, стоявшей за валютой, следовательно, чтобы делать деньги, им нужно было больше золота. Эта потребность в золоте положила начало величайшей международной борьбе за его захват со времен завоевания Америки в XVI веке. Европейские правительства направили целые армии по всему миру в поисках золота. Они нашли его в Южной Африке, Австралии, Сибири и Юконе. Даже Соединенные Штаты стали крупным производителем золота на территории Калифорнии, незадолго до этого захваченной у Мексики.

Британский флот, господствовавший на океанах, доставлял британскую армию на любой континент. Британская империя простиралась от Англии и Ирландии до Канады, Британского Гондураса, Гвианы и большинства Карибских островов. Британия контролировала западный вход в Средиземное море со своей базы в Гибралтаре и центральные части моря с Мальты. Британская база в Египте давала им возможность контролировать восточный вход в море через Суэцкий канал и все близлежащие страны. К югу от Египта Британская империя включала Судан и Нигерию — соответственно самую крупную и самую густо населенную страны Африки, а также Южную Африку, самую богатую на континенте. Помимо этого, империя охватывала связующие звенья — Кению, Уганду, Гану, Золотой Берег, Родезию и Замбию. В Азии Британия держала под своим контролем всю Индию (включая Пакистан), Малайзию, Цейлон, Бирму и важные порты в Адене, Син-

гапуре и Гонконге. Британия превратила Тихий океан полностью в свой собственный водоем благодаря контролю над Австралией, Новой Зеландией, Тонга, Фиджи, островами Кука и Новыми Гебридами.

Европейские правительства создали новую имперскую бюрократию и армии, с помощью которых они завоевывали новые земли и подчиняли новые страны своим империям. Англичане вели войны повсюду — от Хайберского перевала в Афганистане до Хартума в Судане и от Гонконга в Китае до Зулуленда в Южной Африке. Французская армия вела колониальные войны от Тимбукту до Таити, и даже немцы, голландцы, бельгийцы и итальянцы отправляли своих солдат в завоевательные кампании в отдаленные районы земного шара. Австро-Венгерская империя продвинулась дальше в восточную Европу и на Балканы, захватив территории, входившие в Османскую империю, приходящую в упадок. Россия начала свое продвижение в глубь Кавказа и Центральной Азии. Япония приступила к имперской экспансии на островах и прилегающем к ним материке, поглощая Корею, Тайвань и острова вблизи от сибирского побережья.

Лишь только американцам удалось сбросить колониальное иго в XIX веке, как примеру Соединенных Штатов одна за другой последовали колонии, провозгласив свою независимость от Испании, Франции и Португалии. В приступе культурного пароксизма, который потряс американские континенты от Арктики до Огненной Земли, правительства новых независимых республик начали худшую из войн, которую когда-либо видела Америка за два столетия со времени нашествия испанских конквистадоров в начале XVI века — против собственного коренного населения индейцев. Аргентина истребила племена Патагонии, а на юге Чили началась война против мапучей. Бразилия стала изгонять индейцев из джунглей, расчищая место для каучуковой промышленности. Мексика объявила войну индейцам яки на севере и своим гражданам народа майя на Юкатане. Соединенные Штаты провозгласили политику «переселения» индейцев из района к востоку от реки Миссисипи, а затем открыли военные действия с целью истребления народов, живших на равнинах.

Для коренных народов всего мира XIX век был самым страшным временем. Все эти кампании стоили денег. На протяжении всего XIX века расходы на вооружения и армии постоянно возрастали. Поскольку правительственные бюджеты на содержание военных и разраставшейся бюрократии увеличивались, их расходы начали оказывать давление на золотые запасы этих государств.

В процессе завоевания континентов и превращения их в колонии европейские державы создавали огромные регулярные армии, флоты, промышленные и организационные структуры, необходимые для поддержки. Имея чудовищные военные ресурсы, когда не осталось никаких новых территорий для завоевания, они напали друг на друга в Первую мировую войну, величайшую кровавую бойню того времени. Когда разразилась война, у европейских правительств появился предлог, чтобы взять на себя управление экономикой для распространения внутренней политики правительства на все области общественной жизни и введения таких новых налогов, как подоходный налог в Соединенных Штатах. Если им не хватало золота для финансирования новых предприятий, тогда — под флагом патриотизма и в условиях военного положения — они просто-напросто печатали деньги и так или иначе уничтожали привязку страны к золотому стандарту. До тех пор, пока страна придерживалась золотого стандарта, количество денег, которое правительство могло взять в долг, было ограничено. Если у населения не хватало денег на приобретение правительственных долговых обязательств, тогда правительству оставалось расходовать лишь доходы от сбора налогов. Автономия Английского банка, уже подточенная многократными набегами правительства, закончилась с началом Первой мировой войны. Необходимость финансирования армии британским правительством снова одержала верх над дисциплиной золотого стандарта, и банк напечатал гораздо больше денег, чем мог конвертировать в золото. Как только правительство поняло, каким образом можно легко получить деньги без дисциплинирующего золотого стандарта, ему не захотелось возвращаться в ограничительные рамки этого ига. После войны была короткая попытка вернуться к золотому стандарту, но в 1931 году Британия постоянно придумывала любые отговорки

для того, чтобы не привязывать стоимость своей валюты к золотым депозитам. Эпоха золота и расцвета Английского банка закончилась.

Золотой стандарт, сформировавший сердце и душу международной валютной системы, управляемой из Английского банка в лондонском Сити, представлял собой первую глобальную систему, объединяющую мир. Золото сделало то, что не удалось сделать ни одному завоевателю и ни одной религии: оно вовлекло абсолютно всех людей на земле в одну социальную систему. С развалом этой системы после Первой мировой войны правительства Европы и Северной Америки занялись поисками новых систем взамен прежней, потому что они не желали возвращаться к золотому стандарту и тем самым уступать власть, только что отвоеванную политиками. Вместо этого они попытались создать международные политические системы, начиная с Лиги Наций, и позже создав Организацию Объединенных Наций и десятки других политических сообществ, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк, часть которых имела незначительное практическое влияние в определенных сферах, но в большинстве своем они были неэффективными и бессильными.

Первая мировая война ознаменовала конец великой эпохи мировой валютной системы, основанной на золоте. Г. Дж. Уэллс сказал, что «война приостановила и полностью сломала этот непреднамеренный монетарный космополитизм... К концу войны монетарная солидарность мира практически исчезла, и продолжалось печатание бумажных денег в переизбытке». В определенном смысле Первая мировая война завершила XIX столетие и открыла XX, которое должно было стать совершенно другой эрой. Война нарушила хрупкий баланс, который существовал между отдельно существовавшими и относительно независимыми сферами правительства и экономики в Британии. Власть все больше переходила в руки политиков и правительственных администраторов.

В условиях разрушенного монетарного и экономического порядка в конце войны многие политики и политические теоретики выступили с идеями создания новых систем, и все они усиливали власть правительства. В России к власти пришли коммунисты со своим экстремистским

планом покончить с капитализмом, разрушить все рынки и создать объединенную экономическую и политическую систему, управляемую только правительством в форме международного социализма. В противовес международному социализму последователи Гитлера ввели систему национального социализма, сократив его до слова «нацизм», который учреждал в равной мере жесткий правительственный контроль над экономикой, вплоть до того, что был возрожден рабский труд в той мере, в какой он соответствовал политическим целям правительства.

Каждый, казалось, искал козла отпущения, на которого можно было свалить вину за бедственное положение, финансовый и экономический упадок. В каждой стране политики нападали на представителей класса богачей или определенную его прослойку — аристократов и крестьян, имеющих землю в России, на армян в Турции, например, или на евреев в Германии.

Либеральные демократии Западной Европы и Северной Америки пришли к менее экстремистским идеологиям и мерам, но они значительно усилили власть правительств над экономикой. В каждой стране сформировались коалиции политиков и бюрократов с определенными секторами экономики. Одна такая коалиция образовалась вокруг военного производства и способствовала развертыванию того, что президент Дуайт Эйзенхауэр назвал «военно-промышленным комплексом». Позже в этом столетии еще одно правительство частично сформировало ряд новых союзов для основания массивной сети социальных услуг в процветающем промышленном комплексе. И те, и другие нуждались в существенном количестве правительственных денег, которые нужно было извлекать из того сектора экономики, который не относился ни к благосостоянию, ни к войскам.

ПОРТРЕТ КОРОЛЕВЫ

Пробыв более двухсот лет частным институтом, Английский банк не смог пережить тенденцию к установлению государственного контроля над финансовыми институтами в XX веке. В условиях роста социалистических

настроенный лейбористское правительство национализировало Английский банк в 1946 году. Поскольку правительство уже регулировало деятельность банка, тесно сотрудничавшего с ним, национализация была, скорее, формальным признанием того, что уже произошло. Контроль за банковской деятельностью перешел к назначаемому политиками канцлеру казначейства.

Вскоре после национализации банка правительство приняло решение перенести изображение соверена на чеки, как это всегда было на монетах, которые чеканило правительство. Королева Елизавета II была первым монархом, чей портрет появился на британской бумажной валюте. Портрет королевы на деньгах ясно показывал, что отныне правительство осуществляет верховный контроль над валютной системой и всеми институтами, связанными с ней. Национализация Английского банка ознаменовала окончание длительного процесса последовательного усиления контроля правительства над финансовой сферой жизни Англии и английской валютной системой. Это был первый из длинного ряда шагов в направлении национализации британской финансовой системы и экономики.

К концу XX века Английский банк — «старая леди» с улицы иголки с ниткой — стал просто еще одним из государственных банков в мире. И по сравнению с Бундесбанком, который регулировал мощную немецкую марку, освященный веками Английский банк не мог даже претендовать на место самого главного банка в Европе, а тем более в мире. Не только американский доллар превзошел британский фунт по своей значимости на международных рынках, но и японская иена, немецкая марка и швейцарский франк.

Утративший свою независимость и уже более не контролирующий запасы независимых денег, обеспеченных золотом, Английский банк стал еще одним административным учреждением правительства. Он не определял финансовую политику, выпуская деньги в соответствии со своими золотыми запасами, а скорее, проводил правительственную политику и выпускал такое количество денег, какое приказывали ему выпустить политики с другой стороны Лондона. Подчинение и в конечном счете национализация Английского банка представляли собой крупную победу

политики над банковской системой и правительства над деньгами.

Для многих политических комментаторов и активистов как правого, так и левого толка, установление власти правительства над деньгами путем национализации денег, стало желанным облегчением после XIX века, когда особое значение придавалось богатству.

Освальд Шпенглер, историк и философ, который пережил переходный период от викторианской до современной эпохи, писал, что в XX веке возникновение сильных правительств, названное им «цезаризмом», окончательно «разрушает диктатуру денег». Он рассматривал возрождение государственной власти в качестве необходимого противодействия против власти богачей и интересов рынка: «После того как в течение длительного времени экономика мирового города и его интересы господствовали над созидательной силой политики, стало ясно, что политическая сторона жизни в конце концов из них двоих — сильнее». Он предсказал закат эпохи денег: «Меч побеждает деньги».

11. Дорога, вымощенная желтым кирпичом

Единственное, что вам нужно сделать, это трижды щелкнуть каблуками и приказать башмакам вести вас туда, куда вам надо.

Л.Фрэнк Баум

К счастью, остров Манхэттен расположен на твердых сланцевых пластах. Менее прочная порода, к тому же продырявленная, как сито, многочисленными подземными тоннелями метро, системами водоснабжения, канализации и электрических кабелей, могла бы и не выдержать такого огромного числа небоскребов. Хотя некоторые названия улиц — Брод-стрит и Бродвей, например, предполагают простор, в наш автомобильный век улицы стали напоминать узкие тропинки. Они прорезают участки из гранита, мрамора и отвесных скал из песчаника, воздвигнутые величайшими финансовыми институтами мира — Токийским банком, Федеральным резервным банком, банком Чейз Манхэттен, банком Сити, коммерческим банком Моргана, Американской биржей, Независимой строительной компанией, Мировым торговым центром, Гановерским банком промышленников и крупными биржами — Биржей хлопка, Биржей кофе, сахара и какао, Торговой биржей и Товарной биржей. В центре финансового квартала пульсирует сердце самого капитализма — Нью-Йоркская фондовая биржа.

Даже в самую ненастную погоду служащие с Нью-Йоркской фондовой биржи выстраиваются на тротуаре, чтобы покурить и перекусить во время затишья на этажах, где располагается биржа. Вереницы туристов со всего мира идут сквозь их строй, чтобы пройти повторную проверку служб безопасности, прежде чем их впустят в галерею.

В последние годы XIX века Нью-Йорк начал заменять Лондон в качестве мирового финансового центра. Этот центр долго прокладывал себе путь из древней Лидии через Гре-

цию и Рим, через Флоренцию эпохи Ренессанса и, наконец, в Лондон ранней индустриальной эпохи. По окончании Гражданской войны в Америке финансовый центр постепенно, в течение нескольких десятилетий, перемещался из Старого Света в Новый.

ОТ РИСКОВАННЫХ ОПЕРАЦИЙ ДО ЗЕЛЕНых ДОЛЛАРОВ

С самого начала история государственного строительства в Соединенных Штатах разворачивалась, скорее, вокруг денег и коммерции, чем вокруг армии, правительства или правящего класса. Основанное без европейской феодальной системы с ее церковной и рыцарской культурой, американское общество опиралось, как ни одно общество в истории до него, на твердую основу монетарных отношений. Французский социолог, аристократ Алексис де Токвиль, писал об Америке в начале XIX века: «Я, действительно, не знаю другой такой страны, где любовь к деньгам перевешивала бы все другие человеческие привязанности». Именно это вскоре создало самую динамичную экономику в мировой истории.

Столетием позже после де Токвиля это чувство, должно быть, разделял президент Калвин Кулидж, который 17 января 1925 года сказал, выступая перед Американским сообществом редакторов газет, что «главное дело американского народа — это бизнес».

Современная система бумажных денег в Соединенных Штатах является во многом продуктом Гражданской войны. После первого катастрофического, грабительского вторжения в процесс печатания денег и выпуска обесцененных бумажных денег в период американской революции Соединенные Штаты не печатали деньги в течение почти столетия, за одним исключением, сделанным в короткий период войны 1812 года.

В первой половине XIX века в Соединенных Штатах происходила в течение длительного времени борьба за контроль над деньгами. Дважды они предоставляли национальному банку полномочия и дважды лишали его этих полномочий. Верховный суд постановил, что отдельные суве-

ренные штаты могут наделять свои банки правом выпускать собственные банкноты, и, следовательно, почти все бумажные деньги, находившиеся в обращении, поступали в виде этих банкнот от штатов. Почти всегда испытывавшие отчаянную нехватку монет в условиях отсутствия государственных бумажных денег, американцы, особенно в фортах, были вынуждены искать им замену в какой-то форме, поэтому банки предложили практически единственно возможную замену в виде собственных банкнот. К несчастью, как это всегда бывает с новыми развивающимися системами, американцы время от времени испытывали на себе укусы бесовестных и не подчинявшихся определенным правилам банкиров, которые обманывали их на миллионы долларов в депозитах и обесцененных бумажных деньгах. В то время как в континентальной Европе престиж профессии банкира, уважение к ней и ее ответственность достигли ранее неведомых высот общественного доверия и поддержки, в Соединенных Штатах банкиров стали еще больше презирать и не доверять им, считая, что они занимаются таким позорным, хотя и необходимым делом.

Недоверие по большей части возникало в результате кампаний, проводившихся политическими деятелями и другими сторонниками централизации банковской системы или системы банков, имеющих государственные права. Частью этих кампаний было завышение банковских счетов, предъявление банкам обвинений в злоупотреблениях, чем подталкивались их полномочия печатать банкноты.

В Соединенных Штатах в первой половине XIX века федеральное правительство выпускало все монеты из серебра, золота или меди, но не выпускало бумажных денег. Поскольку не было законов или уставов, регулировавших федеральную банковскую систему, все бумажные деньги выпускались банками, действовавшими в соответствии с законами штатов, но обеспеченные золотом. С началом республиканского правления, однако, одна сильная политическая фракция стала выступать за передачу управления финансовой и банковской системой федеральному правительству. Они упорно старались дискредитировать местные банки рассказами о «рисковых банкирах», которые печатают деньги, а потом становятся банкротами, или о

бесовестных банкирах, чьи сундуки с золотыми монетами оказываются заполненными, главным образом, гвоздями или свинцовыми болванками. Такие байки готовили почву для появления банков, наделенных федеральными полномочиями, а, значит, для усиления федерального контроля над бумажными банкнотами, выпускавшимися банками.

Компьютерная технология позволила исследователям провести подробный эмпирический анализ банковских отчетов XIX века. Они обнаружили, что, несмотря на анекдоты о мошенничестве банков в пограничных районах, большинство независимых банков управляло потоком бумажных денег вполне ответственно. Окончательное лишение местных банков полномочий контролировать деньги произошло не из-за их финансовых неудач, а в результате выступлений ряда политических движений за централизацию власти в Вашингтоне. Сторонники усиления федеральной власти воспользовались удобным случаем во время Гражданской войны, чтобы выступить против банков.

Эпоха свободной банковской системы, или рискованная банковская система, как ее называют клеветники, завершилась в Соединенных Штатах, когда конгресс издал Акт об учреждении государственного банка в 1863 году и тем самым обложил налогом банкноты, выпускавшиеся банками штатов, начиная с 1864 года. Этот акт способствовал созданию настоящей государственной валютной системы под контролем федерального правительства и банков, наделенных федеральными правами. Но в следующие несколько лет федеральное правительство скомпрометировало эту монополию, выпустив «зеленые спины» (бумажные доллары) в переизбытке.

Во время правления президента Авраама Линкольна и государственного казначея Салмона Портленда Чейза федеральному правительству были нужны деньги для выплат армии, но ему не хватало средств. Как многие правительства до и после этого, Соединенные Штаты обратились к печатным станкам как к решению проблемы и выпустили бумажные деньги, не обеспеченные ни золотом, ни серебром. В соответствии с первым Актом о законном платежном средстве, подписанным президентом Лин-

кольном 25 февраля 1862 года, правительство напечатало банкноты на 150 миллионов долларов в деноминациях пять долларов и больше. Это привело к образованию многоярусной валютной системы, при которой Соединенные Штаты требовали, чтобы налоги на импорт оплачивались серебряными или золотыми монетами, и соглашались выплачивать проценты по всем обязательствам правительства монетами, но платили солдатам и кредиторам второсортными «зелеными», которые поступали из казначейства Соединенных Штатов и не были обеспечены ничем, кроме обещаний.

Хотя банкноты и выпускались как валюта, их можно было бы более точно определить как правительственные закладные низкой деноминации и беспроцентные. Правительство дало обещание оплатить стоимость банкнот когда-нибудь после войны. Следовательно, они были займами, которые банки и граждане были принуждены предоставить федеральному правительству для финансирования Гражданской войны. Правительство могло проиграть войну, однако, вне зависимости от возможного поражения или победы, в будущем оно могло принять решение не оплачивать банкноты по их полной стоимости или вовсе не платить за них. Стоимость «зеленых» отражала уверенность народа в том, что Союз в конце концов победит в войне и что правительство быстро компенсирует его банкноты золотом.

Второй законодательный Акт о тендере последовал 11 июля 1862 года, уполномочивая напечатать дополнительно 150 миллионов долларов. Он также впервые разрешал правительству выпускать мелкие банкноты в виде однодолларовых купюр и даже использовать почтовые марки в качестве разменных монет, когда нельзя было найти настоящие монеты. Третий законодательный Акт о тендере от 3 марта 1863 года разрешал напечатать еще 150 миллионов долларов «зелеными». Поскольку правительство выпустило больше банкнот, их стоимость снижалась до июня 1864 года, когда одна сотня «зеленых» имела стоимость лишь 35,09 золотых долларов, немногим больше трети от их номинальной стоимости. Но к тому времени стало ясно, что Соединенные Штаты победят в войне, и постепенно росла надежда на то, что банкноты

могут быть компенсированы чем-то близким к их номинальной стоимости. Этот день не наступал еще пятнадцать лет — 2 января 1879 года граждане наконец-то смогли обменять свои «зеленые» на золотые монеты эквивалентной стоимости. К тому времени, однако, Соединенные Штаты уже оправились от войны и нарастили золотые резервы до 114 миллионов долларов. Поскольку за валютой стояло правительство, лишь немногие испытывали потребность в обмене банкнот на золотые монеты.

Между тем во время судебного разбирательства дела Хепберн против Гризволда Верховный суд Соединенных Штатов объявил в 1870 году выпуск федеральным правительством «зеленых» незаконным и неконституционным. Суд постановил, что федеральное правительство не может никого принуждать принимать бумажные зеленые купюры для расчетов по долгам, сделанным в предвоенный период в валюте, обеспеченной золотом. Судьей, стоявшим за этим решением, был Салмон П.Чейз, которого Линкольн назначил главным судьей в 1864 году. Объявляя зеленые деньги неконституционными, Чейз принимал постановление против самого себя, потому что на своей прежней должности главного казначея он был первым, кто выпустил их. В следующем году новый суд отменил это постановление.

В то время как федеральное правительство сталкивалось с серьезными монетарными проблемами при финансировании войны, Конфедерация штатов Америки сталкивалась с куда более суровыми трудностями. Этимологически название «дикси» пошло от десятидолларовых банкнот, впервые выпущенных в тридцатые годы Банком Луизианы в Новом Орлеане и напечатанных на английском и французском языках. Поскольку *сик* в переводе с французского означает «десять», десятидолларовые купюры стали называть «дикси». В песенке, написанной Дэнном Эмметом в 1860 году была такая фраза: «Хотелось бы мне жить в стране Дикси». Так, Конфедерацию стали называть Дикси. Обоснована ли эта этимология или нет, она очень подходила к прозвищу южан, произошедшему от названия бумажных денег, потому что эти деньги сыграли весьма важную роль в короткой истории Конфедерации штатов Америки и ее полном крушении.

Если Соединенные Штаты выпустили всего 450 миллионов бумажных долларов во время Гражданской войны, сумма денег, выпущенных Конфедерацией, превышала эти объемы более чем вдвое и составила около 1 миллиарда долларов. До марта 1861 года цены росли со скоростью примерно 10% в месяц, а к концу войны они увеличились в девяносто раз. Товары, которые стоили 100 долларов в американской валюте в 1860 году, подорожали до 146 долларов к 1865 году. За тот же период на Юге цены повысились со 100 до 9211 долларов в конфедеративных долларах. Поразительно, что поспешно сформированное правительство конфедератов, располагая вначале реально приблизительно 37 миллионами долларов, могло так воевать и так долго держаться. Как писал Джон Кеннет Гелбрайт, «чудо Конфедерации, как и чудо Рима, — не в том, что она пала, а в том, что так долго жила».

В отличие от зеленых купюр, которые федеральное правительство компенсировало через пятнадцать лет после войны, никто не мог компенсировать миллионы долларов, выпущенных правительством Конфедерации. Многие семьи на Юге хранили свои обесцененные деньги в течение десятилетий после войны, но так и не получили никаких выплат. Поскольку монетарная система Конфедерации была разрушена, так же как были разрушены ее инфраструктура и капитал, Юг, который был богатейшим районом Северной Америки до войны, после нее оставался беднейшей частью государства в течение более чем столетнего периода.

Федеральное правительство вышло победителем из Гражданской войны не просто потому, что нанесло поражение Югу, но также потому, что ему в конечном счете удалось установить контроль над всеми штатами и над государственными деньгами. Оно отменило право штатов регулировать выпуск банкнот через банки штатов, подчинило себе многие банки, выпускавшие собственные деньги для всей страны, и нанесло военное, политическое и экономическое поражение Югу. После окончания Гражданской войны федеральный доллар стал безраздельно господствовать в Соединенных Штатах, и с этих пор федеральное правительство и банки, учреждавшиеся на федеральном уровне, контролировали деньги нации.

Начали раздаваться голоса с требованием, чтобы правительства выпускали больше бумажных денег и в неограниченном количестве — серебряных монет. В 1874 году была сформирована при мощной поддержке бедных фермеров Запада Партия зеленых денег, но ей не повезло во время национальных выборов и в течение десятилетия она была распущена. Народная партия США, известная больше как Популистская партия, подхватила некоторые из требований сторонников зеленых денег, в том числе их призыв к правительству выпустить по пятьдесят долларов на душу населения в федеральной валюте для каждого гражданина. Хотя эта партия мобилизовала большое число приверженцев южных и западных фермеров, ей также не удалось выиграть национальные выборы и она была распущена после выборов 1892 года.

ЗОЛОТОЙ КРЕСТ И ЧАРОДЕЙ ИЗ СТРАНЫ ОЗ

Популизм стал чрезвычайно привлекательным в южных штатах, которые, как представляется, были самыми бедными и где недовольство было самым сильным. Люди чувствовали себя загнанными в ловушку между банкирами республиканского Севера и только что получившими свободу рабами, с которыми они были вынуждены конкурировать на открытых рынках рабочей силы. Популистские политики понимали, что они мало что могут сделать для установления контроля за банкирами и за богатой элитой, но во вновь освобожденных рабах они нашли козлов отпущения за все свои проблемы и недовольство. Стремление популистов получить больший доступ к денежным запасам, особенно в штатах бывшей Конфедерации, дополнялось их выступлениями за радикально новую систему расовой сегрегации.

Хотя популисты проиграли все национальные выборы, им удалось установить контроль над всеми южными и некоторыми западными штатами. К 90-м годам XIX века популистам на юге удалось отстранить всех афро-американцев и людей смешанных браков, так же как и всех республиканцев, от политических должностей, жестко ограничив число представителей не белого населения с правом

голоса. Захватив Юг, популисты провели сегрегацию в школах, в жилых районах, в общественных помещениях и на всех видах общественного транспорта. Они ввели запрет на смешанные в расовом отношении браки, лишили детей от смешанных браков наследства белых родителей и причислили к неграм всех, в ком была хотя бы одна шестнадцатая часть африканской крови. Законодательные институты сегрегации, которые они создали, просуществовали более полувека, с 1890-х годов до принятия федерального Закона о гражданских правах в 1964 году, много лет спустя после того, как большинство людей забыло о том, как именно возникла эта система.

Хотя программы популистов влияли на жизнь афроамериканцев, они оказали сравнительно небольшое влияние на банкиров или монетарную систему страны, которая стала даже еще больше ориентироваться на золото. Большую часть времени, оставшегося до конца XIX века различные политические группы боролись между собой по вопросу о том, должны ли Соединенные Штаты иметь только золотой стандарт или и золотой, и серебряный стандарты. Фермеры обычно жили в долг, закладывая в банках свои фермы, а иногда оборудование и даже семена для посева. Они занимали деньги в золоте и должны были отдавать долг также в золоте, но цены на золото росли на протяжении века, в то время как цены на их товары падали. В период сбора урожая они получали меньше денег за свою продукцию, тем не менее они должны были выплачивать банкам долг золотом, которое все дорожало. Они хотели, чтобы больше денег было пущено в обращение, и видели один из способов сделать это в чеканке серебряных монет. Популистские фермеры запада и юга хотели, чтобы были и золотая, и серебряная валюты. Они были убеждены, что если бы больше валюты находилось в обращении, они меньше зависели бы от милости банкиров и городских политиков.

Сенатор-популист Уильям Дженнингс Брайан от фермерского штата Небраска, вечный кандидат в президенты от демократов в период стабильного правления республиканцев, неустанно ратовал за введение двойного стандарта — как серебряного, так и золотого. Именно против банкиров, финансистов, республиканцев и прочих золотых жуков была направлена его знаменитая речь на съез-

де Демократической партии 1896 года, когда он дал согласие баллотироваться после его выдвижения на пост президента: «Вы говорите нам, что крупные города выступают за золотой стандарт; мы отвечаем, что крупные города стоят на просторных плодородных равнинах. Сожгите свои города и оставьте наши фермы, и ваши города снова возникнут, словно по волшебству; но уничтожьте наши фермы, и города зарастут травой». Он заключил свою речь известными строками, принадлежащими политическому оратору XIX века: «Вы не должны силой возлагать на чело труда этот терновый венец. Вы не должны распинать человечество на золотом кресте». Несмотря на бурную овацию, устроенную ему его собратьями-демократами, он потерпел сокрушительное поражение в борьбе с кандидатом от Республиканской партии Уильямом Мак-Кинли в 1896-м, а затем и в 1900 году.

Хотя Уильям Дженнингс Брайан продолжал баллотироваться на выборах, он так и не победил на них. Только после избрания на выборах впервые после Гражданской войны президента от Демократической партии Вудро Вильсона Брайан занял высокую должность, став в 1913 году государственным секретарем. Впрочем, уже в 1915 году он подал в отставку, когда стало ясно, что Вильсон ведет Соединенные Штаты к участию в войне в Европе, а стойкий изоляционист Брайан выступал против этого так же неистово, как и против золотого стандарта.

Наиболее памятным литературным произведением, появившимся в Соединенных Штатах в результате дебатов по вопросу о золоте и серебре, была книга под названием • Удивительный чародей из страны Оз», опубликованная в 1900 году журналистом Л. Фрэнком Баумом, который совершенно не доверял власти городских финансистов и поддерживал идею двойного стандарта, основанного как на золоте, так и на серебре. Воспользовавшись большими правами литератора, он обобщил и высмеял дебаты о деньгах и историю эпохи в очаровательном рассказе о наивной, но доброй девушке с фермы в Канзасе по имени Дороти, которая была олицетворением среднестатистического сельского жителя Америки. Похоже, что прототипом этой героини Для Баума послужил популистский оратор Лесли Келси по прозвищу Канзасский торнадо.

После того как сильный циклон уносит Дороти и ее собаку из Канзаса и забрасывает их на Восток, Дороти отправляется в путь по золотой дороге в сказочную страну, которую Баум называет Оз, где действуют злые ведьмы и колдуны-банкиры. По дороге она встречает Пугало, олицетворяющего американского фермера, Оловянного Дровосека, олицетворяющего американского промышленного рабочего, и трусливого Льва, олицетворяющего Уильяма Дженнингса Брайана. Поход этой компании в страну Оз воссоздает историю похода в 1894 году Армии Кокси, группы безработных во главе с «генералом» Джекобом С. Кокси, выступившей с требованием выпустить еще 500 млн. «зеленых» и дать больше рабочих мест простым людям.

Маркус Ханна, представлявший собой силу, которая стояла за Республиканской партией и администрацией Мак-Кинли, был колдуном, контролировавшим механизмы финансирования Изумрудного города. Он был Чародеем Золотой Унции, сокращенно, конечно же, Волшебник Оз, а Жующие были простодушными жителями Востока, не понимающими, на какие рычаги нажимают и за какие веревочки дергают колдун и его коллеги-финансисты, управляющие деньгами, экономикой и правительством.

От жителей Изумрудного города, управляемого Чародеем, требовали, чтобы они носили позолоченные очки в золотой оправе. За пределами города Злая ведьма с Запада поработила желтокожих Винки (моргающих) — намек на империалистические цели Республиканской администрации, которая захватила у Испании Филиппины и отказалась предоставить им независимость.

В конце концов все добрые американские граждане разоблачают мошенничество чародея и его ведьм и все заканчивается хорошо в биметаллическом монетарном мире из серебра и золота. По ходу дела фермер Пугало узнает, что он очень умен, лев обретает храбрость, а рабочий Оловянный Дровосек получает новый источник силы в инструменте, сделанном из двух металлов, — в золотом топоре с серебряным лезвием, который не заржавеет до тех пор, пока есть серебряная банка масла, отделанная золотом и драгоценными камнями. В книге волшебные серебряные тапочки Дороти возвращают ее обратно в Канзас, но в фильме, где играет актриса Джуди Гарленд в детском

возрасте, волшебные тапочки — цвета красного рубина, более выразительного на экране по сравнению с серебряным. В то время, однако, мало кто понял, что эта книга, которую они восприняли как сказку для детей, имеет отношение к монетарной политике США начала XX века. В том же году, когда Баум опубликовал свою сказку-аллегию, конгресс принял Закон о золотом стандарте 1900 года, еще более привязав Соединенные Штаты к валюте, основанной на единственном товаре — золоте.

Популисты продолжали оказывать давление на Соединенные Штаты с целью проведения политики двойного стандарта — золотого и серебряного, но в конечном счете они проиграли эту борьбу. Обнаружение огромных новых залежей золота в Южной Африке, на Аляске и в Колорадо примерно вдвое увеличили мировые запасы, сократив тем самым нехватку валюты. Популисты получили свои обещанные деньги и без перехода к серебряному стандарту, а между 1897 и 1914 годами цены выросли почти на 50% в Соединенных Штатах и примерно на 26% в Англии. Соединенные Штаты и большая часть остального мира остались с золотым стандартом, и тем не менее денег стало больше для всех.

12. Золотая игра политики

Деньги — это источник жизненной силы нации.

Джонатан Свифт

В холмистом северном Кентукки, на строго охраняемой военной базе, правительство США хранит свои самые большие запасы золота. Хранилище слитков в Форте Нокс содержит примерно 4600 тонн чистого золота с рыночной ценой около 58 млрд. долларов. Эти запасы вместе с 1781 тонной в Вест Пойнте, 1368 тоннами в Денвере и чуть меньше 1000 тонн в других частях Федеральных резервов, составляют в целом около 8000 тонн золота с рыночной стоимостью приблизительно 104 млрд. долларов.

В отличие от монетных дворов, которые чеканят монеты, и Управления гравирования, которое печатает бумажные деньги, хранители золотых запасов в Форте Нокс не принимают посетителей. Туристов не пускают даже на территорию военной базы, не говоря уже об охраняемом складе, управляемом Казначейством и расположенном в центре базы. Из-за такого обеспечения безопасности само название Форт Нокс стало синонимом богатства и надежности.

Поскольку золото не гниет, не ржавеет и не портится, золотые слитки, хранящиеся в Форте Нокс сегодня, могли быть найдены во время раскопок сотни или даже тысячи лет тому назад. Из них можно было сделать множество предметов, и на протяжении веков их можно было не раз переплавить. Некоторые из них, возможно, ведут свою историю из далекого прошлого — от золотых рудников Нубии в Африке и Лидии в Малой Азии. Почти наверняка часть из них представляет собой добычу, награбленную у ацтеков Мексики Эрнаном Кортесом и у инков Перу — Франсиско Писарро. Частично это золото, возможно, некогда было византийскими монетами или частью го-

ловного урожая, который носили в древней империи Гана. Часть была намыта в Юконе в XIX веке ирландскими и шотландскими золотоискателями, а часть — поднята из глубины рудников Южной Африки племенами зулу и коса. Вся история золота на земле теперь хранится в этих помещениях.

Золото хранится в брусках весом 1000 унций каждый. Бруски не требуют никакой упаковки, поскольку они не рассыпаются и не портятся. Если не считать небольшого количества золота, изымаемого для продажи с целью изготовления памятных монет в честь таких событий, как Олимпийские игры, золото лежит и ждет. Многие правительства хранят часть своих слитков в крупнейшем золотохранилище мира, в тихом подвале под землей на юге острова Манхэттен, на восемьдесят футов ниже уровня улиц, в Федеральном резервном банке. Оно сложено в плитки, каждая из которых весит около 400 монетных унций и имеет рыночную цену примерно 160 000 долларов. Золото распределено по нескольким разным помещениям, и в самом большом из них есть стена, сложенная из 107 000 золотых кирпичей, высотой в десять футов, шириной в десять футов и глубиной в восемнадцать футов. Положенные на хранение многими правительствами 10 000 тонн золотых плиток имеют стоимость, превышающую 125 миллиардов. В подвалах хранится около четверти всего разведанного в мире золота.

Многие из нас рассматривают эти золотые запасы, с психологической точки зрения, как подтверждение какой-то надежности долларов, которые мы носим в своих карманах и кошельках. Считается, что золото в Форте Нокс и Федеральных резервах представляет американскую монетарную систему. Наше правительство даже не пытается опровергнуть это убеждение, но на самом деле это лишь один из многих мифов, связанных с деньгами, который сегодня поддерживают рациональные и хорошо информированные люди. По правде говоря, золото в Форте Нокс и Федеральных резервах реально не имеет ничего общего с американским долларом. С тех пор как президент Ричард Никсон разорвал последнюю связь между долларом и золотом, за американским долларом не стоит ни одна унция золота нигде на свете. Эти груды золота так же, как пра-

вительственные склады, заполненные соевыми бобами, никелем и старой мебелью, являются частью богатства американского правительства, но не частью монетарной системы. Доллар опирается на золото в Форте Нокс не более, чем на правительственные запасы сыра, хранящегося в рефрижераторах на складах.

Наш доллар не является ни серебряным, ни золотым. Правительство компенсирует долларовый счет не чем иным, как еще одним долларовым счетом. Доллар — это просто бумажка, не обеспеченная золотом, опирающаяся на полномочия правительства, которые узаконивают его хождение и признание. Доллар опирается на полномочия правительства и на доверие к нему народа. Он опирается на веру в то, что на доллар можно будет купить что-то завтра, что правительство США будет по-прежнему существовать и принимать доллары в уплату налогов и для оплаты расходов, что и другие люди будут по-прежнему доверять ему. Доллар не опирается ни на что другое, кроме этого доверия.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЗОЛОТА

В соответствии с законодательным актом, учреждавшим американскую валютную систему в 1792 году, любой человек мог принести золото или серебро на монетный двор, где «должно было взять пробу принесенного таким образом слитка, а из него должно было отчеканить монеты как можно быстрее после принятия одного, и все это бесплатно для человека или нескольких человек, которыми он и был принесен». Чтобы поощрить людей к тому, чтобы они несли свои слитки для переплавки их в монеты, правительство США даже не взимало налог за свои услуги. Эти бесплатные услуги имели целью стимулировать рудокопов и прочих людей, чтобы они превращали свои драгоценные металлы в монеты как можно быстрее и легче, увеличивая таким образом количество денег в обращении в новой стране.

Проблема валюты, основанной на золоте, состоит в том, что она ограничена количеством золота в мире, а это количество колеблется в зависимости от новых находок и

от каждого нового технологического новшества. Временами обнаруженное новое золото неожиданно переполняет рынок. В другие времена оно течет на рынок тоненькой струйкой, очень медленно, хотя экономика может отчаянно нуждаться в денежном вливании. Иногда правительства, банки и даже отдельные богатые личности могут временно манипулировать рынком золота в своих интересах, но чаще всего он функционирует вне контроля этих личностей и даже целых государств. Монетарная система, основанная на золоте или других драгоценных металлах, черпает свою силу в стабильности и в сопротивлении злоупотреблениям. Необходимость превращения денег в золото по требованию не позволяет правительствам делать слишком много займов или выпускать слишком много денег для решения конъюнктурной политической проблемы. До тех пор, пока граждане имеют право превращать свои бумажные деньги в золото, они имеют право голоса в вопросе о том, как работает монетарная система и насколько они могут доверять своим политикам. Как только они утрачивают доверие к бумаге, они могут превратить ее в золото и выбросить бумагу.

Соединенные Штаты извлекли деньги из слитков и прочих товаров с помощью двух главных мер: первая была принята президентом Франклином Рузвельтом в 1933 году, вторая — президентом Ричардом Никсоном в 1971 году. Рузвельт отреагировал на крах фондовой биржи в 1929 году, который повлек за собой наплыв в банки требований о возвращении вкладов, потому что вкладчики стремились обменять свои бумажные деньги на золото, как им это и было гарантировано правительством. Одна из первых акций Рузвельта на посту президента было направлена на то, чтобы отменить в Соединенных Штатах золотой стандарт, стимулировать развитие экономики и повысить способность правительства делать займы для финансирования своей экономической и социальной политики.

Законодательным актом от 9 марта 1933 года «по созданию условий для выхода из чрезвычайного положения, сложившегося в банковской системе государства, и для других целей» конгресс предоставил Рузвельту полномочия для предотвращения «накопительства» золота. В соответствии с указом Рузвельта и во исполнение закона, спустя месяц

граждане и жители США уже больше не могли компенсировать свои доллары золотом, хотя для внешнего мира Соединенные Штаты продолжали оставаться страной, опирающейся на золотой стандарт, поэтому другие страны и иностранные банки по-прежнему могли конвертировать свои доллары в золото по мере необходимости.

Рузвельт также национализировал золото и объявил преступлением с наказанием в виде ареста и тюремного заключения утаивание американским гражданином золотых слитков или монет. У банков, финансовых институтов и частных лиц было три недели, в течение которых они должны были сдать властям все золотые монеты, слитки и даже золотые сертификаты. Каждый человек мог иметь сто долларов в золотых монетах или сертификатах и личные драгоценности, если только они не были изготовлены из монет. Рузвельт сделал исключение лишь для специфических промышленных предприятий и для сферы искусства. Кроме того, коллекционеры монет могли хранить у себя редкие золотые монеты, но закон ограничивал их, разрешив иметь лишь два вида каждого выпуска.

Беженцы, спасавшиеся в свободной Америке от поднимающейся волны беспорядков и тирании в Европе, обнаружили по прибытии в Соединенные Штаты, что должны сдать все золото, которое привезли с собой. Американские туристы, возвращаясь из-за рубежа, больше не могли ввозить золотые монеты или драгоценные изделия, содержавшие золото. Если они не декларировали и не сдавали такие изделия добровольно, таможенные чиновники конфисковали их. Золотые бруски, цепочки, слитки и сертификаты были включены в список запрещенных и таких контрабандных товаров, как наркотики, коммунистическая литература и порнография, которые не разрешалось ввозить в Соединенные Штаты.

Те, кто добровольно сдавал свое золото в Казначейство в течение девяти месяцев с момента издания указа Рузвельта, получали компенсацию в 20,67 доллара за унцию в бумажных банкнотах. Через год после конфискации золота, принадлежавшего частным владельцам, 31 января 1934 года федеральное правительство провело девальвацию бумажных денег, изменив курс с 20,67 до 35 долларов

за каждую унцию золота. Таким образом, те кто подчинился закону и обменял золото на бумагу, потеряли 41% от стоимости золота. Изменение официальной цены на золото увеличило номинальную стоимость правительственных золотых запасов и тем самым позволило выпустить дополнительно 3 миллиарда долларов в бумажной валюте.

Казначейство переплавляло золотые монеты и другие предметы в золотые бруски. В осуществление беспрецедентных полномочий, которыми было наделено федеральное правительство в период правления администрации Рузвельта, оно конфисковало у своих граждан с 1933 по 1954 год около 5 миллионов унций золота в слитках, официально оцененных примерно в 1,6 миллиарда долларов. Хотя Казначейство и вело тщательный учет веса и чистоты золотых монет, которые переплавлялись ее чиновниками, они не записывали ни дат, ни дизайна монет, поэтому теперь трудно установить, сколько золотых монет из раннего наследия Америки сохранилось.

В 1934 году, через год после национализации золота, президент Рузвельт издал еще один закон о национализации серебра по такому же принципу. Разрешалось иметь драгоценности и серебро в определенном количестве для применения его в промышленности или искусстве, но остатки нужно было сдать правительству. Многие из монет США того времени все еще содержали серебро, и Рузвельт не мог отобрать их, не нанеся тем самым большого ущерба коммерции, но правительство позже начало постепенно изымать из обращения серебряные монеты и заменять их монетами из неблагородных металлов. Национализируя серебро, правительство сразу же конфисковало 111 000 000 миллионов унций серебра. Оно возместило владельцам их стоимость в размере примерно 50 центов за унцию. Прежде чем закон был отменен в 1963 году, правительство приобрело более 3 200 000 000 унций серебра.

Для того чтобы разместить где-то новые запасы драгоценных металлов, собранных у американского народа, Казначейство соорудило массивный склад в Форте Нокс стоимостью в 560 000 долларов. Здание из гранита внутри отделано бетоном на стальных рамах состоит из 16 000 кубических футов гранита, 4200 кубических ярдов бетона, 750 тонн арматуры и 670 тонн строительной ста-

ли. У облицованного мрамором входа золотыми буквами выгравирована надпись «Хранилище Соединенных Штатов» с золотой печатью Казначейства. Сложное сооружение и его широко рекламируемая прочность в равной мере являются символом стабильности валюты США и действительно охраняют находящееся в нем золото. Работы по сооружению хранилища были завершены в декабре 1936 года, и с января по июнь следующего года монетный двор занимался перевозкой туда золота. Американцам не разрешалось иметь золотые монеты до 31 декабря 1974 года, когда президент Джералд Форд подписал соответствующий билль. К тому времени доллар не имел фиксированной стоимости в золоте.

После успешного вторжения союзных войск в Нормандию победа над немцами была не за горами, и в центре внимания оказались приготовления к послевоенному периоду. Была достигнута договоренность, что победоносные союзные державы сделают все возможное для того, чтобы избежать ошибок, допущенных в конце Первой мировой войны, которые привели к репарациям, инфляции и в конечном счете к глобальной депрессии, проложившим дорогу к еще одному мировому конфликту, даже еще более страшному, чем первый.

В июле 1944 года, месяц спустя после дня Б (6 июня 1944 г. — *Ред.*), Соединенные Штаты созвали конференцию союзников по экономике, чтобы решить, какой экономический и монетарный порядок должен быть установлен в мире. Эта конференция, представленная семьями делегатами из сорока четырех государств, состоялась в курортном отеле в Нью-Гэмпшире близ горной вершины со зловещим названием Гора Обмана. В соответствии с соглашением, подписанным 22 июля 1946 года, большинство мировых валют поддерживалось на уровне специфических оценок, соотносящихся с долларом США, а Соединенные Штаты, в свою очередь, установили стоимость доллара в тридцать пять долларов за унцию золота. Делегаты также заложили основу для учреждения Всемирного банка и Международного валютного фонда и подготовились к началу переговоров по сокращению пошлин, которые будут вестись все последующие пятьдесят лет. Вместо того,

чтобы назвать свое соглашение в честь горы, у подножия которой оно и было подписано, они предпочли назвать его Бреттон Вудз, — по почтовому адресу отеля, в котором они остановились.

С 1 февраля 1934 года до начала 60-х годов правительства Соединенных Штатов и других государств сотрудничали, чтобы поддержать стоимость доллара на уровне тридцати пяти долларов за унцию золота, но к 60-м годам увеличение долларовых запасов и сопутствующая ему инфляция затруднила сохранение этого уровня для центральных банков мира.

ГЛУПОСТЬ НИКСОНА

Отягощенные внутренними экономическими проблемами, когда война во Вьетнаме вызвала страшное напряжение в экономике, США переживали суровую инфляцию. Президенту Никсону, как и президенту Джонсону, было трудно выбить из конгресса достаточное количество денег на войну во Вьетнаме. Конгресс не повышал налоги для оплаты войны. Столкнувшись с непопулярной войной, финансировать которую у американского народа не было никакого желания, Никсон и Джонсон финансировали ее тем способом, каким это делали все правители многие века — путем займов. Они заняли миллиарды долларов, и по мере их расходования, за счет резкого увеличения денежных резервов развивалась инфляция. Соединенные Штаты уже больше не могли компенсировать свои деньги на мировом рынке золотом.

Чтобы получить еще больше денег, необходимых для войны, Никсон придумал смелую новую экономическую политику, которую он разработал вместе с секретарем Казначейства Джоном Конноли, бывшим губернатором Техаса. Единственно, чем прославился Конноли на своей государственной должности, было то, что он по воле случая оказался сидящим рядом с президентом Джоном Ф. Кеннеди в Далласе в тот роковой день 1963 года, когда на того было совершено покушение, и он был ранен. У Конноли была репутация жесткого политика, некоего слабого подобию более известного техасского политика

Линдона Джонсона, но он определенно не проявлял никаких талантов в сфере экономики или финансов. Это стало ясно позже, когда он обанкротился и был вынужден провести публичный аукцион для распродажи своего имущества в доме в Техасе. По плану Никсона—Конноли президент обратился с просьбой ко всем бизнесменам заморозить цены, заработную плату и ренты, чтобы одолеть инфляцию, и установил десятипроцентную добавочную стоимость на большую часть импорта, чтобы содействовать выравниванию торгового баланса. Чтобы обеспечить выполнение мер по замораживанию, он попросил граждан сообщать федеральному правительству обо всех, кто поднимал цены или ренты. Почти незамеченным среди всех этих драматических и беспрецедентных политических мер в экономике в мирное время осталось закрытие Ричардом Никсоном «золотого окна». Это означало, что доллар отныне поддерживался не на уровне специфической стоимости какого-либо товара, а лишь в соотношении со всеми другими валютами. Тяжело раненный доллар США стал еще одной потерей во времена вьетнамской войны.

Из всех советников Никсона лишь Пол Мак-Кракен резко выступил против замораживания цен. Немногие комментаторы обратили внимание на то, что напоминало странный монетарный пережиток викторианской эпохи, которому не было места в мире атомных бомб и компьютеров. Золотой стандарт казался неуместным в современный век, где доллар правил как самая могущественная валюта в мире и где большинство других валют были основаны на его стабильном, как казалось, курсе. Никсону и Конноли удалось убедить американскую общественность в том, что, закрыв золотое окно, они делают сильный ход против иностранных спекулянтов. Этот ход, однако, завершил эру стабильности и наибольшего экономического расцвета и производительности в истории американского доллара. Доллар так больше и не восстановил свою историческую силу, так же как он с тех пор больше не пользовался таким доверием, какое испытывал мир к нему до этой меры Никсона.

В марте 1972 года чиновники правительства США девальвировали доллар до 38 долларов за унцию золота. В

следующем году они были вынуждены снова девальвировать его до 42,22 доллара. Правительство Швейцарии объявило, что, начиная с 24 января 1973 года, оно больше не будет поддерживать доллар золотом, и ее примеру быстро последовали другие государства. Даже при том, что в золоте нет ничего такого, что делало бы его ценным, простой опыт показывает, что на протяжении всей истории люди высоко ценили золото. Золото, серебро и в меньшей степени платина и другие драгоценные металлы и камни неизменно обеспечивали финансовое прибежище для людей всего мира во времена экономической нестабильности и политической опасности.

Несмотря на действия Никсона, многие американцы до сих пор убеждены, что их деньги обеспечены золотом в Форте Нокс. Они не понимают, что золото не имеет никакого отношения к их деньгам, что фактически за американским долларом не стоит ни золото, ни серебро. В период между декретами Франклина Рузвельта в 1933 году и действиями Ричарда Никсона в 1971 Соединенные Штаты отошли от доллара, основанного на драгоценных металлах, и перешли к доллару, основанному лишь на правительственных указах. Современный американский доллар — это не более, чем просто бумажка, не обеспеченная золотом, опирающаяся на указ правительства и доверие людей к этому указу. Доллары, за которыми стояли золотые банкноты и серебряные сертификаты, давно уступили место банкноте Федерального резерва. Фраза «Подлежит оплате по требованию предъявителя» была заменена на «В Бога мы веруем».

Разорвав связь между золотом и долларом, Никсон позволил цене на золото расти без ограничений, а цене доллара свободно колебаться относительно английского фунта, немецкой марки, японской иены, швейцарского франка и всех других мировых валют. И она действительно колебалась. Поначалу эти колебания были вполне умеренными, но, поскольку цена доллара все снижалась, колебания происходили все более резко, и не успевала она набрать прежнюю высоту, как снова устремлялась вниз. Прежде чем все поняли, как это произошло, доллар оказался на крутом спуске, но японская иена и немецкая марка, казалось, были на пике подъема.

Унция золота, стоившая в 1971 году 35 долларов, поднялась в цене примерно до 400 долларов к 1995 году. Марка, которая стоила 24 доллара, подорожала до 75 долларов, а иена, которую продавали в соотношении четыре к одному пенни, теперь стоила больше одного пенни. Пока доллар метался то вверх, то вниз, валюты более бедных стран, таких как Перу и Боливия, некогда привязанные к доллару, отошли от него. Другие же, такие как мексиканский песо, «потеряли свои колеса», и даже канадский доллар ослабел и пошатнулся. Без дисциплинирующего золота стоимость денег в XX веке постоянно снижалась. Как задавался вопросом Чосер в прологе к «Кентерберийским рассказам»: «если ржавеет даже золото, что тогда остается железу?»

1 октября 1995 года Берлингтонская Тихоокеанская корпорация рассчиталась со своими держателями облигаций за серию, выпущенную в 1895 году железнодорожной компанией «Атчисон, Топека и Санта Фе». На протяжении многих лет по облигациям с переборами выплачивались 4%, которые держатели облигаций, как предполагалось, должны были получать ежегодно. Потомки первоначальных покупателей облигаций получили в 1995 году доллары, стоимость которых составила меньше 0,07 доллара 1895 года. Это означало, что покупательная способность 1000 долларов в 1995 году была меньше на 70 долларов, по сравнению с 1895 годом. Снижение стоимости доллара относительно золота еще более абсолютно. Железнодорожные облигации были выпущены с гарантией, что они будут оплачены золотыми долларами. В 1895 году никто не мог предвидеть, что Франклин Рузвельт объявит все золотые платежи недействительными и что Верховный суд США утвердит эти действия. Если бы те же люди, которые купили в 1895 году облигацию на 1000 долларов, вместо этого купили бы золото по текущей цене 20,67 доллара за унцию, они получили бы немногим меньше трех фунтов золота (48,37 унций). Если бы они передали своим потомкам золото, а не облигацию, то в 1995 году при цене примерно 380 долларов за унцию золотой брусок принес бы им 18 384,13 доллара. С золота не выплачивались бы проценты в промежуточные годы, но цифры показывают, насколько доллар подешевел относительно золо-

Г

та. В 1995 году стоимость золотого бруска более чем в 18 раз превышала бы номинальную стоимость облигации, при том, что в 1895 году у них была одинаковая цена.

На протяжении XX века контроль правительств над деньгами чрезвычайно усилился практически во всех частях света. Это усиление позволяло властям печатать больше денег, делать займы и предпринимать все, что угодно, когда им нужно было увеличить расходы или урегулировать экономические проблемы. По мере увеличения расходов правительств их власть над экономикой усиливалась тысячами разных способов. Уже более не сдерживаемые необходимостью иметь особый золотой запас на каждую выпускаемую денежную единицу, правительства просто выпускали больше денег для финансирования своих новых предприятий.

Политики всегда могут найти причины для самовольного вмешательства в денежные дела: они часто начинают борьбу с каким-нибудь большим злом на горизонте или для того, чтобы предотвратить страшную катастрофу, нависшую над будущим детей. Когда Франклин Рузвельт отменил золотой стандарт внутри Соединенных Штатов, у него была веская причина для этого — покончить с депрессией, а затем воевать во Вторую мировую войну. Затем Соединенные Штаты должны были восстанавливать Европу и бороться с коммунизмом, что вело к еще большим долгам. Линдон Джонсон подталкивал политиков накопить еще больше долгов для того, чтобы воевать во Вьетнаме и одновременно вести борьбу против бедности внутри страны. Вместо того, чтобы коренным образом изменить политику Джонсона, когда стало очевидно, что Соединенные Штаты проигрывают обе войны, Ричард Никсон полностью отменил золотой стандарт для доллара. С обретением финансовой свободы, полученной вместе с новыми легко доступными деньгами, политики как правого, так и левого толка смогли финансировать любые свои малые проекты — строить новые скоростные шоссе и штамповать продукты питания, исследовать космическое пространство и выделять больше субсидий на развитие сельского хозяйства, предоставлять внешнюю помощь и развивать городское строительство, производить оружие для звездных войн и делать пожертвования на искусство, прово-

дить исследования в области онкологии и бороться с наркоторговлей. У страны было достаточно денег для финансирования жестоких дружественных диктаторских режимов и для вторжения в малые страны или оплаты там партизанских войн против недружественных диктаторов. Казалось, каждый мог иметь все. Политики, лоббисты и особые интересы включались в магическую формулу генерирования богатства из воздуха.

Символично, что усиление государственного контроля за деньгами можно проследить по изменениям дизайна монет и банкнот. В ранней истории все монеты США несли образ индейца, какого-то божества, животного или аллегорической фигуры, символизирующей свободу, волю или какой-то другой абстрактный идеал. Начиная с 1909 года, однако, правительство отказалось от изображения головы индейца на пенни в пользу изображения Линкольна. Впоследствии каждая монета по очереди была изменена и на ней появились изображения того или иного американского политического деятеля. Первые портреты принадлежали отцам-основателям, но постепенно начали появляться изображения более современных политиков. Статуя свободы на 25-центовой монете превратилась в Джорджа Вашингтона. Серебряный доллар с изображением коронованной Свободы превратился в доллар Эйзенхауэра, пятицентовая монета с изображением американского бизона превратилась в монету Томаса Джефферсона, а десятицентовая монета с изображением крылатого Меркурия, известная также как «десять центов свободы», обрела портрет президента Франклина Рузвельта. Пятидесятицентовая монета с изображением Сидящей Свободы превратилась в пятидесятицентовую монету Бенджамина Франклина, а затем в полдоллара Джона Кеннеди. Бумажные банкноты, на которых были изображены сцены из американской истории, аллегорические образы, похожие на те, что изображались на монетах, также были заменены портретами политиков. Самая крупная банкнота, когда-либо выпускавшаяся в Соединенных Штатах, была золотым сертификатом в 100 000 долларов с портретом президента Вудро Вильсона.

С этими изменениями Соединенные Штаты полностью перешли от денег, обеспеченных и компенсированных золо-

том, к денежной системе, опиравшейся лишь на политику, проводившуюся политическими деятелями, бюрократами и правительственными организациями. Деньги перестали быть самостоятельной ценностью; они теперь полностью зависели от доверия народа к своей политической системе и ее лидерам. Федерализация денег в Соединенных Штатах началась в 1863 году после того, как был принят Законодательный акт о национальной банковской системе, и завершена в 1971 году, когда президент Никсон отменил золотой стандарт. На первом этапе с 1863 по 1913 год федеральное правительство наделило банки правом выпускать бумажные деньги, обеспеченные федеральными золотыми запасами. Федеральная власть усилилась еще больше в 1913 году, когда была учреждена Федеральная резервная банковская система, которая постепенно брала на себя выпуск бумажных банкнот, которые все еще были обеспечены золотом и серебром. Благодаря усилиям Франклина Рузвельта и Ричарда Никсона, федеральное правительство сохранило монополию на выпуск денег, но последние уже больше не были обеспечены золотом. В течение одного века Соединенные Штаты заменили свою систему, при которой федеральное правительство выпускало золотые и серебряные монеты, а частные банки выпускали бумажные деньги, опиравшиеся на те же монеты, системой, при которой федеральное правительство контролировало все выпускавшиеся деньги, обеспеченные только его авторитетом.

XX век стал эрой повсеместного правительственного регулирования валютных систем. В соответствии с модными теориями того времени оказалось, что хорошие, мудрые люди, принимающие решения в правительстве или в правительственных институтах, защищенных от общественного мнения, могут осуществлять рациональный и методичный контроль за деньгами. Они могут применять в качестве беспристрастного термостата специфические методы, прекрасно настраивать экономику, устанавливая процентные ставки, например, или контролируя количество иностранной валюты, которое банки могли покупать и продавать.

Политический энтузиазм XX века также выступал в поддержку руководства правительства всем — от ликви-

дации бедности и расизма до лечения рака и перхоти, от управления транспортными системами до регулирования сексуальной жизни и контроля за рождаемостью. Разные правительства вели идеологическую войну против потенциальных противников — против коммунизма, капитализма, фашизма, нацизма или разных форм фундаментализма — и строили ракеты с целью освоения Луны и космических исследований. К концу века стало очевидно, что правительства некоторых государств взяли на себя слишком большую ответственность, с которой они не могли должным образом справиться. Коммунистические правительства, которые присвоили себе самую большую роль, просто потерпели крах и стали неспособны выполнять даже самые базовые функции. Более богатые демократии Запада просто споткнулись. Они не потерпели крах, но народу стало ясно, что правительство, которому трудно доставлять вовремя почту, так же трудно управлять и валютной системой, и присматривать за экономикой. Правительство, которое не способно взять под контроль торговлю кокаином и героином, может столкнуться с трудностями и в вопросе о страховании валютной системы. Правительство, которое не может сделать безопасными улицы для своих граждан И даже школьные участки для детей и учителей, может иметь проблемы и с обеспечением безопасности валютных запасов нации, и в борьбе с коррупцией.

Этап III

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЬГИ

Мы изобрели деньги и пользуемся ими, и все же мы не можем... понять закон, которому они подчиняются, или установить над ними контроль. Они живут своей жизнью.

Лайонел Трилинг

13. Дикае деньги и скрытый налог

Зарабатываются деньги долго, а теряются быстро.

Сайкаку Ихара

По улице шли двое мужчин, с трудом неся огромную картонную коробку с деньгами. Неловко маневрируя, они протащили коробку через двери бюро путешествий. Коробка была небольшой, но из-за веса большого количества банкнот в ней тяжелой. Зайдя внутрь, мужчины поставили коробку на стол перед сотрудницей, которая подзвала своего помощника и велела ему принести кофе для двух клиентов. Затем под наблюдением двух мужчин и сотрудницы другой помощник начал выкладывать деньги из коробки на стол. Банкноты были очень аккуратно уложены в коробке, и чиновник так же аккуратно вынимал их из коробки и раскладывал на мраморном столе. Большая часть денег представляла собой банкноты в 10 000 песо. Они были сложены в пачки по десять штук в каждой, таким образом в каждой пачке было всего 100 000 песо, и каждая из них имела размеры и толщину пачки сигарет. Эти пачки в свою очередь были перевязаны резиновой лентой в бруски размером с кирпич, но в несколько раз тяжелее, в которых было по 1 миллиону песо. Коробка содержала восемь таких пачек в миллион песо плюс еще несколько пачек. Чтобы пересчитать все содержимое коробки, потребовалось бы несколько часов. Вместо этого контролер просто пересчитал пачки банкнот, чтобы убедиться в том, что каждый кирпич содержит нужное число пачек. Если бы там не хватало нескольких сотен тысяч песо, никто бы не заметил этого.

Несмотря на определенные издержки при подсчете, контролеру потребовалось более получаса времени, чтобы удостовериться, что содержимое коробки составляло 85 мил-

лионов песо — стоимость билета на самолет. Как только деньги были подсчитаны, контролер погрузил их на багажник мотороллера и повез через весь город к учреждениям Ллойд Аэро Боливиано, боливийских авиалиний, чтобы оплатить билет, прежде чем цена на него снова поднимется ко времени ланча. Чтобы сэкономить время при подсчете денег, некоторые контролеры научились измерять пачки банкнот. Опыт научил их, что пачка определенной высоты должна содержать определенное число банкнот. Если все банкноты были одного и того же цвета, а, значит, одной и той же стоимости, можно было быстро подсчитать сумму на основании размера пачки. Менее образованные, а часто и неграмотные, но тем не менее проницательные торговки, которые работали на городских рынках в Андах, часто прибегали к взвешиванию банкнот, чтобы определить их стоимость. На пике инфляции в Боливии в 1985 году Биржа кофе, сахара и какао в Нью-Йорке запустила рекламную кампанию, отправив по почте боливийскую банкноту в один миллион песо каждому из двух тысяч биржевых товарных брокеров в Соединенных Штатах. Сопроводительное письмо разъясняло, что менее трех лет тому назад банкнота имела стоимость 5000 долларов, но из-за инфляции ее стоимость упала до 55 долларов, одной тысячной ее первоначальной стоимости. Рекламодатели надеялись, что это поможет выжать из американцев наличные и превратить их в товары. Еще более оскорбительным для бедственного положения в Боливии было то, что биржа спонсировала конкурс, в котором в качестве приза предлагалась оплачиваемая недельная поездка в Ла-Пас, в Боливию.

На рынке, где банкноты в миллион песо со временем начинают стоить лишь несколько центов и где чашка кофе может стоить 12 миллионов песо, банкноты в сотни тысяч имеют стоимость лишь одной сотой или одной тысячной пенни США, и, значит, совершенно обесценены. Как только такие банкноты теряют свою цену, они становятся практически почти бесполезны. Они слишком маленькие, в них слишком много чернил, чтобы использовать их в качестве бумаги для рисования или как упаковочную бумагу. Чернила делают банкноты непригодными в качестве бумаги, из которой скручивают сигареты, и они слишком жесткие для применения их в целях личной гигиены. Люди

выбрасывают старые банкноты, ветер гонит их по улице и сбивает в грязные кучи в сточных канавах у дорог, на берегах реки или в кустах на свободных участках земли. Даже жестяные банки и пластиковые бутылки из-под напитков имеют больше пользы и сохраняются лучше, чем недавно обесцененные деньги.

КОКАИНОВЫЕ НАЛИЧНЫЕ

Во время гиперинфляции, как это было в Боливии в 1984 и 1985 годах, экономика функционирует только на основе наличных денег. Никто не принимает чеки или кредитные карточки, потому что расчеты через расчетную палату занимают слишком много времени. Следовательно, никто не держит деньги на депозитных счетах в банке. Банки не делают займов из-за трудностей в определении процентных ставок. Кредит в местной валюте прекращает свое существование. Даже услуги, такие, как телефон и электричество, которые обеспечиваются на ежемесячной основе и оплачиваются в конце месяца, требуют оплаты вперед, если только это не правительственные услуги; в этом случае клиенты как можно дольше тянут время для оплаты счетов, потому что за неделю счет на пятьдесят долларов может уменьшиться до всего лишь нескольких пенни.

Гиперинфляция, где бы она ни случилась, всегда происходит по одному и тому же образцу. Банки прекращают финансировать закладные. Потенциальные покупатели домов и даже коммерсанты платят за свои строения по мере достижения успехов. Сознательная семья покупает кирпичи или мешки с цементом, как только они получают деньги, пусть даже они строят дом медленно, в течение многих лет или даже десятилетий. Из-за этой практики инвестирования в строительные материалы в городах и сельской местности оказывается полно недостроенных домов, со стенами без крыш, без окон и голых кирпичных, неоштукатуренных строений, каждое из которых портит окрестности своим неряшливым видом.

Во время гиперинфляции фиксированные доходы больше не существуют. Пенсионеры или отставники обнару-

| в

живают, что их пенсии уменьшились до нескольких долларов в месяц. Даже если правительственные организации компенсируют потери, обычно они отстают от темпов инфляции в экономике на несколько недель, при том, что даже за одну неделю стоимость денег может уменьшиться на 99%.

На пике инфляции в Боливии работодатели платили рабочим банкнотами, сложенными в уже известные нам пачки в форме кирпичей. В день зарплаты университетский профессор в Сукре, например, рассчитывал получить пачку банкнот длиной в полметра или девятнадцать дюймов, секретарь же мог получить половину от этой пачки. Как только работник получал наличные, он или она сразу же бежали обращать деньги в такие товары, как еда, одежда или электронные товары — все, что могло сохранить свою стоимость и что можно было использовать в семье или перепродать. Даже семьи, живущие без электричества, охотно покупали такие престижные изделия, как, например, проигрыватель для компакт-дисков, поскольку он сохранял свою продажную стоимость в течение длительного времени уже после того, как пачка наличных потеряет свою стоимость. Даже попользовавшись им в течение нескольких месяцев или года, его можно было перепродать во много раз дороже, по сравнению с его первоначальной стоимостью. Крестьяне, которые приезжали на городские рынки Боливии, чтобы продать свой урожай, не могли увезти домой деньги, так как до следующей поездки на рынок те теряли свою стоимость. Следовательно, им приходилось тратить деньги в городе сразу же после их получения и увозить с собой товары. Таким образом, в то время, как город функционировал лишь на основе расчетов наличностью, деревни практически не имели наличных денег. Их жители вернулись к более традиционным системам бартера и обмена.

Больше всего покупали доллары США любой деноминации, потому что они сохраняли свою стоимость гораздо дольше, чем быстро обесценивающаяся национальная валюта Боливии. Доллары поставлялись в избытке, особенно в сотенных банкнотах, благодаря в основном главному предмету боливийского экспорта — пасте коки для производства кокаина.

В Боливии было гораздо больше сотенных американских банкнот, чем десяти-, пяти- или однодолларовых. Избыток сотенных купюр означал, что более мелкие купюры, необходимые для размена, можно было найти лишь по цене выше номинальной стоимости. Рынок создал странную ситуацию, когда пачка однодолларовых купюр стоила больше, чем сотенная купюра. Покупатели охотно обменивали сотенную банкноту за девятью семь однодолларовых банкнот.

Соединенные Штаты в это время боролись с собственной инфляцией, при которой доллар ежегодно терял примерно 3,6% своей стоимости. Доллар был той валютой, которой боливийцы оценивали все остальные. Цена боливийского песо относительно доллара США менялась дважды в день, один раз утром и еще раз — во второй половине дня. Исходя из расчетов за год, темпы инфляции в Боливии достигли 24 000 процентов, и за время гиперинфляции стоимость денег упала в целом на 40 000 процентов. Впрочем, эти цифры имели небольшое отношение к повседневной жизни. Больше тяготило то, что песо терял в цене со скоростью 1—2 процента в час. В таких условиях возникла особая инфляционная культура, с помощью которой люди справлялись с такими странными обстоятельствами.

В связи с тем, что пластик находил все большее применение, Боливия уже более не могла полагаться на свой традиционный экспорт олова, и правительство сделало займы, значительно превышающие ее возможности по выплате долгов. В перевернутом вверх дном мире боливийской экономики в 80-е годы основным предметом экспорта стал кокаин, а наличные деньги стали основным предметом импорта страны. Поскольку правительству не хватало мощностей для печатания собственных денег, Боливия ввозила собственную валюту тысячами тонн из Германии, Бразилии и Аргентины. Поддоны с новыми песо отправляли самолетом в Ла-Пас, в административную и финансовую столицу Боливии, как можно скорее, потому что народ и власти не могли ждать, пока они прибудут наземным транспортом. Точно так же нелегальные рынки ввозили миллионы долларов США по воздуху для обслуживания «неформальной экономики». Самолеты наркоба-

ронов приземлялись на частных посадочных полосах в районе Бени, откуда американские банкноты быстро поступали в обращение по всей стране. Подрывая стоимость песо, управляющие национальными деньгами создали брешь, которую быстро заполнили торговцы наркотиками. Наркодельцы поставляли американские доллары, в то время как боливийские власти могли поставлять лишь почти обесцененные песо; торговцы контролировали снабжение долларами и тем самым удерживали экономику нации в опасных тисках.

Избыток долларов в Боливии создал альтернативную валюту и еще больше ослабил песо. Если песо служил только для внутреннего употребления, доллар представлял собой международную валюту и был, следовательно, гораздо более популярен, чем песо, еще больше уменьшая таким образом его стоимость и еще больше усиливая инфляцию.

Во времена безудержной инфляции спекуляция валютой становится главным бизнесом практически всего взрослого населения. Сотни людей выстраиваются на улицах для обмена песо на доллары на нелегальном, но дозволенном, черном рынке. Торговцы валютой разгуливают по улицам, а их посыльные бегают взад-вперед, меняя доллары на песо и песо на доллары. Так как оптовые сделки должны заключаться в национальной валюте, покупатели прибывают с долларами, которые продают за песо на улице, прежде чем войти в магазин. Поскольку владелец магазина не желает оставаться с большим количеством песо в конце дня, после ухода покупателя он отправляет только что поступившие песо к торговцу валютой, чтобы обменять их обратно на доллары. Часто одни и те же торговцы продают одни и те же банкноты по несколько раз в день, каждый раз с небольшой доплатой. Эти небольшие доплаты и большой оборот делают работу торговца валютой гораздо более прибыльной, нежели работа бизнесменов, обменивающих товары.

Любой предприниматель, начиная с крупной национальной авиакомпании и кончая торговкой очищенными орехами на углу, должен быть в курсе стоимости песо относительно доллара в любое время дня и должен играть постоянно в игру по перетасовке песо, долларов и товаров. Каждый знает, что в любой момент дня, недели или

года ставки могут неожиданно измениться, и тот, кто имеет слишком много одной валюты и недостаточно другой, проигрывает.

Гиперинфляция не может продолжаться долго, потому что она разрушает рынок капиталов и делает наличность чересчур громоздкой. Чтобы справляться с изменениями стоимости валюты и большими пачками банкнот, люди в уме отнимают нули. В повседневных сделках на рынке миллион песо становится просто одним песо, а десять миллионов — десятью. Это вполне удобно при покупке продовольственных товаров и при других мелких покупках, но, покупая такие дорогостоящие изделия, как холодильники и автомобили, люди просто полностью отбрасывают песо и обсуждают цены в долларах, вне зависимости от того, будет ли оплата производиться в долларах или в песо. Развитие производства и торговли постепенно замедляется, так как люди ежедневно все больше времени тратят на поиски способов спасения от инфляции.

Поскольку возрастает давление на правительство, чтобы оно взяло инфляцию под контроль, а положение в национальной экономике продолжает ухудшаться, правительство вынуждено в конце концов выпустить новую валюту, устранив нули и вернув валюту к соотношению один и десять к доллару. Хотя гиперинфляция разоряет некоторые слои населения, другие, например, должники, выигрывают от нее. Во время инфляции займы, которые когда-то составляли тысячи долларов, теперь уменьшаются до каких-нибудь нескольких центов.

Хотя не все соседние страны участвовали в необычной кокаиновой экономике Боливии, они реально столкнулись с экономическими и социальными проблемами, которые привели к похожим всплескам жестокой инфляции. Поскольку гиперинфляция прогрессировала в Перу, Бразилии и Аргентине, экономика этих стран также долларизировалась, то есть внешне они сохранили экономику, основанную на песо, но на самом деле она стала долларовой. Займы, контракты и прочие финансовые сделки, как официальные, так и неофициальные, все больше заключались, скорее, в долларах, чем в национальной валюте.

В 1990 году, когда Альберто Фухимори стал президентом Перу, страна имела темпы инфляции 7000 процентов.

Соль, национальная перуанская валюта, составлял лишь 15 процентов от всей задействованной валюты; оставшиеся 85 процентов составляли американские доллары. Однако по мере того, как инфляция отступала, соль использовался все больше, а доллар — меньше.

4 200 000 000 000 МАРОК ЗА ДОЛЛАР

Хотя инфляция существовала и в прошлом, особенно в том столетии, которое последовало за введением золота и серебра, привезенного конкистадорами из Америк, XX век оказался веком ее расцвета, а гиперинфляция представляется сегодня уникальным явлением. Пока валюта сохраняет какую-то основу в виде металла, как, например, золото, серебро или даже медь, гиперинфляция не может произойти, потому что количество денег в обращении полностью зависит от числа монет, которые можно произвести. Инфляция развивается только тогда, когда запасы серебра или золота увеличиваются, увеличивая тем самым и количество монет в обращении; но в конечном счете главный контроль за количеством денег был контролем за количеством доступного золота и серебра.

В отличие от ничего не стоящих банкнот даже маленькая медная монета обладает присущей ей стоимостью в качестве металла. В случае чего ее можно расплавить и использовать в каких-то других целях. С приходом эпохи бумажных денег правительства оказались в совершенно новом экономическом мире. До тех пор, пока они имели доступ к бумаге, чернилам и печатным станкам, они могли печатать столько денег, сколько им захочется. Они так и делали.

У правительств есть три способа финансирования своих расходов: через налогообложение, займы и денежную эмиссию в большом количестве. Если правительству не хватает кредитов и чего-то, заслуживающего налогообложения, возникает соблазнительная альтернатива отказаться от введения налогов и долгов и напечатать в одностороннем порядке больше денег. Увеличение денежных запасов снижает стоимость денег, находящихся в обращении; а падение их стоимости вынуждает правительство печатать

еще больше денег, чтобы покрыть его расходы. За несколькими исключениями, такими, как современная Япония, Швейцария и Германия, большинство правительств в мире допускают небольшое снижение стоимости своих валют, печатая немного больше денег, чем следовало бы. В таких чрезвычайных обстоятельствах, как война или некое особо напряженное положение в экономике, как, например, в Боливии в кокаиновую эпоху, это небольшое превышение перерастает в неконтролируемый поток, и страна попадает в западню головокружительной инфляции, развивающейся резко по спирали вверх. Первой страной XX века, столкнувшейся с крахом валютной системы, была Россия вскоре после революции, приведшей к власти коммунистов. Коммунисты умышленно саботировали собственную валюту, печатая столько денег, сколько им вздумается. Вскоре это стало означать, что 10 000 новых рублей имели покупательную способность одного царского рубля. Некоторые из пришедших к власти коммунистов считали, что, допуская безудержную инфляцию, они разрушат валютную систему и тем самым смогут построить общество без денег. Когда граждане стали выражать резкое возмущение по поводу обесцененных рублей, правительство стало планировать замену денег системой пайков, используя талоны, чтобы обеспечить людей едой, жильем, одеждой и другими вещами, нужными каждому человеку. Всего за несколько лет, однако, стало очевидно каждому, что даже новому Советскому Союзу нужны деньги для его функционирования, и в 1921 году правительство приступило к осуществлению ряда мер по созданию новой валютной системы.

Проиграв Первую мировую войну, Германия и распавшаяся Австро-Венгерская империя, столкнулись, в свою очередь, с водоворотом гиперинфляции. Сначала ослабленная австрийская валюта — крона, начала падать в цене. Она упала с довоенного уровня 4,9 относительно доллара до 70 000, пока в 1922 году правительство Австрии не взяло ее под контроль. Инфляция в Австрии, впрочем, оказалась лишь прелюдией к кризисам, разразившимся в немецкой и венгерской валютных системах.

В конце войны победоносные правительства Франции и Англии оказали жесткое давление на Германию, заста-

вив ее взять всю вину за развязывание войны на себя, чтобы выжать из нее как можно больше денег в виде репараций. По условиям Версальского договора, который сенат США отказался ратифицировать, но который был подписан всеми европейскими правительствами, Германия согласилась оплатить практически весь счет за войну, который был предъявлен ей не ранее апреля 1921 года. Несмотря на возражения американцев, союзники выставили Германии счет на 132 миллиарда золотых марок, что вдвое превышало весь национальный доход Германии и равнялось 33 миллиардам долларов. Для удовлетворения этих требований у правительства Германии должно было остаться — после оплаты основных услуг собственному народу — еще 33 миллиарда долларов. В связи с другими ограничениями, установленными Договором, Германия не могла продавать свои товары по рыночным ценам, чтобы покрыть расходы по репарациям, и, поскольку правительство стало печатать больше необеспеченных денег, стоимость бумажной марки пополнила вниз в 1922 году. Когда Германия не смогла в дальнейшем вносить военные платежи, французская армия вошла на ее территорию и захватила индустриальный район Рур, где находились крупные рудники и самые важные железные дороги Германии.

В течение трех месяцев после предъявления полного счета цены в Германии выросли и к концу года они в тридцать пять раз превысили довоенный уровень. К концу 1922 года они превышали довоенный уровень уже в 1475 раз, а вскоре перевалили за один триллион от первоначального уровня. Менее чем за два года — с 1922 по 1923 год — цена немецкой почтовой марки увеличилась с 20 пфеннигов до 500 миллиардов марок. Заимодавцы повысили процентные ставки до 35 процентов в день. В конце войны цена доллара США была равна примерно 4 маркам, но к июлю 1922 года его цена повысилась до 493 марок. К новому 1923 году цена марки упала до 17 792 за доллар. К 15 ноября 1923 года на пике инфляции требовалось 4,2 триллиона (4 200 000 000 000) марок, чтобы купить один доллар. Американский пенни стоил 40 миллиардов (40 000 000 000) немецких марок. Изделие, которое можно было купить за одну марку в конце войны, стоило 726 миллиардов марок к 1923 году. Правитель-

ство Веймарской республики печатало деньги с такой быстротой, что ему не хватало времени, чтобы напечатать их с обеих сторон. Задержки в их доставке иногда означали, что денежные банкноты уже почти обесценились, прежде чем попали в банк, так что казначейство просто штамповало больше нулей на них и выпускало их по более высокой деноминации. Рабочие получали зарплату ежедневно, но если что-то мешало им прийти в магазин до закрытия в тот же день, то позже пачки бумажных купюр уже годились лишь для растопки печки, потому что к тому времени, когда магазины открывались на следующее утро, деньги уже были обесценены. Инфляция вышла из-под контроля правительства, банков, торговых фирм, не говоря уже о простых людях, которые были ее самыми главными жертвами. Чтобы помочь немецким коммерческим фирмам остаться на плаву, правительство сделало займы на сумму 497 миллиардов марок. Немецкие газеты сообщали об «ударах нуля» или «ударах ничтожества» (*сiрпег* означает по-английски и «нуль», и «ничтожество»). — *Пер.*), вызванных трудностями подсчета таких огромных цифр; нули стали символом разрушения рынков капиталов и всех других бед, связанных с инфляцией. В связи с тем, что марка упала слишком низко относительно других мировых валют в этот период, Германия стала центром заключения коммерческих сделок для любого, кто имел доллары, фунты или другую твердую валюту. Немецкое правительство было вынуждено издать закон, запрещающий иностранцам покупать и вывозить из Германии национальные произведения искусства.

Инфляция нанесла страшный урон. Уровень рождаемости в стране упал, в то время как уровень смертности, особенно детской вырос, достигнув 21 процента, увеличилось число самоубийств среди взрослого населения. Г. Дж. Уэллс назвал инфляцию в Германии «массовыми экономическими убийствами», особенно применительно к среднему классу, к профессионалам и всем, кто жил на фиксированный доход. Некоторые из наиболее циничных обозревателей заявляли, что немецкие чиновники организовали инфляцию как способ вызвать сочувствие общественности и заставить уменьшить сумму репараций, наложенных на их страну.

Инфляция закончилась 20 ноября 1923 года, когда марка достигла цифры 4,2 триллиона по отношению к доллару, и правительство отменило все нули и создало новую геплептагк (пенсионную марку). Новая марка опиралась на стоимость земли, и ее соотношение с долларом было 4,2 к одному — обменный курс имперской марки перед Первой мировой войной — или один триллион марок к одной рентенмарке. Не выдержав тяжелых испытаний, министр финансов Рудольф Хавенштайн умер в тот же день, передав новому министру власть вместе с новой маркой. В 1924 году, следуя рекомендациям международной комиссии во главе с Чарльзом Дж. Доусом, созданной с целью рассмотрения вопроса о военных репарациях Германии, Соединенные Штаты предоставили Германии заем на сумму 200 миллионов долларов, чтобы Германия смогла вернуться к золотому стандарту.

Экономическое крушение Германии и огромное финансовое и психологическое бремя, которое легло на средний класс и рабочий класс, вероятно, в большей мере, чем какой-либо другой фактор, проложили дорогу тому политическому экстремизму, который и привел впоследствии к власти Адольфа Гитлера.

После распада Австро-Венгерской империи по окончании Первой мировой войны каждое вновь образованное государство создало собственную валюту, но каждое из них переживало те же проблемы, что и Германия. Инфляция поразила все страны, потерпевшие поражение, поскольку валютные системы Австрии, Венгрии, Чехословакии, Польши, Болгарии и Греции рухнули одна за другой. Это крушение, за которым последовала депрессия во всем мире в 30-е годы, также укрепило экстремистские политические движения как на левом, так и на правом флангах, приведя к приходу диктаторов в каждой стране. При наличии региональных экономических проблем и ситуаций разразившаяся гиперинфляция, казалось, была подобна чуме, которая опустошает одну страну и затем устремляется в другую. Франция, Бельгия, Италия и Испания пережили падение стоимости своих денег до почти примерно одной пятой от их довоенной покупательной способности. Давление на английский фунт вызвало трехкратное повышение цен, которое Британия сумела обуздать, лишь вер-

нувшись быстро к золотому стандарту в 1924—1925 годах. Вызванная этим депрессия вынудила Англию снова отойти от золотого стандарта, и она уже больше так и не вернулась к нему.

НОВАЯ ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ

80-е годы породили новый, еще более широко распространившийся и более разрушительный раунд гиперинфляции, но на сей раз она разразилась больше в Латинской Америке и Африке, чем в Европе. Обстоятельства в разных странах были разными, но обычно инфляция возникала вслед за продолжительным периодом финансового беспорядка и коррупции, политической нестабильности и чрезмерных займов у западных банков. Фатальное сочетание социальных и экономических проблем порождало взрывоопасный коктейль, который и разрушал национальную валюту. Одна за другой Боливия, Перу, Бразилия, Аргентина и Заир шли одним и тем же хорошо известным путем к инфляции, печатая все больше обесцененных банкнот. Когда инфляция достигала уровня от одного до десяти миллионов единиц за доллар, правительства выпускали новую валюту, повторяя этот цикл до тех пор, пока бюрократам из государственных казначейств уже не хватало наименований для валюты, и тогда они заимствовали их из других языков или просто дополняли их. В Перу это был то «соль», что означает по-испански «солнце», то «инти», что означает «солнце» на языке кечуа — коренного населения Перу. Боливия изменила название «песо» на «боливиано», а затем опять вернулась к песо. Аргентина создала «астрал», что означает приблизительно «южные деньги», но после того, как и они обесценились, страна вернулась к песо.

Но к 90-м годам латиноамериканским республикам удалось стабилизировать свои валюты, и уставшие граждане стали жить в относительном уюте простой двузначной инфляции. Однако гиперинфляция продолжала шествовать по земному шару, став бедствием на этот раз для республик бывшего Советского Союза, граждане которого почти семьдесят лет жили в условиях чрезвычайно ста-

бильной, хотя и не особенно ценившейся и не везде принимаемой валюты. Когда Советский Союз распался, а вместе с ним распалась и система распределения ресурсов и фиксированных цен, стоимость рубля упала. Союзные республики, выпустившие собственные деньги, но привязанные к рублю, обнаружили, что их валюта падает еще быстрее, чем российский рубль. Больше всех пострадала Украина, которая практически не имела опыта в качестве независимого государства с собственной валютой. В начале 90-х годов политики и бюрократы на Украине даже не могли подобрать подходящее название своей валюте. Так называемые купоны были просто плохо напечатанными банкнотами, которым не хватало даже глянца поддельных денег.

СКРЫТЫЙ НАЛОГ

Инфляция не обязательно должна перерасти в гиперинфляцию, чтобы привести к значительным серьезным последствиям. Инфляция может постепенно расползаться на низком уровне, как пневмония, которую переносят на ногах, поначалу не замечая ее, но которая, тем не менее, истощает пациента до тех пор, пока какой-нибудь другой микроб не наносит смертельный удар.

При стабильном развитии инфляции при всего лишь 5 процентах в год деньги теряют половину своей стоимости, и, следовательно, цены удваиваются только за четырнадцать лет. Таким образом, если инфляция составляет в год 5 процентов, дом, который в 1985 году стоил 100 000 долларов, будет продан к 1999 году за 200 000 долларов. При 10 процентах в год цена того же дома вырастет вдвое за семь лет. Таким образом, дом, который в 1985 году стоил 100 000 долларов, к 1999 году будет стоить 400 000 долларов.

В Соединенных Штатах инфляция редко превышала 10 процентов, за исключением периода войны. И эта страна никогда не переживала такого высокого уровня инфляции в течение длительного периода времени, по крайней мере не в течение десяти лет. Но хотя валюта Соединенных Штатов оказалась более стабильной, чем валюта лю-

бой из стран, испытавших гиперинфляцию, цена доллара почти постоянно снижалась в XX веке относительно золота, некоторых других валют и цен на дома, автомобили или стоимости любой потребительской корзины. Между 1971 годом, когда Соединенные Штаты отменили международный золотой стандарт, и 1995 годом цена доллара уменьшилась с тридцати пяти долларов за унцию золота до примерно четырехсот долларов. В 1995 году требовалось почти в двенадцать раз больше долларов, чтобы купить унцию золота, чем в 1971 году. В соотношении с немецкой маркой и японской иеной падение доллара было почти отвесным. На протяжении 50 и 60-х годов доллар стоил стабильно 4,24 немецкие марки, но к 1995 году цена доллара понизилась до 1,4 марки. Тогда немецкая марка стоила двадцать четыре цента, теперь она стоит семьдесят один цент.

Когда конгресс Законодательным актом о монетарной системе 1792 года приравнял доллар к золотой монете, стоимость доллара была установлена на отметке 19,75 доллара за тройскую унцию. За 180 лет стоимость доллара упала почти вдвое относительно золота, остановившись на 35 долларах за унцию к моменту, когда Никсон закрыл золотое окно. За период с того момента и до середины 90-х годов доллар упал до примерно 400 долларов за унцию золота. Другими словами, цена снизилась примерно наполовину до 1971 года, но в следующие двадцать лет она снизилась до менее одной десятой от цены 1971 года.

В Соединенных Штатах инфляция никогда не достигала такого уровня, как в Германии или Боливии, но и здесь отчасти была введена такая же инфляционная культура. Во время суровой инфляции 70-х годов американцы, принадлежавшие к среднему классу, делали целое состояние, обращаясь к излюбленному способу, позволяющему избегать наличных денег. Это означало, что они были готовы брать большие займы под высокие проценты, чтобы превратить имеющиеся у них деньги в дома, стоимость которых резко повышалась, в то время как стоимость доллара падала чуть ли не отвесно. В XX веке инфляция стала неизменной составляющей мирового ландшафта, что было более естественно, нежели то, что искусственно создавали правительства. Трудно поверить в это, но цены

действительно падали на протяжении большей части XIX и начала XX века. Если не считать войн и нескольких других неординарных моментов в истории, в остальное время в XIX веке товары, производившиеся машинами, были дешевле, а поскольку перевозка товаров была усовершенствована, цены снижались, потому что стоимость валюты была привязана к золоту и серебру. За двадцать пять лет после Гражданской войны в Соединенных Штатах оптовые цены снизились в среднем на 60%, а в некоторых областях, таких как текстильная промышленность, это снижение было еще более неправдоподобно большим. Большинство товаров в 1900 году стоили дешевле, чем те же товары в 1800 году. В 1897 году «на один доллар можно было купить риса на 43% больше, чем в 1872 году, больше бобовых на 35%, чая — на 49%, обжаренного кофе — на 51%, сахара — на 114%, баранины — на 62%, свежей свинины — на 25%, шпига и масла — на 60%, молока — на 42%».

Экономической темой эры индустриализации, с одной стороны, было падение цен по мере того, как все больше товаров становились доступными большему числу людей по более низким ценам. Экономической темой XX века, с другой стороны, стало падение курса валют. Некоторые валюты, такие как немецкая марка и японская иена, показывали хорошие результаты относительно друг друга в конце XX века, в то время как другие, такие как итальянская лира, мексиканский песо, русский рубль проявили себя очень плохо. Несмотря на колебания, век стал свидетелем падения стоимости всех мировых валют. Даже марка и иена в конце века стоили значительно меньше по сравнению с началом. Правительство за правительством кое-как латало систему и допускали последовательное снижение стоимости валюты в форме скрытого налогообложения, что приносило временную выгоду правителям за счет населения, чья жизнь зависела от денег.

В начале XX века обменные курсы были достаточно стабильны среди европейских валют, так что Американская частная транспортная контора печатала на проездных билетах стоимость доллара в двенадцати европейских валютах. В то время было трудно себе представить, что кто-

то отправляется в поездку в страну, не зная заранее точно обменного курса. В 1919 году, однако, когда после Первой мировой войны так и не произошло стабилизации, Американская контора бросила печатать сведения об обменном курсе, но начала вывешивать в своих офисах сведения об изменениях в курсе.

В демократическом обществе политики часто неохотно повышают налоги, чтобы не навлечь на себя гнев избирателей. Инфляция и девальвация валюты служат им гораздо лучше, потому что они содержат в себе скрытый налог. Правительство запускает больше денег в систему, и политики и бюрократы имеют больше денег, чтобы тратить их на любимые проекты. Выпуск новых денег, однако, несколько удешевляет все существующие деньги и, таким образом, съедает деньги государства и их коммерческую жизнеспособность. Как писал Уильям Гредер, эксперт в области истории Федеральных резервов, «повторяющийся опыт инфляционной спирали в значительной степени предполагает, что основной источник этих травм находится не в экономике, но в политике, в том выборе, который делает правительство или, точнее, в выборе, который правительство отказывается сделать».

Вначале могло показаться, что инфляционный налог можно в равной мере распространить на все население, поскольку все люди используют деньги, или даже что он мог повлиять на тех, у кого больше денег. Уровень инфляции — это просто цифровой индекс, но это и среднеарифметическое, основанное на совершенно разных жизненных обстоятельствах. Он смешивает в одну кучу и миллиардера, и нищего, и в этом заключено большое неравенство.

Если миллиардер теряет 10% своего состояния, потери составляют 100 миллионов долларов; для человека, зарабатывающего 50 000 долларов в год, потери составляют лишь 5000 долларов. Миллиардер не столь тяжело переживает инфляцию, однако не просто потому, что он настолько богат, но потому, что он не держит миллиард долларов в ящике туалетного столика или даже на чековом счету: деньги инвестируются и дадут большую отдачу во время инфляции. Счета миллиардера не будут отставать от инфляции, и при определенном умении он сможет

получить гораздо больше. Для тех же, кто живет на зарплату, и для пенсионеров, снижение покупательной способности происходит за счет изменений образа жизни семьи, а не за счет их инвестиций. И потеря 5000 долларов представляет собой существенное уменьшение покупательной способности, которая не восстанавливается путем увеличения инвестиционных доходов.

Инфляционный налог составляет самую регрессивную из всех форм налогообложения, потому что большее всего он затрагивает бедных. Инфляцию можно было бы даже назвать просто налогом на бедность. Бедные пользуются больше наличными деньгами, и более вероятно, что они живут на такие фиксированные источники доходов, как пенсии после отставки или выплаты правительства, которые слишком медленно увеличиваются и сильно отстают от уровня инфляции. Налог на продажу или налог на добавочную стоимость — еще одна форма регрессивного налогообложения, ибо облагает налогом лишь то, что человек на самом деле расходует. В противовес этому инфляция облагает налогами все деньги, которые имеют или получат в будущем средний класс и особенно беднейшие классы.

Инфляционный налог также наносит ущерб многим секторам теневого, или неофициального, рынка, и незаконных рынков. Правительство имеет серьезные проблемы с обложением пошлинами тех, кто сбывает на рынках наркотики, например, но посредством инфляции оно постоянно уменьшает стоимость наличных денег, которые образуют стержень их бизнеса. В отличие от законных торговцев, которые могут легко переводить свои наличные в другие виды инвестиций, торговцы наркотиками имеют большие трудности, защищая свои деньги через инвестиции или даже банковские счета под проценты. Стены, воздвигнутые вокруг финансовой структуры среднего класса, не пропускают наличные деньги торговцев наркотиками и постоянно оставляют их незащищенными перед опустошающей силой инфляции. Вместе с контрабандой наркотиков, расширением черного рынка и общим ухудшением положения мировых валют инфляция стала эмблемой XX века. По иронии судьбы рост инфляции последовал сразу же за расширением мирового рынка наркотиков.

Инфляция вызвала массовое бегство от наличных денег во второй половине XX века. В то время как наличные все больше утрачивали свое значение в бизнесе, особенно в международном бизнесе, они сохраняли свое значение в торговле наркотиками и в других видах незаконной предпринимательской деятельности. В последние десятилетия XX столетия американский доллар стал предпочтительной валютой для тех, кто работал на международном рынке наркотиков, начиная с торговцев опиумом в Бирме и кончая дистрибьютерами кокаина в Колумбии. По причине нелегальности своей продукции и ограниченного использования чеков, кредитных карт и обычных банковских услуг рынок наркотиков функционировал преимущественно на основе наличности американских долларов. Огромные суммы наличных денег, необходимых международному рынку, откачивали миллионы наличных долларов с законного рынка.

14. Гетто для наличных денег

*Бедность — это величайшее
из зол и тяжелейшее из пре-
ступлений.*

Бернард Шоу

Университетское авеню протянулось на семь миль с востока на запад, связывая университет Миннесоты в Миннеаполисе с государственным Капитолием в соседнем Сент-Поле. В десятилетия сразу же после Второй мировой войны авеню, вдоль которого выстроились банки, агентства по продаже автомобилей, рестораны и большие магазины, служило в качестве преуспевающего торгового и предпринимательского центра, способствующего процветанию предместий этих городов. В 70-е годы были построены параллельное шоссе и несколько кварталов к югу от Университетского авеню. Таким образом, оно было заменено более высокоскоростной магистралью, связавшей два города, что положило начало общего экономического упадка в этом районе. Средний класс среди афро-американской общины исчез, так как те, кто мог себе позволить переехать в новое предместье, переехал туда, а те, кто не мог позволить себе это, был насильно переселен в новые квартиры, построенные правительством взамен домов, снесенных при строительстве шоссе.

Университетское авеню эволюционировало, став коммерческим центром нового типа в условиях меняющейся экономической ситуации и новых трудностей. Семейные столовые превратились преимущественно в закусочные быстрого обслуживания (фаст-фуд), а рестораны стали пивнушками, где в углу играли в «дарт», где имелись комнаты для игры в «пул» и стояли большие телевизоры, настроенные на спортивные каналы. Агентства по продаже автомобилей уступили место лотереям, где разыгрывались поддержанные машины, авторемонтным мастерскими и магазинам по продаже кузовов. Банки последовали за своими клиентами в

новые предместья, и здания вдоль Университетского авеню, в которых они располагались, превратились в ломбарды и стали заниматься обналичиванием чеков. Новые виды бизнеса предлагали татуировки, комиксы и гадание по руке, появились разнообразные магазины, предлагавшие азиатскую еду. Кинотеатр «Фауст» перестал быть местом семейного отдыха и опустился до показа порнографии, пока его не снесли в 1995 году. Характерной чертой некоторых близлежащих таверн стали танцовщицы, исполнявшие экзотические танцы на стойках бара и на столах. Гастрономические лавки, магазины со скидкой, магазины, торгующие алкогольными напитками, продолжали процветать, но вся остальная торговая деятельность сводилась к сбыту испорченной или поношенной одежды или предлагала на продажу товары, чье производство было остановлено.

Множилось число магазинов, торгующих бакалейными товарами и предметами первой необходимости, ресторанов быстрого обслуживания, имеющих право делать скидку, но район был лишен более масштабных привилегий, оставшись с длинными рядами маленьких предприятий с вывесками, написанными от руки. Такие магазины предлагали уроки каратэ или тхе квон до, поддержанную бытовую технику, синтетические надгробные плиты и пластиковые цветы, автомобильные запчасти, залоговые закладные и товары повседневного спроса. Главные религиозные вероисповедания сошли на нет и были заменены маргинальными религиозными движениями и институтами, специально для этих целей созданными харизматическими духовными лидерами из округа.

Освободившееся пространство, где торговля пришла в упадок, было заполнено рядом проектов в области искусства, однако они были рассчитаны на людей за пределами района и не вносили большого вклада в развитие экономики округа. Правительства города и штата не раз объединяли свои усилия в целях развития района, воздвигая правительственные здания — библиотеку, полицейский участок, агентство по продаже мотоциклов и заведение по найму рабочей силы и переподготовке, но это лишь способствовало дальнейшему упадку. Каждое новое бетонированное здание без окон, со стенами, похожими на крепостные, лишь увеличивало число стерилизованных фаса-

дов, вид которых мог улучшить, казалось, даже графит. Строительство новых зданий лишь еще больше разрушало кварталы старых домов и магазинов, вследствие чего они все меньше походили на округ, но все больше — на незаконченный социальный эксперимент.

КУЛЬТУРА БЕДНОСТИ

В начале XX века французский писатель Анатоль Франс отмечал, что «наличными расплачиваются только бедные, и делают они это не в силу своей добродетельности, а потому, что им отказано в кредите». В 50-е годы антропологи, изучая жизнь бедных общин по всему миру, отмечали их большое доверие исключительно к наличным деньгам, на основе которых ими проводилось множество мелких денежных операций. Во всем мире большое доверие к наличным деньгам стало почти универсальной идентификационной характеристикой бедных людей. Исследуя жизнь бедных индейских иммигрантов из сельской местности под Мехико, Оскар Льюис обнаружил, что они редко делают оптовые покупки, вместо этого закупаая товары мелкими партиями. Индейцы покупают небольшое количество еды, например, мороженое, ананас или миску бобов и риса, чаще у местных продавцов, нежели в больших универсамах. Они покупают сигареты по одной у местного торговца, даже несмотря на то, что они стоят в два раза дороже, чем сигареты в пачке или в целой упаковке в магазине.

Точно так же люди из беднейших районов современных американских городов покупают гамбургеры или жареного цыпленка за наличные и платят только за одну еду. Даже в универсаме они покупают много легких закусок, уже расфасованных в небольших количествах, что, следовательно, обходится им дороже.

В «гетто для наличных» люди также используют платные телефоны, арендуют мебель и телевизоры, такси или наемные автомобили. Если они покупают газету, чтобы просмотреть объявления, они, скорее всего, заплатят за нее наличными в магазине, торгующем предметами первой необходимости, нежели будут платить за подписку кредитной карточкой или чеком, тратя тем самым больше, чем платит

подписчик. Они, скорее, заплатят наличными за покупку или аренду видеомэгнитофона и просмотр взятых напрокат видеофильмов, вместо того, чтобы провести кабельное телевидение. Магазины, торгующие спиртными напитками, продают алкоголь в бутылках объемом в одну пинту или даже полпинты в бедных кварталах в гораздо больших количествах, по сравнению с такими же магазинами в богатых предместьях, где люди покупают кварту, галлон или ящик и не платят наличными. Даже при покупке нелегальных наркотиков люди в гетто покупают их в меньших и более дорогих количествах, чем средний класс или богатые покупатели. Более бедные пользователи наркотиков покупают одну-единственную дозу марихуаны на один перекур или героина для одного шприца, в то время как обитатели более благополучных кварталов могут позволить себе покупать наркотики в больших объемах — мешками, граммами, унциями, фунтами или килограммами.

Покупая эти товары и услуги, будь они легальные или нелегальные, в небольших количествах, бедные платят соответственно существенно больше. Даже в азартных играх они, скорее, пользуются наличными при игре в покер, пульку или при покупке лотерейных билетов, чем представители среднего класса, которые играют в казино пластиковыми фишками или карточками, или пользуются специально организованными общими фондами и услугами букмекеров, которые принимают как чеки, так и наличные. Наличные деньги не только символизируют класс бедных, но они еще и являются частью действующей более дорогостоящей системы, чем система безналичных расчетов, принятая у среднего класса и у богатых.

К концу XX века во всем мире снизилось значение наличных денег во всех формах, включая монеты и банкноты. Еще до того, как деньги перестали опираться на золото, они постепенно теряли свое значение для финансовой элиты и, следовательно, для всего общества. В то же самое время, однако, наличные деньги находили соответственно все большее применение среди бедных. В современной двухклассовой системе бедные платят наличными, в то время как потребители из среднего класса используют пластик и чеки.

В условиях выделения экономики для бедных, осно-

ванной на наличных деньгах, из пластика-бумажно-электронной экономики для всего остального общества возникла потребность в создании промежуточных институтов, соединяющих обе экономики. Множество бедных людей не имеет банковских счетов или кредитных карточек, но на самом деле они получают чеки от своих работодателей или при уплате пособий по безработице, благотворительности, пенсий, подоходных налогов и у них не хватает средств для их обналичивания. Некоторые предприниматели, как, например, владельцы крупных магазинов, предоставляют такие услуги, но поскольку объем чеков, получаемых в бедных кварталах, увеличился, стал развиваться бизнес, связанный с обменом чеков на наличные. Любой, имеющий чек и правильно оформленное удостоверение, может пойти в агентство по обналичиванию чеков и за приличную плату обменять чек на наличные.

Некоторые из таких заведений, обменивающих чеки на наличные, стоят вдоль Университетского авеню, самое крупное из них расположилось на углу Лексингтон авеню, еще одной крупной артерии. Хотя магазин имеет большие стеклянные окна, выходящие на две главные улицы, и внешне похож на любое другое торговое предприятие, внутри он, скорее, напоминает крепость, в которой все сотрудники и наличные деньги прячутся в целях безопасности за пуленепробиваемыми окошками. Покупателям и клеркам неудобно общаться через металлические прорези, и они передают бумагу и деньги друг другу с помощью кривых подвижных металлических ящиков, что исключает какие-либо прямые контакты между покупателем и клерком.

Те же предприятия, которые превращают чеки в деньги, занимаются и переводом наличных в чеки для тех, кому нужно оплатить почтой автомобиль или страховой взнос, послать деньги родственнику или уплатить долг. Предприятия по превращению чеков в наличные также предоставляют ряд связанных с этим услуг, которые соединяют экономику бедных и рабочих, действующую на основе наличных расчетов, с более крупной бумажной экономикой среднего класса. Они выпускают денежные ордера и телеграфом отправляют деньги в другие места, а некоторые из них дают небольшие займы или авансы по чекам, которые еще не были получены. Они делают фотографии и удостоверения

для своих клиентов и продают билеты на автобус и метро. Они заверяют документы, делают их фотокопии и отправляют по факсу или организуют их пересылку заказной почтой или конфиденциально. Все эти услуги оказываются по непомерно высоким ценам по сравнению со стоимостью аналогичных услуг в банках, на почтах и в фотоателье.

Как бы признавая тот факт, что лицо бедности в Америке изменчиво, такие учреждения рекламируют свои услуги на разных языках — на испанском, вьетнамском, возможно, на языке французских креолов, а некоторым общинам они предлагают перевести деньги в другие страны и в различных валютах. Часто они предлагают свои услуги в течение двадцати четырех часов в сутки ежедневно. За более высокую плату такие магазины могут даже обналичить иностранные чеки или купить золотые или серебряные монеты, или небольшие слитки, возможно, привезенные с собой клиентами, бежавшими из родной страны, а, возможно, и украденные ими. Внешним видом многие из таких заведений напоминают банки. Они именуются как «Мой банк», «Не банк», «Банковский кассир» или даже «Банк Джона». Часто названия похожи на названия кассовых аппаратов в центральных банках — «Денежный экспресс», «Денежный обмен» или «Чековый обмен». Услуги по превращению чеков в наличные предлагаются также в некоторых ломбардах, традиционных банках для бедных. Там предлагается и дополнительная услуга по обмену товаров на наличные. Некоторые ростовщики специализируются на таких дорогих изделиях, как оружие, драгоценности или даже автомобили, а другие занимаются весьма разнообразным ассортиментом — от стереосистем для автомобилей и строительных инструментов до компьютеров и бриллиантов. Ломбарды и предприятия по обмену чеков на наличные, таким образом, служат посредниками между гетто наличных денег и остальным обществом.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Люди из гетто наличных денег с большей вероятностью, чем основное население Америки, выполняют услуги, связанные с подпольной оплатой наличными, даже в

том случае, когда они работают вне гетто, в легальном бизнесе или в качестве слуг в богатых домах. Их работа по большей части носит временный, случайный характер. Мужчины слоняются небольшими группами по тротуару перед агентством по найму или перед правительственным центром переподготовки в надежде, что кто-нибудь подъедет к обочине и возьмет одного или двоих из них на временную работу по погрузке, расчистке участка, разгребанию снега, выкапыванию резервуара или чего-нибудь еще, что даст им возможность заработка наличными за день.

Другие предлагают какие-то специальные услуги, и их зовут соседи. Один знает, как чинить автомобили, другой умеет стричь волосы. Кто-то может отремонтировать дом, а кто-то умеет подключать к кабельному телевидению или вмонтировать устройство, чтобы отсоединить платный канал. Один продает дрова и уголь, другой — барбекю на ребрышках и цыпленка в выходные дни. Один служит разовым таксистом, а другой присматривает за детьми в течение дня или даже месяца. По сравнению с богатыми общинами в бедных кварталах больше торговцев, продающих товар за наличные на улицах или соседям, и они больше торгуют в гаражах, во дворах, на блошиных рынках и в обменных пунктах, где продают за наличные подержанный или украденный товар. Такие экономические системы по обмену товаров и услуг функционируют в качестве неофициальной или параллельной экономики в основном вне контроля и надзора со стороны правовых институтов и обычных финансовых структур, не подчиняясь их правилам. Они сохраняют эту независимость и гибкость, действуя на основе наличности. Это не столько черный, сколько серый рынок, и он не столько противозаконен, сколько вне закона.

Когда экономика целого округа не опирается на закон, некоторым людям становится легко несколько расширить свою деятельность и заняться делами, которые находятся в абсолютном противоречии с законом. Преступники часто находят благодатную почву для своей деятельности в гетто наличных денег, которое обеспечивает им хорошее прикрытие и маскирует их. Не являясь на самом деле членами общины, преступники не так заметны в гетто, как они были бы заметны в богатых предместьях или среди комплекса учреждений в центре города.

Так же, как и в жизни бедных людей, наличные деньги остаются главной формой денег в нелегальных секторах экономики — в торговле наркотиками, укрывательстве краденого, проституции, взяточничестве, шантаже, вымогательстве и азартных играх. Предприятия, которые прокручивают большое количество наличных денег, например, компании по продаже аппаратуры, магазины, торгующие порнографией, и пассажи с магазинами по продаже видеотехники, стали соблазнительными мишенями для криминальных элементов. Высокие объемы наличных на таких предприятиях дают возможность их владельцам направлять доходы от нелегальной деятельности в легальную экономику, где их можно перевести в банковские счета и другие формы денег, которые могут быть использованы как часть бумажной и электронной системы.

Наличные стали иметь такое большое значение в жизни бедных людей, что правительство выпустило наличные деньги в таких новых формах, как, например, продовольственные марки, которые имеют хождение почти исключительно как деньги для бедных. В гетто наличных денег большие универсамы и небольшие магазины по продаже предметов первой необходимости отчаянно конкурируют друг с другом в борьбе за продовольственные марки. Торговцы, готовые переступить через закон, принимают продовольственные марки не только за продовольствие, но также и за другие товары, однако при этом, конечно же, покупатель должен заплатить больше, поскольку платит второсортными наличными, а также с учетом того юридического и финансового риска, на который идет торговец, принимая эти марки. На улице люди продают продовольственные марки за наличные с очень большой скидкой, что также является результатом второсортного положения продовольственных марок как менее приемлемой и менее полезной формы денег.

СТОИМОСТЬ НАЛИЧНЫХ

В среде бедных людей наличные деньги остаются самым ценным подарком на протяжении всей жизни. Наличные деньги там дарят в день рождения, там могут в буквальном смысле этого слова пустить шапку по кругу

ради друга, попавшего в беду, или пользоваться деньгами при выполнении некоторых обрядов. У некоторых групп сельского населения и в рабочей среде принято, чтобы гости публично дарили деньги невесте, иногда набивая ими ее одежду или прикалывая их к ее платью. У американских индейцев принято исполнять на их собраниях танец с одеялом, во время которого гости бросают деньги на одеяло для тех, кто нуждается. Подобным же образом гости бросают деньги на барабан в конце собрания, чтобы помочь группе барабанщиков покрыть расходы.

Когда бедные экономят деньги, они часто делают это, вкладывая их в товары, которые легко продать или заложить, когда понадобятся наличные. Во многих районах Ближнего Востока те, кто победнее, покупают браслеты на шиколотку и другие золотые украшения для своих жен и других женщин своей семьи всегда, когда им нужен запас денег. Эти очень легкие золотые или серебряные украшения обычно покупаются и продаются на вес. В отличие от украшений из металла мужчины покупают относительно мало драгоценных камней, потому что их ценность гораздо труднее определить с точки зрения чистоты, прозрачности и шлифовки. В тяжелые финансовые времена или тогда, когда им нужно купить что-либо более дорогостоящее, например, животное или участок земли, они могут легко продать на вес золото или серебро (на которых проставлена проба, означающая стандартизированные единицы чистоты) в магазинах разных торговцев.

Когда правительства мира чеканили серебряные и золотые монеты, бедный люд использовал монеты в качестве украшений. Они нашивали их на свою одежду или прикрепляли их к серьгам, ожерельям, браслетам и поясам. Монеты лучше сохранялись, когда их носили на теле, и в то же время они были легко доступны, так как в случае необходимости их можно было легко снять и использовать для оплаты. На Ближнем Востоке женщины обычно носили семейные деньги как драгоценности, а мужчины гаучо Аргентины делали кожаные пояса шириной в один фут и набивали на них большие серебряные монеты из Перу и других районов Южной Америки, где добывалось серебро.

Такие слова, как *цехин*, произошли из практики использования золотых и серебряных монет в качестве дра-

гоценных украшений или украшений, нашитых на одежду. Это слово произошло от слова *гессЫпо* (*цехин*) — монеты, которую чеканили в Венеции в разнообразных деноминациях и широко применяли в Османской империи в качестве денег и украшений на шарфах, вуалях и другой женской одежде. Менее распространенное английское слово «византин» имеет сходное значение, но относится к декоративным дискам в архитектуре и происходит от названия мелких золотых монет Византии. Когда правительства девальвировали свои валюты в XX веке и изъяли из них драгоценные металлы, бедный народ стал меньше использовать деньги в качестве украшений. Вместо этого они стали покупать больше золотых и серебряных драгоценностей, которые служили той же цели, но сохраняли свою стоимость, вне зависимости от того, какое правительство находится у власти, или какая оккупационная армия, какой религиозный идол и какая политическая партия могла прийти и уйти.

Крестьяне и другие бедняки во многих обществах покупают такие высокопрестижные и дорогие изделия, как часы, даже если они не показывают время, или видеоманитоны и телевизоры, даже если у них нет в доме электричества. Хотя со стороны это может показаться нелогичным, но эти изделия представляют собой вид инвестиции или экономии. Поскольку товар имеет высокий престиж, его легко продать, когда владелец нуждается в деньгах. Может оказаться, что стоимость часов или телевизора, пусть они даже и бесполезны для их владельца, будет более стабильна в долговременной перспективе, чем сами деньги. И все же цель состоит в том, чтобы приобрести изделия, которые можно легко превратить в наличные или использовать при необходимости.

Экономика гетто, бедных кварталов от Мехико до Милуоки и от Сиэтла до Стамбула, крутится вокруг наличных денег, но те же наличные, на которых держится экономика бедных, создают барьеры для их участия в общей экономике, основанной на операциях с чеками, пластиковыми карточками и электронными импульсами. Все общество воздвигло собственные стены, чтобы отгородиться от гетто и не дать наличным проникнуть оттуда в экономику среднего класса. Пусть и незаметно для большинства лю-

дей, но в повседневной жизни эти барьеры создают полосы земли, подобные Университетскому авеню, в городах всего современного мира.

В Соединенных Штатах и других странах Запада закон и деловая практика весьма затрудняют для большинства людей перевод больших сумм наличных денег. Банки должны сообщать о сделках в наличных свыше 10 000 долларов правительству, хотя подобные требования не распространяются даже на более крупные суммы, если они переводятся по кредитной карточке, чеку или электронной технике. Департамент государственных сборов и Федеральное бюро расследований с подозрительностью относятся к отдельным личностям или предприятиям, которые, по их мнению, превышают соответствующий объем наличных денег при заключении сделок.

Обладатели счетов в иностранных банках, пользующиеся электронной почтой для перевода денег, могут воровать миллионами долларов ежедневно без какого-либо контроля со стороны правительства, но при этом те, кто въезжает в Соединенные Штаты, обязаны указать в декларации на таможне США сумму, превышающую 10 000 долларов, и теряют деньги, превышающие сумму, обозначенную ими в декларации. Гораздо легче перевести миллиард долларов из банка Токио в банк Атланты, чем пересечь границу на автомобиле из Ванкувера или прилететь на самолете в Даллас с суммой более 10 000 долларов наличными.

Поскольку люди из гетто полагаются на наличные, но сталкиваются с большими трудностями при переводе их в основные финансовые институты, иногда они накапливают большие суммы наличных. Вместе с наличными, которыми распоряжаются сутенеры, торговцы наркотиками, букмекеры и другие представители нелегального бизнеса, торговые и другие легальные предприятия часто располагают гораздо большими суммами наличных по сравнению с бизнесом в более богатых кварталах.

Люди, проживающие в гетто, часто носят с собой более крупные суммы денег, чем богачи, чьи карманы заполнены счетами и банковскими карточками. Мужчины могут носить пачки банкнот, перевязанных резинкой. Женщины часто носят наличные в кошельках или прячут

деньги в одежде. Вполне вероятно, что такие люди хранят наличные дома в консервной банке у задней стенки шкафа, в пластиковой бутылке в кухне, под матрасом или даже в вошедшем в поговорку, кувшине кухарки.

В гетто все знают, кто вероятнее всего имеет наличные. Кроме владельцев магазинов и управляющих мелкими предприятиями, люди с деньгами — это те, кто регулярно получает чеки от правительства — матери-одиночки, получающие пособие, и старики, получающие социальную страховку или пенсии, которые они превращают в наличные. Такие люди, особенно старики, не имеющие семьи, часто становятся жертвами преступлений.

Некоторые старики выходят из дома только в дневное время, другие вовсе не выходят из дома. Тем, кто живет в государственных домах, часто приходится хуже всех, особенно если они живут среди психически больных, выпущенных из лечебницы, наркоманов и алкоголиков, находящихся на лечении, или и бывших заключенных, освобожденных под честное слово. В некоторых многоэтажных домах пожилые пенсионеры не могут выйти из своих квартир или проехать на лифте, боясь нападения и ограбления молодыми мальчишками и девочками лет тринадцати-четырнадцати. Если у таких людей нет родственников, которые могли бы им помочь, они должны платить кому-либо, часто такому же пожилому человеку, за то, что он обналичит их чеки и принесет им продукты, лекарства и другие необходимые вещи. Находясь в ловушке день и ночь в собственных домах, эти пожилые люди в буквальном смысле становятся узниками гетто наличных денег.

Воры идут туда, где есть деньги, а много денег, по крайней мере наличных, в современных городах можно найти в беднейших районах. Часто грабитель может украсть столько же в местном магазине, торгующем спиртными напитками, или в конторе, занимающейся обналичиванием чеков в гетто, сколько в пригородном банке. Более того, ограбление банка является федеральным преступлением, в расследовании которого принимает участие ФБР, в то время как вору, ограбившему местный магазин спиртных напитков или контору, обналичивающую чеки, надо бояться лишь местной полиции или полиции штата.

ВСЕМИРНАЯ ЭЛИТА

На противоположном полюсе социальной структуры возникает новая всемирная элита. Многие из этих людей живут в поселениях, построенных по особому проекту, за высокими заборами или в квартирах многоэтажных домов, охраняемых людьми и новейшей системой безопасности. Они отдыхают на охраняемых лыжных курортах и на уединенных островах или в одиночестве на роскошной яхте в море.

Традиционные элиты по своему происхождению принадлежали к классу аристократии, который обычно монополизировал политическую, экономическую и религиозную власть. В XIX веке во время индустриальной революции небольшому числу торговцев и промышленников удалось прорваться в ряды элиты. Затем в XX веке звездам спорта и представителям шоу-индустрии удалось прорваться в финансовую элиту.

Нарождающаяся всемирная элита включает людей более разнообразного происхождения: банкиров Сингапура, промышленников Германии, модельеров Италии, футболистов Бразилии, компьютерщиков Америки, владельцев рудников Заира, нефтяных султанов Индонезии, звезд рока Ирландии, газетных магнатов Австралии, лидеров криминальных банд России, инвесторов Индии, кинозвезд Англии и даже писателей Франции. В прошлом члены элиты были объединены общей религией и национальностью, а часто и родством, но теперь эти местные избранные мира сего сменяются интернациональной элитой, объединенной лишь одним — богатством.

Несмотря на свое разнообразие, новая элита представлена в мире неоднородно. В ней преобладают жители Западной Европы, Северной Америки и тихоокеанского кольца стран — Японии, Кореи, Тайваня, Сингапура и Австралии, которых дополняют отдельные личности из ряда государств, богатых нефтью, и еще несколько — из региональных элит Индии, Турции, Бразилии и южного конуса Южной Америки. Новая элита имеет очень мало членов из Восточной Европы, Центральной Азии, Центральной Америки, а государства, расположенные в Андах, и Африка вообще очень скупо представлены в ней.

Появление этой новой всемирной элиты знаменует со-

бой начало новой глобальной системы стратификации, которая преодолевает национальные и региональные границы. Филиппинцы и другие южные азиаты теперь составляют класс услуги на роскошных морских лайнерах. Они также угощают в японских барах и работают в отелях повсюду, от Сеула до Каира. Их можно найти работающими домашней прислужкой в домах богатых семей по всему побережью Персидского залива, в поместьях голливудских кинозвезд и в лондонских городских домах.

С развитием международной классовой системы во всемирную элиту вошли представители большинства государств, хотя бы и всего по несколько человек, и это обстоятельство все больше вводит в заблуждение относительно того, что существуют бедные государства в противовес богатым. Нигерия и Заир принадлежат к числу беднейших стран мира, и тем не менее в них живут богатейшие семьи. В терминах средних показателей Швейцария и Япония числятся среди самых богатых, и тем не менее увеличивается импорт ими рабочей силы из бедных стран для выполнения самой грязной работы.

При глобальном ослаблении социальных барьеров, основанных преимущественно на расе, религии, этносе, касте и происхождении, единственным основным средством дифференциации остаются деньги. Деньги практически с момента их изобретения играли какую-то, пусть и небольшую, роль в социальном расслоении. В средневековье даже богатые евреи, которых побаивались правители, могли обрести определенную власть и престиж лишь благодаря своим деньгам. Точно так же в XIX веке богатые промышленники понимали, что могут приобретать аристократические титулы и знатность путем вступления в брак. Но в XX веке деньги окончательно стали единственным показателем принадлежности к тому или иному социальному классу.

Деньги разрушают все элиты, опирающиеся на что-либо другое, кроме денег. Где бы ни существовали аристократические классы, их повсюду выживали более богатые люди, и это продолжалось до тех пор, пока не оставалась элита, обладающая деньгами. Некоторым отдельным личностям и семьям, представляющим старую элиту, удалось перейти от прежней системы к новой, но они, как и все в этой системе, черпают реальную власть из своих денег.

15. Интерлюдия в пластике

*И прости нам наши долги, как
мы прощаем должников своих.*

Мф. 6, 12

При тридцати градусах ниже нуля по Фаренгейту или по Цельсию обнаженный человек замерзает в течение нескольких минут, слюна затвердевает, как камень, прежде чем достигнет земли, а резина может растрескаться и разбиться вдребезги, как хрупкое стекло, ударившись о камень. Выхлопные газы окиси углерода у автомобилей замерзают до состояния черного льда вдоль дорог, а озера покрываются таким твердым слоем льда, что по ним могут проехать грузовики, как по бетону. И все же независимо от времени года или температуры, от того, насколько промерзли почва и озера, внутри крупнейшего торгового центра в Блумингтоне, в штате Миннесота, сохраняется вечно весенняя температура воздуха — 72 градуса по Фаренгейту. Малыши катаются с водных горок, пальмы высятся в сорок футов тянутся вверх к застекленному потолку и цветы цветут круглый год.

Брызги воды, летящие от горки с изгибами и поворотами, распространяют легкий туман в воздухе, постоянно издавая в центральной части торгового центра бодрящий запах хлора. Каждый из магазинов, бутиков, универсамов и торговых тележек, разбросанных внизу и наверху, в проходах торгового центра, издает свой особый запах — ароматической смеси из отделов магазинов: духов из магазина косметики, кожи из обувного магазина, дерева из мебельного магазина, шоколада и жареных орешков из ларька со сладостями, попкорна из кинотеатра и мужского одеколona из магазина мужской одежды. Каждый из сорока четырех ресторанов и выносных прилавков источает свой неповторимый аромат — сыра и майорана из пиццерии,

специй окры из креольского ресторана, жареных яичных пирожков на азиатских прилавках, свежего хлеба — из киоска, где продаются сэндвичи, корицы из пекарни, французского жареного мяса, кетчупа и гамбургеров из дворца бургеров и жареных бобов кофе из кафетерия.

В обычный будний день 100 000 человек делают покупки в Центре Америки. В выходные дни и в особые периоды, например, на Рождество, более 200 000 покупателей ежедневно шумят в проходах с многочисленными магазинами. Автомобили подъезжают к Центру рано утром из домов всего северного Среднего Запада и центральной Канады. Однако самые крупные транжиры прибывают в аэропорт, примыкающий к Центру. Чартерные рейсы, доставляющие покупателей отовсюду из Соединенных Штатов и Канады, прибывают рано утром и отправляются в обратный путь поздно вечером с багажниками, забитыми покупками. Специальные рейсы между Японией и Европой делают остановку в аэропорту Сент-Пол в Миннеаполисе, чтобы дать возможность пассажирам сделать покупки в течение нескольких часов или даже нескольких дней. Центр создает условия для авиапокупателей, оказывая им на постоянной основе челночные услуги в аэропорту, и часть Центра с банками компьютерных экранов, информирующих покупателей о времени и номере входных ворот прибывающих и убывающих рейсов, напоминает аэропорт. Даже пациенты клиники Майо в соседнем Рочестере планируют покупки на вторую половину дня или на целый день в перерыве между медицинскими анализами.

Строители воздвигли Центр чуть дальше по улице, всего лишь в нескольких милях от первого американского крытого торгового центра Саутдейл, который открылся в Эдине в 1956 году. К середине 90-х годов Америка имела свыше 37 000 торговых центров, которые привлекали 175 миллионов покупателей ежемесячно.

В момент открытия в 1992 году Центр Америки представлял собой высшее достижение опыта розничной торговли XX века. Архитекторы спроектировали его в виде огромного квадрата, в каждом углу которого располагался большой торговый отдел. Поскольку отделы магазинов соединялись друг с другом аркадами длиной в четверть

мили, холлам Центра были даны названия улиц, таких, как, например, Бродвей. Между крупными универсами на трех уровнях располагается порядка четырехсот магазинов. Магазины имеются на каждом этаже Центра длиной в милю, а всего в Центре три таких этажа. Квадрат включает большой парк развлечений с живыми деревьями, с роликовыми горками, длинной водяной горкой, и все это защищено от суровых холодов Миннесоты стеклянной крышей, поднимающейся на четыре этажа над парком. Развлечения для взрослых обеспечены на дополнительном четвертом этаже комплекса, где покупатели могут найти рестораны, спортивные бары, танцевальные залы, а также четырнадцать кинотеатров и помещения для разнообразных игр и видео.

Для функционирования Центра требуется 12 000 сотрудников, и, благодаря их совместным усилиям, объем продаж в среднем составляет 2 миллиона в день. Центр по праву можно считать, скорее, городом, чем торговым центром. Кроме таких обычных служб поддержки, как банк, туристическое агентство и медицинский центр, Центр имеет собственную полицию и даже собственную школу, где студенты обучаются предпринимательскому делу и бизнесу наряду с традиционными предметами. Родители могут работать в Центре, пока их дети там же учатся в школе, и все они встречаются у одного из ларьков во время ланча, до того, как учащийся отправляется во второй половине дня на работу в одном из сотен предприятий Центра.

Огромные суммы наличных денег в Центре,— это, скорее всего, результат того, что ежедневно в декоративные фонтаны бросается много тысяч монет. Мать слегка поддерживает ручку своего ребенка, еще только начинающего ходить, и помогает ему бросить монету, а он визжит от восторга, когда металл шлепнется в воду. Четырехлетки выпрашивают у отца пенни и уносятся, чтобы бросить его в бассейн, а затем несутся обратно, чтобы попросить еще один. Влюбленные подростки вместе сжимают в руке монетку и, отвернувшись от фонтана, бросают ее через плечо в бассейн, задумав желание, о котором известно только им. Когда пенни, монеты в 25, 10, 5 центов и иностранные монеты накапливаются за день и ночь, уборщики большими метлами подгребают толстый слой монет к центру

бассейна, чтобы до него не могли дотянуться те, кто испытывает соблазн украсть их. В конце недели рабочие спускают воду в бассейне, вычерпывают монеты и пропускают их через сортировочную машину, которая упаковывает монеты в аккуратные бумажные рулоны для благотворительных целей.

Помимо своих размеров, Центр Америки не очень отличается по своей планировке или характеру деятельности от древних рынков Сардиса, Рима, Малакки или средневекового Лондона. Торговля — она везде торговля. И все же, если мы будем сравнивать ежедневную работу Центра Америки с работой древних рынков более внимательно, мы обнаружим одно важное различие: несмотря на товары, которые передаются по обе стороны прилавков Центра и несмотря на звон кассовых аппаратов, через руки проходит мало настоящих наличных денег.

Кроме монет, бросаемых в фонтаны, покупатели пользуются наличными лишь при таких мелких покупках, как напитки, сладости, закуски, игры в аркадах и видеоигры. Даже парк развлечений отказался от наличных в пользу электронных денег. Дети расплачиваются за удовольствие от катания и развлечений в парке Кэмп Снупи карточками наличного дебета с обозначением разных сумм, которые покупают их родители. Детям не нужно уметь отличать 25 центов от 10 или читать разные деноминации на долларовых банкнотах, тем более складывать, вычитать или подсчитывать сдачу при покупке. Маленькому ребенку нужно лишь вставить карточку в прорезь аппарата. И тогда аппарат автоматически вносит в дебет нужное количество, и перед ребенком открывается дверь в аттракционы. Когда ребенок использует все электронные наличные, карточка перестает работать, и ребенок без колебаний выбрасывает израсходованную карточку в мусор.

За еду в ресторанах и при более крупных покупках в универмагах большинство взрослых платят чеком или заносят на электронный счет в разных формах. Покупатели могут использовать кредитные карточки, которые увеличивают их общий долг, или чековые книжки, которые автоматически вычитают сумму покупки из их банковского счета и переводят ее на счет торговца. Покупа-

тели, которым нужны наличные, могут использовать электронные карточки в любом из ряда денежных аппаратов, размещенных повсюду в банке. Если покупатель расплачивается чеком, наличие адекватных средств на счете или адекватной кредитной линии должны быть подтверждены электронным способом. Любой покупатель, который имеет достаточно кредита, но которому не хватает электронных наличных, может легко перехватить большую сумму электронных денег, позвонив в банк или компанию кредитных карточек и попросив об электронном переводе средств с одного счета на другой или задействовав кредитную линию.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ДОЛГ И СОЦИАЛИЗАЦИЯ РИСКА

В конце Второй мировой войны, как раз накануне великих перемен в банковском деле, в системе контроля и кредитования Америки, большинство американцев, как и практически все в мире, продолжали пользоваться наличными при покупках и продажах. Американцам, однако, больше всех не терпелось перейти к новым формам оплаты, и к концу 1990 года около 30 триллионов долларов в год переводилось по чекам. К 1993 году около 400 триллионов долларов в год переводилось разными электронными средствами.

Точно так же, как когда-то разные банки, ростовщики и правительственные учреждения выпускали разные виды бумажных денег, сегодня разные институты создают электронные деньги разными способами. Ни один электронный монетный двор не производит эти новые деньги, и они не хранятся ни в каком крупном электронном сейфе. Они ведут свое происхождение из такой же крупной системы, как система Федеральных резервов, и так же ограничены, как электронные карточки покупателя, используемые малышами в качестве денег в Кэмп Снупи.

В эпоху наличных денег до Второй мировой войны кредит оставался прерогативой богатых во всем мире. Банки предоставляли займы людям, обладавшим значительной собственностью, которая служила косвенным или прямым

подтверждением их платежеспособности. Средний и рабочий классы, за исключением фермеров, не имели долгов перед банком, потому что никто не давал им займы. Обычно они брали дома в аренду, а в редких случаях, когда являлись собственниками дома, обычно расплачивались за него сразу, как только он был построен. Торговец мог позволить покупателям, которым доверял, оплатить товар спустя какое-то время, в рассрочку, или открыть им текущий счет в продовольственном магазине, но такие отношения поддерживались, главным образом, на личной основе, и суммы, о которых шла речь, были мелкими на фоне крупных финансовых операций вокруг. Человек из среднего класса, нуждавшийся в наличных деньгах, мог заложить фамильные драгоценности или фамильные вещи, или на худой конец попросить денег у мошенников, которые дают займы под огромные проценты и требуют их уплаты, угрожая физической расправой.

В 1928 году Национальный Сити банк Нью-Йорка провел эксперимент с радикально новой идеей — он предложил давать мелкие займы представителям рабочего класса. Вначале банк приступил к осуществлению программы предоставления займов под большим давлением министра юстиции штата, который стремился прижать акул-ростовщиков. В первый же день, когда проводились новые банковские операции, банковский отдел потребительского кредита принял пятьсот заявлений с просьбой предоставить заем. Оказалось, что риск, связанный с предоставлением кредита рабочему классу Нью-Йорка, оправдал себя: банк потерял менее трех долларов на каждую одолженную тысячу. При ставке 12 процентов и при очень небольшом количестве тех, кто не выполнял своих обязательств по уплате долга, по сравнению с сознательными должниками, банк вскоре обнаружил, что потребительские займы — это великолепный новый источник прибыли.

Во время Великой депрессии 30-х годов правительства всего мира старались найти новые способы стимулирования своих экономик. Новая политика, особенно в Соединенных Штатах при Франклине Рузвельте, проводилась в форме поощрения банков и других финансовых институтов к увеличению сумм займов, чтобы люди приобретали

такие дорогостоящие товары, как небольшие дома и автомобили. Для поощрения этой практики правительство поддерживало и гарантировало займы под низкие проценты. После Второй мировой войны правительство США гарантировало домашние займы для ветеранов. Банки по-прежнему могли получить скромную прибыль от этих займов, но они не очень рисковали, поскольку правительство все больше принимало ответственность за риск на себя.

Экономист-аналитик и репортер Джеймс Грант назвал этот процесс «демократизацией долга и социализацией риска». Американцы вскоре научились брать деньги в долг не только под дома, автомобили и образование, но также и для приобретения телевизоров, кухонной техники, лодок и для отпусков. В пределах одного поколения долг стал не только нормой жизни, но и правом, на которое мог рассчитывать практически весь средний и рабочий класс.

Тогда же, когда банки галопом мчались на новые рынки кредита, федеральное правительство нашло еще и другие способы поощрения банков к предоставлению займов и их гарантий. К 70-м годам потенциальный домовладелец мог брать в долг под гарантию любого из полдюжины правительственных учреждений. Военнослужащие могли обратиться к своим местным банкам за займами, гарантированными Администрацией ветеранов; фермеры и сельские жители могли обратиться за займами, гарантированными Фермерским управлением внутренних займов. Рабочие, которые не были ни ветеранами, ни фермерами, могли обратиться за займами под гарантированные низкие проценты через Федеральные власти по домостроительству. В 80-е годы и в начале 90-х численность и разнообразие таких программ под эгидой Департамента жилищного строительства и городского развития заметно увеличились.

К 1989 году закладные на дома, гарантированные федеральными программами, насчитывали почти 40 процентов от всех закладных на дома в Соединенных Штатах, а сумма долга, субсидируемого и гарантируемого правительством, достигла 1 триллиона долларов. К тому времени финансирование закладных, хотя оно все еще осуществлялось через местные банки, получавшие от этого посто-

янную прибыль, в значительной мере стало правительственным бизнесом. За исключением небольшого числа элитных домов, продававшихся по самым высоким ценам, в целом бизнес, связанный с закладными на дома, полностью социализировался. Участие правительства позволило миллионам американцев стать собственниками домов, иначе они не смогли бы позволить себе это. Та же самая политика, однако, привела к самой жестокой в истории Америки инфляции цен на жилье и способствовала появлению огромного числа бездомных людей в развитом мире. Она также вызвала финансовый упадок, когда в 90-е годы бизнес с недвижимостью лопнул, как пузырь, и стал причиной краха банков и сбережений, и ассоциаций заимодавцев во всех Соединенных Штатах.

До банкротства и дефолта сбережений и ссуд в 80-е и 90-е годы многие аналитики считали, что поддержки ГБЮ (Федеральная корпорация страхования вкладов) будет достаточно, чтобы защитить финансовые институты от суровых невзгод и уж тем более от краха. Предназначение Федеральной корпорации страхования депозитных вкладов, однако, состояло, скорее, в том, чтобы служить главным образом гарантом общественного доверия к банкам и инструментом общественных отношений, нежели быть настоящей системой безопасности. Немногие понимали, что такие гарантии поощряли чиновников, ответственных за сбережения и ссуды, рисковать еще большими суммами денег, находящимися под защитой государства. В конце концов лишь массированная правительственная интервенция и вливание больших денег спасли саму ГБС от банкротства.

Федеральное правительство поддерживало займы тем, кто хотел получить образование, получить закладные на недвижимость, открыть небольшое дело или ферму, но оно не поддерживало займы под кухонную технику, туристические поездки или семейный отпуск в Мехико. Банки, которые выпускали кредитные карточки, поддерживали такие ссуды, но за банками и их ответственностью и обязательствами стояли финансовые силы и стабильность федерального правительства в виде РИС. Не имело значения, насколько рискованны были займы, деньги вкладчиков оставались в безопасности.

МАГИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

Кредитные карточки упоминались в беллетристике задолго до того, как они нашли свое место в экономике XX века. Концепция была достаточно полно развита в 1888 году в утопическом романе журналиста Эдварда Беллами, преданного сторонника популистской философии своего времени. В романе «Оглядываясь назад: 2000—1887» Беллами поведал историю человека, который заснул 30 мая 1887 года, а проснулся через 113 лет и 4 месяца 30 сентября 2000 года. В утопическом будущем Америки XXI века Беллами описал огромную «индустриальную армию», которая производит все необходимое, но делает это просто из желания служить человечеству, не получая при этом зарплаты. Нет ни монет, ни банкнот и никакой другой валюты в обращении, так же как ничего не покупается, не продается. Как анахронизм, американцы по-прежнему мыслят категориями долларов и центов, но вместо монет и банкнот введен расчет посредством «картонных кредитных карточек», выпущенных для всех граждан, получающих все необходимые товары на больших централизованных складах.

В свете того, что кредитная карточка реально превратилась в основной инструмент капиталистических банков и предприятий в XX веке, как ни странно, но выдуманная Беллами кредитная карточка была выпущена в посткапиталистическом обществе, где правительство производило все товары. Каждый получал деньги по определенной норме, исходя из общего валового продукта государства, созданного в предыдущий год; но поскольку все кредитные карточки были персонифицированы, граждане не могли обмениваться ими, пользоваться ими для оплаты товаров, не произведенных правительством, или использовать их для накопления сбережений из года в год. У Беллами в Америке XXI века кредитная карточка служила в качестве простого способа подсчета в мире, где люди больше не покупают и не продают товары и где правительство заменило рынок. Деньги больше не имеют стоимости, измеряемой в категориях золота, серебра или любого другого товара. Они стали лишь «алгебраическим символом для сравнения стоимости одного продукта с другим».

В XX веке первые кредитные карточки появились благодаря автомобилю. На автомобилях люди ездили в новые места, где у них не было личных отношений с торговцами и где они не всегда могли иметь наличные, нужные для оплаты бензина, масла и частых ремонтных работ, необходимых для первых автомобилей. Для разрешения этой проблемы и с целью создания постоянной клиентуры нефтяные компании начали выпускать собственные кредитные карточки, используемые при покупке их продукции у любого торговца, который принимал их. Вскоре в подражание нефтяным компаниям крупные магазины также начали выпускать друг за другом собственные кредитные карточки.

В 1950 году Отегз Слйб (Клуб ресторанов) создал первые современные карточки расходов. Эта кредитная карточка принималась в двадцати семи лучших ресторанах страны и использовалась преимущественно богатыми бизнесменами в качестве удобного средства оплачивать расходы во время деловых поездок и развлечений. Карточка была предназначена для предоставления кредита как часть проекта, разработанного Фрэнком Макнамарой из нью-йоркской кредитной корпорации Гамильтона. Первые карточки Клуба ресторанов были картонными, с обозначением имени клиента на одной стороне и списка ресторанов-членов Клуба на другой. В 1955 году Клуб ресторанов перешел на пластиковые карточки, положив тем самым начало новой монетарной тенденции в культуре потребления.

В 1958—1959 годах Американская транспортная компания, которая уже зарекомендовала себя как «туристическая чековая компания», поразила предпринимательский рынок, выпустив первые пластиковые карточки. К тому времени банки признали, что теряют контроль над кредитным рынком в пользу этих небанковских компаний. В 1951 году более крупные банки, начиная с Нью-Йоркского национального банка Франклина, стали выпускать собственные карточки. В 1958 году Банк Америки ввел свою карточку — банковский вариант кредитной карточки, а поскольку его базой был весь штат Калифорния, она быстро стала самой известной карточкой в государстве. Вскоре другие банки, которые были слишком малы,

чтобы иметь собственные карты, присоединились к системе карточек Банк Америки. В 1977 году название карты сократилось до «Визы». К середине 90-х годов «виза» нашла самое широкое применение среди кредитных карточек — около 400 миллионов находилось в обращении по всему миру, ими пользовались 12 миллионов предприятий в разных местах.

Банк Барклей в Британии в 1966 году выпустил свою карточку Барклейкард, а в 1967 году Городской банк Нью-Йорка ввел свою «эвритинг кард» (карта на всё) — пластиковую кредитную карточку, которая позволяла элитным вкладчикам, имевшим наилучшую финансовую репутацию, платить чеками за свои покупки, вне зависимости от того, достаточно ли денег они имеют на счету в банке. Двумя годами позже эта карточка стала «мастер-чардж» а затем в конечном счете — просто **«Мастеркард»**. Кредитная карточка расширяла кредит, но при этом устранила личный момент. За определенную плату компания, выпускающая кредитные карточки, теперь принимала на себя ответственность и риск относительно платежеспособности клиента. Распространение кредитных карточек, начавшееся в 60-е годы, вызвало серьезные перемены в стиле покупок и оплаты клиентов. Кредитная карточка сняла с их денег временные ограничения, позволив людям использовать деньги, которые они еще не заработали или не получили, но которые они рассчитывали заработать позже.

Черпая средства из еще не полученного, но ожидаемого дохода, владелец карточки создавал деньги, просто покупая что-нибудь. Если он покупал блузку за сто долларов, то это увеличивало продажи магазина в тот день на эту сумму, вкладывая тем самым еще сотню долларов в рынок. Магазин все равно получал доход от продажи блузки, независимо от того, есть у покупателя деньги в банке или нет. Производитель получал зарплату, клерк получал комиссионные, правительство получало налог с продажи, а магазин получал прибыль. По сути дела, покупка создавала деньги путем заимствования их из завтрашнего дня и вклада их в сегодняшний рынок. С кредитной картой, рассчитанной на сумму до 5000 или даже 10 000 долларов, потребитель мог либо предпочесть создать любое ко-

личество денег в пределах этой суммы, либо вовсе не создавать ничего — тем, что не использует карточку.

Каждый отдельно взятый владелец карточки может использовать ее для создания нескольких тысяч долларов того, что экономист Джоел Куртцман называет «около-деньги», но сумма остается подвластна намерениям и способности банка обеспечить процесс создания. Когда сумма кредита умножается на 18 миллионов владельцев карточек Американской транспортной конторы или 25 миллионов кредитных карточек, которые проходят через Городской банк, сумма, которую эти институты могут создать, быстро возрастает. В целом такие «около-деньги» превысили 150 миллиардов долларов в год к середине 90-х годов.

Кредитные карточки увеличили покупательную способность, а следовательно, расширили производство и сферу услуг, но это происходило за счет увеличения личного долга и международной инфляции. К середине 90-х годов потребительский долг в Соединенных Штатах достиг 1 триллиона долларов. Всего за двадцать лет до этого, впервые в истории весь валовой национальный продукт Соединенных Штатов перевалил за эти цифры. Тем не менее в последующие два десятилетия покупателям удалось накопить такой долг в основном из-за применения кредитных карточек. Из-за того, что многие владельцы карточек приобретали автомобили и электронные товары, произведенные в Японии и других странах Тихоокеанского региона, много денег утекло из Соединенных Штатов в Азию, создав еще большую напряженность, вызванную безудержным аппетитом Америки в отношении кредита.

ПРЕСТИЖ ПЛАТИНЫ

Признавая значение такого способа оплаты для отличия и престижа, производители пластиковых карточек часто в рекламе подчеркивают, что пользоваться именно их карточками весьма престижно, а, значит, выгодно. На рекламе часто изображены пользующиеся кредитными картами модно одетые люди в шикарной обстановке, например, в загородном клубе, великолепном отеле или рестора-

не, на роскошной яхте, в лимузине или в самолете, путешествующими первым классом, при этом реклама сдобрена такими выражениями, как *исключительный, изысканный, только по приглашению и престижный*.

Спонсоры часто подразделяют разные карточки в соответствии с разными уровнями престижности: Виза постоянная, Виза золотая или Американская транспортная зеленая, золотая или платиновая. Словами «золотая» и «платиновая» они стремятся вызвать у потребителей ассоциации с авторитетом драгоценных металлов, которые больше не применяются при производстве денег.

«Американ экспресс» разработала целую классовую систему карточек. В 1958 году они начали с одной категории услуг и имели четверть миллиона владельцев карточек, в то время фиолетовых. Чтобы выдержать конкуренцию с более ранним и престижным Клубом ресторанов, «Американ экспресс» поставила цель расширить масштабы применения своих карт преимущественно теми, кто отправлялся в деловые поездки и делал три главные покупки: транспорт, отели и рестораны. Как и Клуб ресторанов, «Американ экспресс» поддерживал иллюзию участия в частном загородном клубе, а не в обычной торговле.

Через несколько лет «Американ экспресс» перешла с фиолетового, королевского цвета, на зеленый — цвет американских денег. Поскольку число членов росло и сфера услуг и торговли расширялась, в 1966 году компания ввела еще и золотую карточку для своих членов, тратящих много денег. К началу благополучных 80-х годов насчитывалось примерно полмиллиона обладателей карточек «Американ экспресс», поэтому потребовалось дальнейшее усовершенствование их классовой системы. Какое-то время в 1984 году компания пыталась даже внедрить для эксклюзивных целей черные карточки, но в 1985 году они сменились платиновыми. В середине 90-х годов «Мастеркард» и «Виза» ввели и собственные платиновые карточки. Платиновые, золотые и обычные кредитные карточки предназначались соответственно для высшего, среднего и рабочего классов по системе распределения долга в Америке.

Вся концепция денег приобретает новое значение. Существование денег получает метафизический смысл, как и

вопрос о том, трещит ли дерево, когда падает в лесу, где никто этого не слышит. Кредитные карточки, особенно в сочетании с электронной технологией, переводят деньги в принципиально новую плоскость существования.

ПРИВИЛЕГИИ СРЕДНЕГО КЛАССА

К последнему десятилетию XX века Соединенные Штаты создали многоярусную денежную систему. Бедные по-прежнему пользуются наличными, главным образом в форме напечатанных правительством долларовых бумажек, вместе с продовольственными талонами, ваучерами и другими формами «около-денег», которые выпускает федеральное правительство. Остальное население пользуется банковскими чеками и пластиком при заключении всех крупных денежных сделок.

Если правительство предложило продовольственные талоны в качестве разновидности «около-денег» для бедных, то предприниматели создали новые их виды специально для среднего класса. В последние десятилетия XX века наибольшее распространение получила одна из форм «около-денег» в виде воздушных миль. Когда компания «Американские авиалинии» объявила, что ее постоянные клиенты будут пользоваться «бесплатным проездом», она предлагала тем самым своим клиентам товар — билет на авиарейс. Другие авиакомпании быстро подстроились под ее предложение. В обмен на определенное количество миль, налетанных самолетами данной авиакомпании, клиент получал бесплатный обратный билет. Программа преуспела в сохранении постоянных клиентов. Так и авиационная индустрия заняла маленькую свободную нишу в современной экономической системе. В большинстве случаев билеты для деловых поездок оплачивались работодателями, тем не менее пассажиры сами могли выбрать авиакомпанию. Стало летать больше людей, чем когда бы то ни было, но система постоянных авиаклиентов способствовала тому, что летавшие чаще других, вероятнее всего, всегда, когда это было возможно, предпочитали летать самолетами одной излюбленной авиакомпании. Пассажиры оплачивали билеты из фондов

своих работодателей, но в обмен они получали «мили», которые могли присвоить себе.

Поскольку любой билет, которым награждался путешественник в соответствии с программой постоянной авиаклиентуры, не представлял собой реальных денег, его нельзя считать доходом. Поэтому билеты не подлежали обложению подоходным налогом государства и штата. В определенном смысле это было даже лучше, чем денежное вознаграждение, и вскоре это обстоятельство привело к созданию особой ниши в монетарной системе, основанной, скорее, на количестве воздушных миль, чем на деньгах.

Вначале авиакомпания вознаграждали клиента одной милей за каждую милю полета, но сразу же началась инфляция, потому что авиакомпании, конкурируя друг с другом, предлагали самое большое расстояние в милях. Они вознаграждали дополнительными милями за определенные рейсы, билеты на которые плохо продавались, или за рейсы в определенное время суток, и пассажиры первого класса получали двойное количество миль за каждую милю расстояния. Чтобы стимулировать постоянных клиентов на будущее, авиакомпания разделили частых путешественников на категории — серебряные, золотые или платиновые, в зависимости от того, сколько они налетали, а затем давали им внушительное число миль. Серебряная категория могла получить 1,25 отчетных миль за каждую милю покрытого расстояния, в то время как золотая категория получала 1,5.

Концепция миль имела все меньше отношения к реальным милям, обозначающим расстояние. Разрыв между милями на счету клиентов и реальными милями произошел, когда авиаиндустрия объединила свою программу с гостиничным бизнесом и компаниями по аренде автомобилей, которые также начали предлагать «воздушные мили» своим клиентам. Точно так же телефонные компании вознаграждали частых абонентов «количеством миль», в зависимости от числа и продолжительности телефонных звонков, а компании кредитных карточек предлагали свои «мили» за каждый доллар на счету своих карточек. Вскоре клиенты могли заработать «количество миль» за визит к дантисту, за покупку еды для собак или за свою стриж-

ку, и при этом неважно было, что по большей части это происходило в форме увеличения потребительского долга.

То, что началось как обычная и временная рекламная кампания с целью стимулировать продажу билетов в поддержку авиапутешествий, переросло в огромную систему, в которой люди вовсе не должны были отправляться в путь, чтобы заработать большое количество миль регулярными полетами. Они могли возместить их не только авиабилетами и семейным путешествием на отдых, но и товарами и услугами в широком ассортименте, не подлежавшими, по крайней мере вначале, налогообложению.

В своем стремлении увеличить лишь собственную прибыль авиационная индустрия нечаянно создала новую форму денег, невидимый товар под названием мили, который можно было использовать для покупки реальных услуг и товаров. Мили регулярных полетов стали для высшего и среднего класса тем, чем были в течение некоторого времени Золотые облигации, «зеленые» 8 и Н зеленые «бумажки» для домохозяек из рабочего класса, которые закупали продовольственные продукты для всей семьи.

Начав с кредитных карточек и чековых книжек и закончив милями регулярных полетов, коммерческие институты создали новые формы денег и псевдоденег в течение второй половины XX века. Иные коммерческие новшества и финансовые инновации приобрели характеристики денег не будучи деньгами. Торговые марки и полетные мили представляли собой будущий товар или услуги, обещанные потребителю, но подавляющее большинство этих новых видов денег представляли собой потребительский долг перед крупными финансовыми институтами, сумма которого быстро росла. Коммерческие инновации и новые способы делать долги изменили способ оплаты покупок клиентами, но они также изменили характер самих денег и отношение к ним людей.

16. Эротическая жизнь электронных денег

*Когда деньги спокойно лежат,
это уже не деньги.*

Джордж Симмел

Начиная с древних времен, когда проститутки обслуживали достойных граждан в храмах Ближнего Востока в обмен на их пожертвования золотых монет богам, деньги были тесно связаны с сексом. С развитием капитализма эта связь значительно укрепилась. Как отмечал Бенджамин Франклин в начале эры капитализма, «деньги могут породить деньги, а их производное может породить нечто большее, и так далее». Деньги, как живые существа, обладают способностью к воспроизводству самих себя. Некоторых викторианцев, в том числе Карла Маркса и Фридриха Энгельса, раздражала эта сверхъестественная легкость, с какой деньги имитировали секс.

Как ответная реакция на викторианские ограничения, XX век стал временем восстания, когда секс и деньги стали свободнее и доступнее. Во второй половине века компьютеры сделали для денег то, что противозачаточные таблетки сделали для секса. Результатом была эпоха беспрецедентной монетарной беспорядочности в связях.

НЕВИДИМЫЕ ДЕНЬГИ

Сразу же после того, как был изобретен телеграф, люди начали искать способы пересылать деньги с помощью электроники. Используя телеграф, банки могли ускорить предоставление определенных услуг клиенту, но денежные сделки по-прежнему должны были осуществляться на персональной основе. До тех пор, пока после Второй мировой войны не наступила эпоха чековых книжек и кредитных

карт, когда банки, наконец, перешли на новую технологию. Поскольку люди платили карточками и чеками, банкам нужно было найти более быстрые и удобные способы перемещения больших сумм денег.

В определенном смысле электронная банковская эра открылась в 1960 году, когда Американская транспортная компания применила магнитные чернила для кодирования пассажирских чеков с целью ускорения механического процесса. Поскольку чеки были выпущены лишь в нескольких определенных деноминациях и без мелочи, их переработка электронным путем была значительно легче по сравнению с переработкой чеков персональных банковских счетов с указанием разных сумм.

Более важный шаг на пути к созданию электронных денег был сделан в 1972 году, когда Федеральный резервный банк Сан-Франциско провел эксперимент с электронными платежами, произведя сделки без бумажных чеков между своим главным офисом и его филиалом в Лос-Анджелесе. К 1978 году эта сеть расширилась и охватила все федеральные резервные банки и филиалы повсюду в Соединенных Штатах, но в основном она оставалась способом, которым пользовались отделения Федеральных резервов для перемещения средств внутри собственной системы. Этот процесс получил дальнейшее развитие в 1980 году, когда конгресс издал Закон о монетарном контроле, расширив сеть электронных денег, включив в нее другие финансовые институты, связанные с Федеральными резервами. Электронная система поначалу затронула жизнь значительного числа американцев в 1975 году, когда Управление социального страхования и федеральная пенсионная система предложили своим клиентам переводить их деньги электронным способом непосредственно на их банковские счета. Их примеру последовали другие системы по выплате пенсий и пособий по безработице. Электронный способ перевода денег на платежные чеки распространился на всех трудящихся, и вскоре федеральная система применялась для автоматических вычетов с пособий по безработице, закладных, страховки, пенсии, подоходного налога.

Поначалу система была довольно неуклюжей. Институты переводили деньги через большую депозитную и платежную систему на магнитные ленты, которые Федераль-

ные резервные банки пересылали с курьером из одного банка в другой. Эти компьютерные ленты заменяли огромное количество бумаги, которую в противном случае пришлось бы использовать. С развитием более современных технологий федеральные резервы вскоре могли обходиться без человеческого участия в записи, передаче и перезаписи магнитных лент, и компьютеры могли посылать информацию друг другу прямо по телефонным каналам, создавая таким образом к началу 90-х годов целиком электронную денежную систему.

К 1992 году, через двадцать лет после своего создания, федеральная компьютерная система осуществляла 67 миллионов переводов ежегодно на общую сумму примерно 200 миллиардов электронных долларов. К середине 90-х годов Федеральная резервная система в среднем оперировала 20 миллиардами в день, переводя их с помощью электроники, против 47 миллиардов в день в бумажных чеках. Электронное банковское дело оставалось, однако, преимущественно закулисной и профессиональной деятельностью. Средний потребитель извлекал из нее пользу благодаря таким услугам, как раусбекс депозит и более быстрое передвижение денег.

Прежде чем научиться снимать деньги со своих счетов электронным способом, многие рабочие постепенно привыкали к тому, что можно было вкладывать деньги на депозит электронным способом прямо с места работы. Немцы и некоторые другие западные европейцы прочувствовали удобства таких депозитных вкладов в 70-е годы, а в 80-е годы они стали практиковаться и во всей Северной Америке. С годами, когда трудящиеся поверили в то, что их деньги действительно находятся на их счетах, они начали переводить деньги с одного счета на другой, автоматически оплачивать свои счета и автоматически делать накопление сбережений и пенсионных вкладов. Если не считать компьютерных хакеров и технофилов, все же относительно мало людей активно пользуется электронными банками для своих частных счетов. Активно обсуждавшаяся идея проведения банковских операций среднестатистическим человеком с помощью домашнего компьютера и телефона оказалась еще более иллюзорной, чем это предсказывали футурологи и технофилы. Финансовые ин-

ституты сталкиваются с трудностями, когда предлагают технологии, которые людям нравились бы и которым они доверяли бы.

Электронные денежные системы по-разному эволюционировали в странах с разным уровнем развития. Немцы в основном предпочитают платить дебитными карточками и гораздо реже, чем американцы, пользуются кредитными картами. Европейцы никогда не пользовались чеками с таким же рвением, как американцы; многие из них перешли непосредственно от наличных к электронным карточкам, минуя эту стадию. Японцы, наоборот, предпочитают оплачивать даже крупные суммы наличными. Несмотря на эти различия, тенденция во всех развитых государствах и у финансовых элит всего мира направлена на отход от наличных расчетов и переход к электронным платежам, автоматической обработке и регистрации денежных сделок.

Электронные банковские операции, как оказалось, получили общественное признание во многих разных частях мира раньше, чем в северной Америке. К 90-м годам почти 100 процентов японских рабочих получали свою зарплату с депозитных вкладов через автоматы, и около 90 процентов рабочих в развитых Западноевропейских странах пользовались такими же услугами. Для сравнения — в Соединенных Штатах число таковых было примерно на одну треть меньше.

В Соединенных Штатах в 90-е годы электронные карточки постепенно заменяли как правительственные чеки, так и продовольственные талоны в некоторых районах. Электронные вклады выплат по социальному обеспечению помогли предотвратить кражи правительственных чеков из почтовых ящиков, но открыли путь к электронному мошенничеству бессовестных торгашей и просто уличных дельцов.

Когда разные страны расширили внутренние электронные системы передвижения денег, возникла необходимость в таком передвижении из одной страны в другую. В 1977 году в Брюсселе начало действовать Общество мировых межбанковских финансовых телекоммуникаций (8У71ПТ) для координации электронного движения денег сквозь национальные границы. 8УУ1ПТ превратилось в крупнейшую международную электронную систему, связавшую банковские системы почти сотни государств.

В ПОДДЕРЖКУ ТОРГОВЫХ АВТОМАТОВ

Изобретение денег 2500 лет тому назад ознаменовало начало эпохи монет. За ней последовала эпоха бумажных денег, которая началась примерно пятьсот лет тому назад, после изобретения печатного станка. Третье великое монетарное нововведение возникло в 1971 году. Именно в том году у одного банкира из Бурбанка в Калифорнии появилась идея: почему бы не использовать автоматы для денежных расчетов? Электронный банковский кассир мог выдавать деньги ночью и в выходные дни клиентам, которым было трудно добраться до банка в рабочие часы. После этого скромного новшества появились автоматические кассиры. В том же году биржевой рынок стал электронным после создания КАБПАО[^] компьютеризированной системы покупки и продажи акций; и одновременно Федеральные резервы начали экспериментировать с электронной системой депозитных вкладов через автоматы и производить денежные расчеты без необходимости выписывать бумажные чеки. Все эти вместе взятые события положили начало совершенно новому способу обращения с деньгами. Электронная сеть Федеральных резервов, местные банкоматы и увеличение числа компьютеров, связанные между собой, создали новую форму электронных денег.

После того как кредитные карточки упрочили свое положение в 70-е годы, банки начали экспериментировать с новыми карточками, используя разные технологии и внося небольшие изменения в их функции. Денежные карточки, обычно с магнитной полосой на оборотной стороне, возникли вначале как способ снимать деньги со счета клиентами банка через банкоматы, даже тогда, когда банк был закрыт. Таким образом, карточка действовала, главным образом, как электронный чек для получения денег. Карточка заменила сотрудника банка, а клиент имел тот же результат, получая деньги. Вскоре денежным карточкам было найдено новое применение. Уже в начале 1974 года в рамках экспериментальной программы Первый федеральный банк сбережений и займов Линкольна в Небраске установил аппараты для регистрации денег в супермаркете Хинки Динки. Клиентам больше не приходилось идти к банкомату за деньгами прежде, чем пойти в

магазин, чтобы купить продовольственные продукты за наличные. Владельцы продуктовых магазинов и банкиры ликвидировали этап, на котором нужно было получать наличные деньги. Отныне покупатели могли просто пропустить свою карточку через автомат владельца магазина, который вычитал точную сумму, указанную на счете в магазине, из банковского счета. На этом этапе карточка перестала быть лишь удобным способом получать наличные и превратилась в замену как наличных денег, так и чеков. Электроника значительно ускорила сделку между покупателем и продавцом, так как теперь больше не нужно было выписывать чек от руки для покупателя, а также потому, что торговцу больше не нужно было подтверждать чек. Банкам карточка может дать огромные новые доходы. Даже если банк берет всего лишь пять процентов за каждую сделку, миллион таких сделок в месяц даст банку 50 000 долларов процентов за услуги в дополнение к ежемесячной оплате клиентом карточного счета.

Величайшая надежность дебетных карточек и карточек наличных денег состоит в том, что они постоянно находятся на крючке у большой телекоммуникационной сети, которая чаще всего приводится в действие с помощью телефонных линий, связывающих компьютеры. Информация о каждой сделке должна передаваться в банк или в какие-то другие агентства по сбору информации, где она проверяется, принимается и только потом ее задействуют. Установление таких электронных связей было вполне прибыльным, когда речь шла о кассовых аппаратах, своим звоном возвещающих о крупных продажах в универсах, или отделах магазинов, или даже на газозаправочных станциях, но оно было слишком дорогостоящим для предприятий с небольшим оборотом. Карточки не очень помогали покупателю или торговцу управляться с огромным количеством монет и счетов за небольшие покупки, как, например, в автоматах и на стоянках для парковки машин.

Самое большое препятствие на пути более широкого распространения электронных денег создавали самые мелкие покупки, какие, например, производятся через автоматы. Машинный век и трудосберегающая технология XX века, изобретая автоматы, неумышленно тормозили эволюцию денег. На протяжении всего XX века распростране-

ние автоматов подняло огромную волну спроса на монеты, но расходы на содержание, транспортировку и подсчет монет составляли от 2 до 6 процентов от их стоимости.

Даже когда индустрия автоматов нашла способы оплаты покупок бумажными деньгами, расходы на их содержание продолжали оставаться высокими. Компания, которая должна собрать и транспортировать один миллион бумажных долларов, собирает, осматривает, подсчитывает и перерабатывает более тонны бумаги, разрезанной на мелкие кусочки. Введение денежных карточек исключило эти трудности.

В то же время, начав искать способы сокращения расходов на содержание монет, банки занялись и поисками путей расширения применения банковских карточек. Они тотчас же обратились к новому виду карточек с вделанным счетно-решающим блоком, содержащим разрешенную сумму денег. Эту карточку можно вставить в аппарат, и сумма, потраченная на покупку, вносится, не требуя электронного доступа к основным файлам банка, где обычно хранилась прежняя информация о наличии денег на карточке.

Сторонники так называемой «умной» карточки надеются, что она заменит многие рутинные ежедневные проплаты. Вставив карточку, вместо монеты или чека, в электронный приемник, оборудованный считывающим устройством, пользователь может купить через автомат газету, легкие закуски или напитки. Карточкой можно также пользоваться для телефонных звонков, для приобретения множества транзитных билетов и для многочисленных ежедневных мелких покупок.

«Умная» карточка обеспечивает точную проплату, устраняя тем самым необходимость разменивать деньги. Поиски правильной комбинации пенни, двадцатипятицентовых монет, пфеннигов, центаво или пенсов для покупок представляют собой одно из небольших, но постоянных неудобств для всех покупателей мира. Но то, что для покупателя является просто неудобством, для предпринимателя становится большими расходами и бременем. Предприятия должны постоянно держать разнообразные разменные монеты в запасе в кассовом аппарате; продавцы должны постоянно хранить и контролировать наличие мелочи в своих аппаратах; и все эти тяжелые монеты и

чеки нужно постоянно подсчитывать, складывать и транспортировать ценой больших расходов.

В середине 90-х годов денежные сделки составляли более 8 триллионов ежегодно, и почти четверть из них были сделками на сумму менее 10 долларов. Только в одних Соединенных Штатах покупатели совершают около 300 миллиардов сделок на общую сумму 455 миллиардов долларов ежегодно. Примерно 225 миллиардов из этих сделок, то есть 75 процентов всех денежных сделок составляют сумму менее 20 долларов. Это — выгодный рынок для всех, кто может найти способ заменить тяжелые деньги такой формой, которая и дешевле, и проще в обращении.

Поскольку блок «умной» карточки может хранить огромный объем информации вместе с суммами денег, она могла иметь электронные купоны с закодированным в них стимулом посетить магазины; она могла также продублировать карточку «лояльности» — такую же, какую постоянные клиенты получают от своих авиакомпаний, отелей, от аренды автомобилей, от ресторанов и других предприятий, которые предлагают авиабилеты, скидку и другие услуги, в зависимости от того, как часто клиенты прибегают к услугам именно данного предпринимателя.

Благодаря технологии, такая информация придает отношениям между предпринимателем и клиентом гораздо более индивидуальный характер. В будущем карточка могла бы включать информацию о прежних покупках клиента и перечень платежей, которую можно было бы использовать для вознаграждения в виде скидок и других привилегий. Такая программа нашла свое применение в казино и в игровом бизнесе, где пользуются проверенными карточками. Каждый раз, когда клиент оплачивает игровой аппарат, он вставляет в него свою карточку, которая ведет учет всех его оплат в игре. Тот, кто выигрывает с помощью такой карточки, получает большую выплату, чем тот, кто выигрывает без такой карточки. Даже те, кто не выигрывает, получают небольшой компенсационный приз, в зависимости от регулярности использования карточки.

Английский национальный вестминстерский банк распространил систему электронной оплаты под названием МОНДЕКС, сделав карточки более похожими на деньги и

позволив переводить деньги непосредственно с одной карточки на другую. Вставив карточку в небольшое, но технологически модернизированное устройство, пользователь может перевести любую сумму денег непосредственно на карточку предпринимателя. Предприниматель затем может сделать такую же электронную проплату следующему человеку. Электронные «всплески» продолжают передаваться от одного к другому, не прибегая к услугам банка. В конце концов карточку можно использовать для оплаты счетов по телефону или для того, чтобы снять электронные деньги с банковского счета и перевести их на карточку по телефону так же, как они перемещаются с одного банковского счета на другой. Вестминстерский банк представил эту систему на испытание в Суиндоне, Англия, в 1995 году и начал испытывать ее в Северной Америке в следующем году. «Виза» ввела более простой вариант денежной карточки во время Олимпийских игр в Атланте 1996 года.

ВОЙНЫ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ

К середине 90-х годов разгорелась серьезная борьба за контроль над вновь возникшей формой денег. Вступая в электронный век и переводя деньги по телекоммуникационным системам, банки действовали, скорее, как предприятия связи. Между тем предприятия связи обнаружили, что могут выполнять те же услуги и, таким образом, принимать на себя функции банка. Какая бы сторона ни одержала победу в борьбе за контроль, основу системы составляло обеспечение громадных прибылей от миллионов самых мелких денежных сделок. Победитель, установивший контроль над новыми электронными деньгами, получил бы право самостоятельно производить деньги.

Крупные игроки — компьютерные компании, банки, системы кредитных карточек, телефонные компании, компании кабельного телевидения и разнообразные группы лиц, объединенные общими интересами в торговле, начали заниматься надувательством в условиях разворачивающейся серьезной конкуренции. При таком большом количестве игроков на поле вскоре стало очевидно, что ни один из них не станет победителем; поэтому они вступили в

переговоры друг с другом с целью сформировать союзы и объединения по признаку общности деловых интересов.

В Соединенных Штатах большинство игроков происходило из корпоративного сектора. В Миннесоте, однако, даже правительство штата хотело в этом участвовать. Признавая значение безопасности и зная, что большинству торговцев требовались водительские права в качестве удостоверения, департамент транспорта хотел наложить магнитную полосу на водительские права, чтобы они были и удостоверением, и банковской карточкой.

Вариации такой же борьбы возникли одновременно на нескольких различных фронтах Северной Америки, Европы и в Тихоокеанском побережье. Технологически европейцы начали соревноваться несколько ранее других, поскольку они уже применяли такие карточки для оплаты звонков по общественному телефону и массового транзита. К 1995 году около 1,8 млрд. предоплаченных карточек использовалось в мире, составив что-то около 14 млрд. денежных сделок. Большинство этих карточек существовало в закрытых системах, таких как общежития при колледжах, парки развлечений, лайнеры для круизов, курорты или казино. Объем карточек представлял собой обширный рынок для любой компании, которая могла создать систему, объединяющую карточки таким образом, чтобы одна и та же карточка могла быть использована для оплаты телефонного звонка, проезда на метро, ланча и покупки газеты.

Несколько компаний сформировали системы для завоевания рынка. «Виза» экспериментировала с объединенной магазинной (840ges1-uaine) карточкой в Австралии, Аргентине и Чили. В Соединенных Штатах в 1995 году «Виза» ввела проездную карточку, которая заменила проездные чеки, хотя расчет был на то, что клиенты распространят ее применение также и на другие покупки. Планировалось впервые провести широкомасштабное применение таких карточек во время летних Олимпийских игр 1996 года в Атланте, в Соединенных Штатах.

Движение в направлении к электронным деньгам не было результатом общественного спроса людей, не удовлетворенных прежними формами денег. Источником технологических перемен стали предприниматели, искавшие

новый способ делать деньги. Изобретая способы более легкого и безопасного использования денег клиентами и предпринимателями и добиваясь успеха, они увеличивают свой доход. Однако, чтобы добиться успеха, производители этих новых денег должны обучить людей пользоваться ими, стимулировать их к тому, чтобы они опробовали новую систему, укрепить их доверие к ней, и только потом заменить ею прежнюю систему. Они должны заставить людей захотеть отдать предпочтение электронным деньгам в противовес наличным и чекам, к которым они привыкли. Один способ привлечь клиентов — это предложить им безопасность и освобождение от страха. Люди боятся носить с собой большие суммы наличных денег, потому что их легко украсть. В то же время карточки бесполезны для вора, у которого нет соответствующего удостоверения или номера, чтобы пользоваться ими.

Хотя безопасность может быть главным привлекательным моментом для новых клиентов, она также является величайшей опасностью для предпринимателей, банкиров и других спонсоров. Их продукция и услуги уязвимы для электронных краж и мошенничества, не представляющих опасности для наличных денег и традиционных чековых счетов. По большей части карточки для снятия наличных со счета привлекали внимание мелких мошенников-одиночек. Они могли долго околачиваться около банкомата, а потом ограбить постоянного клиента, снявшего деньги. Более современные мошенники наблюдали за тем, как клиент пользуется карточкой, чтобы прочесть номер удостоверения, а затем, применяя простой пластиковый бланк и правильный набор чисел, жулик мог опустошить счет клиента.

По мере усложнения электронных систем и затруднения процесса снятия денег, передвижения денег с одного счета на другой и произведения оплат через автомат, в область электронных денег начали вторгаться более современные преступные организации. Международный характер этих новых денег также обусловил уязвимость сделок, особенно когда они совершались бедными странами, где преступники могли получить доступ к системе посредством компьютерного взлома и обычных телефонных линий.

Большинство правительств мира не выказало решительной склонности к руководству сложным электронным

процессом, но разные правительственные агентства проявили необычайный интерес к сохранению своей способности отслеживать его. Налоговые ведомства, службы по борьбе с наркотиками, правоохранительные органы и другие признают, что новые электронные системы позволяют людям перемещать деньги тайно и быстро новым способом, не доступным традиционному банковскому делу.

Накануне XXI века конкуренция между соперниками резко обостряется, а с развитием новых электронных технологий может появиться еще больше новых конкурентов, в конфигурациях, которые трудно себе представить. В настоящее время борьба, похоже, происходит между конкурирующими частными интересами, но правительство более не может оставаться второстепенным игроком. Правительственные финансовые учреждения Германии, Японии и США в конечном счете обратят внимание на регулирование электронных денег. Электронные деньги, как представляется, сейчас находятся как бы в подвешенном состоянии, готовые заменить традиционные деньги для большинства целей. Развернувшаяся острая конкуренция финансовых интересов должна определить, какой из них перетянет потребителя на сторону электронных денег и кто даст потребителю карточку или их набор лучше, чтобы ими можно было пользоваться при покупке всего — от утренней газеты или напитка из автомата до оплаты проезда на метро и парковки.

Дебетные карточки и «умные» карточки предлагают более эффективный способ перевода денег; они функционируют как птица-тройка, но лошадей при этом заменяет компьютер и телефон. Полное применение электроники в денежных расчетах, однако, ждало, когда появится глобальный Интернет, неожиданно обретший огромную популярность в 90-е годы. Быстрое распространение международной компьютерной сети создало целый деловой рынок нового типа и новые виды денег для совершения сделок.

Интернет предоставил клиентам возможность заказывать товары по электронному почтовому каталогу и оплачивать их электронным способом, выписывая счет на традиционную кредитную карточку или выписывая электронные чеки на традиционный банковский счет. Энтузиасты

предсказывали, что торговый киберцентр вселенной поглотит большую часть торговых центров точно так же, как центры в основном заменили торговый район традиционной Мэйн-стрит. Первый всплеск коммерческого энтузиазма в отношении Интернета породил пророчества, что люди будут покупать продукты, находить модную одежду, подбирать подарок для бабушки и пополнять запасы винного погреба посредством заказов по компьютеру.

Однако по мере того как Интернет делался все более зрелым, становилось очевидным, что по многим социальным и практическим причинам он представлял лишь ограниченную угрозу отдельным предпринимателям. Электронные почтовые каталоги предоставляли возможность выполнения таких специальных задач, как пересылка подарков и цветов или заказ пиццы меньшинству клиентов, однако в обозримом будущем покупатели в большинстве своем предпочитали по-прежнему делать покупки традиционным способом. Хотя вино, драгоценности, хозяйственные товары или другие подобные товары не могли быть доставлены прямо в дома покупателей посредством компьютера, можно было доставить огромное разнообразие других товаров и услуг, таких, как компьютерное программное обеспечение, информация, новости, игры, распечатки статей и даже порнографию. Можно было пользоваться услугами для приобретения билетов на самолет, резервирования билетов на бейсбол или в оперу и осуществления других сделок, когда не требовалась передача по почте определенного товара. Те клиенты, которые уже сроднились с компьютером и новейшей технологией, могли осуществлять многие из своих традиционных банковских услуг таких, как оплата счетов или обращение за деньгами в долг. Они могли покупать акции и облигации, вкладывать или изымать деньги из общего фонда и контролировать свои пенсионные счета. Интернет предложил идеальный способ сделать то, для чего и были предназначены компьютеры — для обработки информации, и деньги все больше приобретали характеристики информации. В Интернете деньги не являлись чем-то осязаемым — это просто запись того, что определенная сумма была зарегистрирована на счете клиента или снята с него и переведена на определенный счет предпринимателя. Такую информацию можно хранить и переводить через ком-

пьютерную систему быстрее и эффективнее, чем какими-либо другими способами.

В 1995 году Банк Марка Твена и Первый банк Интернета начали действовать, скорее, как строго интернетовские банки, нежели как обычные электронные филиалы традиционных банков. В первые годы кибербанки казались новинкой компьютерным хакерам, потому что киберпространству все еще не хватало необходимой технологии, коммерческого спроса и общественного признания того факта, что происходит радикальный отход от традиционных способов обращения с деньгами, но в то время была заложена часть фундамента финансовых услуг нового поколения в Интернете.

Интернет был многообещающим в качестве финансового рынка, но вскоре стало очевидно, что сети требуется более усовершенствованная система оплаты, чем обычный перевод кредитной карточки и номера банковского счета, который преступники могли легко перехватить, скопировать и использовать. Компьютерщики всего мира стремились развить системы *о{ тспрИоп* и способы гарантированной безопасности платежей, поэтому почти сразу же они начали искать способы изобретения полностью электронных денег, которые можно было создать в киберпространстве и которые могли существовать только в киберпространстве. Клиенты могли бы пользоваться традиционной валютой для приобретения этих цифровых долларов нового образца, электронных денег, киберденег, как бы они ни назывались. Клиенты имели бы счета с депозитными вкладами киберденег и могли пользоваться ими для покупок и продаж в киберпространстве. По мере развития киберэкономики услуги могли бы осуществляться и оплачиваться в киберпространстве киберденьгами, и, таким образом, лишь часть этой электронной валюты нуждалась бы в конвертации в условную валюту, и наоборот. Новая валюта не заменяла полностью ни прежние виды денег, ни традиционные банковские счета, однако она добавляла еще один пласт финансовых сделок и еще один набор счетов к тому, к чему люди уже привыкли. В недалеком будущем многие, вероятно, будут держать деньги на киберсчетах так же, как они уже держат разнообразные счета в таких финансовых институтах, как банки сбережений и

займов, просто банки, кредитные объединения, биржевые фирмы и пенсионные системы.

Вначале коммерцией киберпространства по большей части будут управлять, скорее, предприятия и крупные институты, взаимодействующие друг с другом, а не массовый потребитель, но постепенно коммерция распространится на массовый маркетинг товаров и услуг. Электронные деньги скоро вторгнутся в другие области жизни и распространятся и на другие социальные цели использования денег. Бабушка сможет послать электронную карточку с электронными деньгами ко дню рождения внука, которая попадет прямо на экран его компьютера и будет либо положена на киберсберегающий счет в колледже, либо использована для покупки того, что внук захочет купить в киберпространстве. Любителю азартных игр отныне не понадобится ехать в казино, чтобы поиграть с игральным аппаратом, или идти в местный магазин, торгующий предметами первой необходимости, чтобы приобрести лотерейный билет; в такие формы азартных игр можно будет без труда играть в Интернете. Клиенты смогут покупать лотерейные билеты всего мира, играть, например, в казино Монте-Карло или Турции.

Как и всегда во времена радикальных технологических и социальных нововведений, в первые годы Интернета было предложено и опробовано много проектов, связанных с деньгами нового типа. Оказалось, что некоторые из них, наиболее логичные, непригодны, а другие, самые странные, вполне отвечают потребностям новой развивающейся системы. За очень короткое время будут разрешены важные технологические, политические и культурные проблемы применения электронных денег в Интернете, и новые киберденьги обещают сыграть важную роль в экономике XXI века.

По мере обретения зрелости новые деньги будут порождать собственные проблемы и преступления вдобавок к проблемам и преступлениям электронных краж и подделок. Поскольку киберпространство не существует нигде и одновременно существует повсюду, можно совершать сделки со всем миром в одно мгновение. Киберсчет можно открыть в Швейцарии или на Каймановых островах так же легко, как в банке за углом. Трудность в установлении

точного места сделки будет создавать все больше проблем для местных правительств в отслеживании и обложении налогом этой сделки. Это же будет затруднять контроль за движением денег и еще больше стирать различия между легальным и нелегальным бизнесом.

Каждая электронная сделка дает возможность определить сумму налога. По всей вероятности, эта сумма будет значительно меньше традиционной платы за пользование кредитной карточкой или взимаемой банками за обналичивание чеков или пользование банкоматами, но ожидаемый объем подобных сделок будет давать громадные прибыли. Компании, которые контролируют этот процесс, получают возможность делать деньги через налог на право выпуска денег — это прибыль, которую правительства традиционно извлекали из печатания денег. Электронный налог на право выпуска денег будет ключом к накоплению богатства и власти в XXI веке и, как таковой, он представляет собой радикальный отход от XX века, когда большинство людей чувствовало себя весьма комфортно при системе, при которой правительство чуть ли не монополизировало процесс создания денег и контроль над ними.

На современных рынках, тесно взаимосвязанных между собой, происходит острая закулисная борьба за контроль над деньгами. Ключ к власти в будущем лежит не просто в господстве государств с огромной территорией и большой численностью населения и не в господстве многонациональных корпораций, охватывающих весь земной шар. Гораздо важнее вопрос — кто будет контролировать создание и распределение самих денег, субстанции, на которой основано все богатство государств, власть корпораций и успех отдельных личностей.

Как известно из истории, за контроль над деньгами всегда велась острая борьба, ибо контролировать производство и распределение денег — это значит контролировать богатства, ресурсы и население мира. Со временем конкуренты объединились в различные группы, институты, правительства, банки, гильдии, корпорации, религиозные ордена и большие семьи; но, начиная с первой отчеканенной монеты и до сегодняшнего дня борьба не прекращалась никогда, делая лишь короткую передышку не более чем на столетие или два.

Войны за деньги иногда в буквальном смысле велись крупными армиями, танками, военными кораблями, бомбардировщиками и ракетами на великих полях сражений. В иные времена войны имели, скорее, метафорический, но не менее серьезный смысл — это были битвы в частных агентствах, в корпорациях, в судах и залах законодательных органов, а также на этажах крупных фондовых и торговых бирж всего мира. Стоит затихнуть битве на одной арене, как ее действующие лица со своими интересами перемещаются на другую, где начинают воевать по новым правилам и новым оружием.

На протяжении всей истории, когда казалось, что какие-нибудь из групп или институтов устанавливали контроль над деньгами, игрок-аутсайдер изобретал другую форму денег, основанную на новой технологии, и начинался новый виток борьбы. Чеканку монет вытеснили более простые примитивные деньги. Банковское дело и бумажные деньги подорвали широкое распространение монет, а сегодня мы переходим к электронной валюте, борьба за которую только начинается, и крупные игроки путем обмана и хитростью пытаются занять позицию на игровом поле для участия в великом состязании, которое обещает грядущий век.

НАЗАД К ПРИМИТИВНЫМ ДЕНЬГАМ

Электронные деньги предлагают пользователю держать деньги на выбор — в долларах, марках, иенах или в любой комбинации валют. В недалеком будущем финансовые корпорации смогут предложить собственные электронные деньги, конкурентоспособные по отношению к национальным валютам, которые сегодня в ходу. Могут быть изобретены частные валюты, основанные на золоте, на специфическом сочетании товаров или валют, или просто на репутации и финансовой мощи кого-то или чего-то, выпускающего деньги. Мы можем иметь валюту городской корпорации, иену Ямамото или талеры дрезденца, при этом каждая из них будет основана на финансовой мощи и репутации того, кто ее поддерживает.

Электронная система делает деньги более персонифицированными, хотя при этом связи между клиентами и пред-

принимателями становятся менее персонифицированными. Появляется большое разнообразие форм электронных денег по сравнению с традиционными: электронные наличные, электронные деньги, киберналичные, цифроналичные, кибербаксы и еще столько разных форм, сколько угодно людям. Рыночные силы вытолкнули многие из этих новых денег из сферы потребления, но, скорее всего, они станут деньгами специального назначения, а не просто их число будет сокращено до нескольких наименований, подобно тому, как это произошло с кредитными картами, которые свелись к картам «Виза», «Дискавер», «Мастеркард» и некоторым другим. В недалеком будущем потребители, вероятно, будут пользоваться несколькими видами электронных денег, в зависимости от вида услуги или продукта, который они покупают. Живые электронные деньги на проводе телеграфа будут дополняться несколькими видами денежных карточек в кармане или, по крайней мере, несколькими видами счетов на одной-единственной карточке.

Электронные деньги похожи на разнообразные формы примитивных денег — раковины каури, зубы животных и бусинки, — но при этом позволяют отдельным личностям в большей мере контролировать свое создание и применение. Новые деньги имеют больше источников, и с ними можно обращаться по-разному. Они обладают гораздо большей гибкостью, чем та, которой правительства и банки наделяли металлические или бумажные деньги в последние два тысячелетия.

Изобретение новых способов производства денег и «около-денег» частными заведениями означает, что деньги могут стать гораздо более разнообразными, чем были до сих пор. Каждое изменение в технологии производства денег создавало дополнительно новый тип денег и способствовало его распространению на новые области применения; но эти изменения не отменяли старых форм. Монеты пережили введение бумажных денег. Даже сегодня, когда никто не пользуется золотыми монетами в повседневной жизни, в банковских сейфах и в домах спрячено больше золотых монет, чем в какое-либо другое историческое время. Бумажные деньги просто стали дополнительной новой формой денег. Бумажные деньги изменили роль золотых и серебряных монет, но они не

отменили их пригодность. Подобным же образом электроника добавила новые виды денег, не отменяя бумажные деньги или монеты. Кроме того, сейчас в обращении во всем мире находится больше бумажных денег, чем когда-либо в истории.

Электронные деньги обещают еще больше повысить роль денег в обществе, чем это могли сделать металлические, бумажные и пластиковые деньги. Люди найдут такое новое применение электронным деньгам, какое даже трудно вообразить и какое было невозможно при первых формах денег.

Люди пользовались деньгами в течение двадцати пяти веков. За это время деньги с переменным успехом то развивались, то приходили в упадок, от них то отказывались, то их снова возрождали, их стоимость то понижалась, то вновь восстанавливалась, переживала инфляцию и депрессию. После особенно длительного и успешного периода традиционного обеспечения денег золотом и серебром произошла их новая мутация в XX веке в невидимые электронные импульсы, которые, как казалось поначалу, были не чем иным, как просто более эффективной, современной разновидностью чернил для записи чисел и информации. Но эта новая мутация оказалась гораздо более гибкой, чем это могло быть предсказано каким-нибудь ученым, предпринимателем, гуру или медиумом. Освободившись, наконец, от ограничений времени и пространства, от контроля данного правительства, объединения корпораций и даже обычных законов экономики, деньги вышли на новый уровень развития и превратились в совершенно новую сущность. Деньги никогда не будут снова тем, чем они были раньше.

В XX веке мы видели, как деньги быстро превращаются из бумаги в пластик, а затем в простые электронные «всплески», которые генерируются компьютером, передаются по телефонным линиям и через компьютерные терминалы, и не имеют никакой телесной оболочки вне электронного пространства. На протяжении всей истории деньги имели тенденцию к превращению в некую абстракцию. Перемещаясь со скоростью света, электронные деньги стали самой мощной финансовой, политической и социальной силой в мире. Деньги стали больше

похожи на божество, совершенно абстрактное и бестелесное.

На письменном столе Гарри Трумэна было записано известное изречение: «Доллар заканчивается здесь». Периодически правительственные чиновники из Казначейства и Управления печати и гравирования соответственно записывали собственное изречение, гласящее «Доллар начинается отсюда». Сегодня электронный доллар не начинается и не заканчивается — он находится в постоянном движении.

На тихоокеанском острове Яп группы островов Западные Каролины, к юго-западу от Гуама, можно найти самые большие по размеру деньги в мире. Традиционные деньги здесь несколько напоминают большие мельничные жернова: они состоят из круглых песчаных плит с квадратными отверстиями в центре. Некоторые из них достаточно малы, так что их может поднять даже ребенок, но другие настолько велики, что даже самый высокий мужчина на острове кажется карликом рядом с ними. В древности обитатели острова добывали огромные глыбы песка в нескольких сотнях миль от острова Билау и переправляли их на Яп через открытый океан на больших двухместных каноэ.

Аристократический класс острова Яп владел каменными деньгами и использовал их в ритуальных целях. В повседневной жизни обычные люди использовали в качестве денег разные, более дешевые и легкие ракушки. Но и они делились на категории в зависимости от цвета: более редкие голубоватые ракушки ценились выше, чем обычные желтые. Чем ниже было положение в социальной иерархии, которое занимал человек, тем ниже статус денег, которыми он пользовался.

Хотя образцы гигантских каменных денег острова Яп теперь можно увидеть в разных музеях мира, большая их часть остается на острове, где местные жители выстраивают из них как бы большой каменный забор по обочине дороги, который представляет собой традиционный общественный банк. С годами периодически один их владелец сменяется другим, но камни остаются лежать на том же самом видном месте.

Камни и раковины острова Яп по-прежнему составляют важную часть традиционной национальной культуры, но люди, проходящие мимо них, также пользуются американскими долларами или японскими иенами. Они охотно пользуются проездными чеками, расходными книжками, счетами с предоплатой и электронными переводами средств. Каменные деньги острова Яп, однако, по-прежнему служат драматическим напоминанием о другой системе, которая функционировала и господствовала практически в каждой области социальной и культурной жизни острова, а теперь сохраняется лишь как тень прежнего могущества и величия. Монетарную историю острова можно рассматривать как один из пластов при археологических раскопках, поскольку одна система выросла из другой, заменив свою предшественницу.

В некотором смысле новые электронные деньги, возникающие сегодня в мире, похожи на старую систему острова Яп больше, чем на ныне действующую систему национальных валют. Поскольку система национальных денег, контролируемых правительством, замкнута в киберпространстве, формируется целый новый рынок, на котором множество разных видов денег действует одновременно. Подобно древним людям с острова Яп, будущие пользователи денег столкнутся с ошеломляющей массой денег разнообразного вида, предназначенных для разного, иногда весьма специфического употребления. Подобно разноцветным раковинам и песчаным глыбам разного размера, деньги будущего появятся в разных размерах и формах, которые будут зависеть от страны происхождения в меньшей степени, чем от класса и типа личности, пользующейся ими.

Сегодня мы стоим в конце этапа длительного исторического процесса развития, во время которого деньги превратились из ракушек и товаров в сложную глобальную систему. Мы также стоим у истоков эпохи, которая обещает стать величайшей социальной и культурной революцией с момента изобретения денег.

17. Искусство валютного террора

*Иисус вошел в храм Господа
и... перевернул столы денежных
менял.*

Мф. 21, 12

*Бизнес, который не производит
ничего, кроме денег, — это
плохой бизнес.*

Генри Форд

Призрак бродит по миру — призрак денег с их нематериальным, электронным присутствием, не имеющих ни формы, ни внешности, а лишь размеры и объем. Голодный призрак рыщет по земному шару и днем, и ночью; ему неведомы ни национальные границы, ни времена года. Этот странный зверь появился на мировой арене так недавно, что у нас еще даже нет для него имени. Призрак, который бродит по миру, представляется большим, но невидимым облаком денежной энергии, которая переходит из одной валюты в другую при легком щелчке электронного переключателя или в рамках компьютерной программы. Он так же близок, как кредитная карточка, телефон или компьютер, и все же так далек и также не поддается контролю, как время. В нем сочетаются самые заветные желания, страхи и вера человечества.

На рассвете XXI века мы пришли к пересечению отношений между обществом и деньгами — этой кажущейся живой силы, которую создали люди, но, которой, похоже, они не в состоянии управлять. Деньги стали глобальным изобретением и чекой (сдерживающим стержнем) экономической системы, которая господствует в каждой части мира. Теперь, когда мировой коммунизм рухнул под грузом собственной тяжести, капиталистическая система, построенная на деньгах, восторжествовала на всем земном шаре. Деньги господствуют не только в экономических системах производства, собственности, труда и потребления, но оказывают важное влияние почти на каждый аспект частной жизни. После прелюдии, продолжавшейся более двух тысяч лет, в течение которых люди создавали

искусные и разнообразные формы денег и учреждали широкий спектр институтов, связанных с ними, мировая история вступила в кибервек, который также может быть и веком денег.

Возникновение глобальной электронной денежной системы со свободно плавающими валютами мира позволяет переводить миллионы долларов из одной валюты в другую мгновенно, в любое время и в любой день года. К 1995 году объем сделок, совершенных в этих бездомных электронных деньгах, превзошел сумму в 1,3 триллиона долларов в день, пока предприниматели отказывались от доллара, укрепляли марку, потом увлекались иеной или еще какой-нибудь популярной в данный момент валютой где-нибудь в самых отдаленных уголках мира.

Объем сделок, измеряемых триллионами, трудно осознать, но если превратить их в однодолларовые банкноты, сумма в 1,3 триллиона весила бы полтора миллиона тонн — это вес более чем тридцати двух стальных кораблей размером с «Титаник». И при этом новым деньгам не нужны флотилии кораблей для доставки их во все районы мира, потому что их доставка осуществляется в одно мгновение.

Призрак электронных денег приобретает больше власти, чем крупнейшие банки или корпорации; они даже способны заставить политиков самых развитых экономик мира смиренно и раболопно подчиняться их сумасбродной воле и непредсказуемому движению. Направление их движения определяется тысячами предпринимателей вместе с миллионами отдельных личностей, которые ежедневно делают свой выбор, например, американцем, решившим купить японский автомобиль, или русским, покупающим корейский телевизор, немцем, пользующимся русским природным газом, или японцем, подбирающим американскую компьютерную программу.

Каждую секунду тысячи предпринимателей, и еще большее число компьютеров находятся в состоянии готовности отреагировать на рынок, купить или продать, лишь только числа выстроятся в определенном статистической программой порядке. Благодаря множеству практически одновременных решений людей всего мира создаются большие запасы электронных денег, которые перемещаются, подобно стае птиц, хорошо обученных и мгновенно от-

правляющихся в полет, устремляясь в одном направлении, но готовых изменить направление на середине реки. Эта валютная стая летает по земле ночью и днем, высвечиваясь то здесь, то там, а затем снова снимается с места и устремляется к другому водоему или полю на другой стороне мира.

КОМПЬЮТЕРНЫЕ МАЛЫШИ

Работа предпринимателей типичных контор, занимающихся валютными операциями, выглядит попеременно то скучной праздношью, то великой активностью. То они в течение какого-то времени расслабляются, положив ноги на стол, попивая кофе, почитывая журналы, играя в видеоигры, слушая через наушники громкую рок-музыку, шутя и бросая резиновый мячик в крошечную корзину. То уже в следующий момент срываются с места и начинают действовать так, словно на них внезапно напал рой пчел. Настоящий центр их внимания находится не в самой комнате, а скорее, в киберпространстве, которое они видят перед собой на экранах многочисленных мониторов и терминалов. Неожиданно они начинают что-то кричать одновременно в две или три телефонных трубки, бегая от одного монитора к другому. Такие приступы деятельности могут продолжаться несколько минут или несколько дней.

Иногда на протяжении всего дня предприниматели не могут сделать перерыв на обед или даже ненадолго оторваться от экранов и телефонов, чтобы перекусить сэндвичем или чипсами и выпить что-нибудь, что лежит у них под рукой на столе. Иногда у кого-нибудь рука освобождается ровно на столько времени, чтобы успеть схватить чашку остывшего кофе, стоящего на столе.

Рынок без границ никогда не открывается и не закрывается, он просто пульсирует. Он не отличает зимы от лета и не знает ни дня, ни ночи. Он никогда не имеет отпуска, праздников, сиесты или даже перерыва на ланч. Когда в Швейцарии банки закрываются на ночь, уже открыты для бизнеса валютные учреждения в Токио или в Сиднее. Когда в Шанхае во время национального праздника закрываются торговые дома, соответствующие заве-

дения Лондона и Нью-Йорка продолжают гудеть. Когда американские предприниматели прерываются на обед в День благодарения, а европейские конторы закрываются на Рождество, торговая деятельность в Бомбее, Тель-Авиве, Гонконге и Сеуле продолжает пульсировать. Какие-то учреждения открываются и закрываются, а отдельные предприниматели то подключаются к линии, то отключаются от нее, но рынок продолжает оперировать каждую тысячную долю секунды каждый день. Для того чтобы удовлетворить потребности такого рынка, крупнейшие игроки валютного рынка должны сохранять активность в течение всей ночи. В глубине интерьеров нью-йоркских банков, торговой биржи Чикаго и брокерских контор Лондона, где нет окон, но искусственно поддерживается климат, под потолком с ярким флюоресцентным освещением, среди постоянно мерцающих компьютеров, пронзительных электронных сигналов и зуммеров, предприниматели работают двадцать четыре часа в сутки.

Валютный рынок сегодня — это крупнейший рынок в мире. Деньги, которые обмениваются на валютном рынке, превосходят валовой национальный продукт главных экономик мира за целый год. Только за год через один торговый центр, подобный Чикагской торговой бирже, проходят валютные операции на сумму, которая превышает объем валовой национальной продукт всего мира.

XX век начался лишь с нескольких валютных систем в мире, и все они были привязаны к золоту. В конце века было уже почти двести национальных валютных систем — от американского доллара до местных валют, которые не имели хождения за пределами региона, находившегося под управлением их собственных национальных правительств. Каждая новая валютная система создает благоприятные возможности для новых спекуляций, но валютные системы Западной Европы, Северной Америки и Японии продолжают оставаться главными, при том, что в игру периодически вступают и выходят из нее другие валюты.

Валютный рынок охватил весь мир подобно сети и, как любая сеть, он имеет некие связующие узловое звенья особого значения, такие, как отдел Международного валютного рынка на Чикагской торговой бирже и Филадельфийской бирже акций, на двух крупнейших торговых

рынках валютных фьючерсов (срочных контрактов) в Соединенных Штатах. До пятисот предпринимателей может собраться на многоярусных этажах чикагского отдела, и, подобно торговцам на любом рынке, они кричат, подают сигналы, выделяясь своей одеждой, которая связывает их с теми, с кем они рассчитывают сделать бизнес, то есть продать валютные фьючерсы. Торгуя будущими желудками барашков, соевыми бобами или золотом, валютные торговцы продают право купить валюту определенной страны по определенному тарифу в определенный день в будущем.

Если предприятие заказывает товары на сумму миллион иен с поставкой в течение года, предприятие-заказчик не желает рисковать, потому что за год иена может подорожать на 15 процентов. Чтобы обеспечить возможность получения миллиона иен по разумному обменному курсу, они покупают валютные фьючерсы, которые гарантируют их право покупать иену по определенной цене в долларах в будущем году. Если стоимость иены возрастет, тогда приобретение валютного фьючерса экономит их деньги. Если иена не повышается в цене, тогда стоимость валютного фьючерса служит как страховка. В мире постоянно меняющихся цен на валюту рынок фьючерсов позволяет отдельным предпринимателям лучше представлять себе диапазон цен и доходов на предстоящих международных торгах.

Пока валютные торги способствовали развитию коммерческой деятельности, они имели место в устаревших офисах чиновников банков и других финансовых институтов. Они происходили в дальних комнатах, где для обмена валюты требовались лишь основные канцелярские навыки и немного воображения; чуть ли не единственной ошибкой, которую можно было сделать, была ошибка в расчетах. С этой тихой заводью было покончено 16 мая 1972 года, когда открылся «валютный отдел» Чикаго в качестве первого рынка валютных фьючерсов.

Хотя отделы, занимавшиеся торговлей валютой, казалось, разрывались на части от работы, в целом их участие в валютном рынке снижалось. По сравнению с новым закулисным рынком киберпространства прежние рынки, где сделки осуществлялись на межличностной основе, являются динозаврами мирового валютного рынка. Неважно,

сколько электронного оборудования будет задействовано и насколько придирчиво будет подобран цвет пиджаков сотрудников, все же эти рынки открываются и закрываются, и больше часов в неделю они не открыты, а закрыты. В середине 1995 года опционы на всей Филадельфийской бирже в среднем составляли жалкие 1, 5 миллиарда долларов в день, едва дотягивая до суммы, необходимой для игры по крупному на рынке, где прокручивались триллионы долларов.

В условиях колебаний стоимости валюты, предлагаемой на открытом рынке, усовершенствованной компьютерной технологии и спутниковой связи, ни один центр не может доминировать на валютном рынке так, как несколько крупных центров доминируют на рынках акций, на товарных рынках, на рынках страхования и в банковском деле. Сегодня информация со всех этих рынков стекается к немецкому бизнесмену в Сингапуре и одновременно поступает к французскому брокеру на бирже, проводящему отпуск в круизе по Карибскому морю, к эксцентричному австралийскому миллиардеру-отшельнику и в инвестиционный клуб домашних хозяек в Миннеаполисе.

Валютный рынок отличается от всех прочих в другом, даже более фундаментальном отношении. На других рынках предприниматели обменивают товары на деньги, но на валютном рынке биржевики обменивают деньги одной страны на деньги другой, и никакие другие товары в сделке не участвуют. Что им нужно, так это поторговаться в отношении предлагаемой цены и запросить свою цену. Им не нужно оговаривать вопросы системы мер — метрической или американской, желательного электрического напряжения, путей доставки и дат поставки. Оговаривается лишь одно — величина денег. Обмен в тот же день или через год будет производиться мгновенно, с помощью электроники. Таким образом, валютный рынок — самый чистый из всех. Он представляет собой сделку без участия каких-либо товаров. Не будучи связанным с необходимостью что-либо сажать, сеять, убирать урожай, транспортировать, производить или обменивать, валютный рынок не знает никаких промедлений — его сделки совершаются мгновенно. Электронные импульсы несутся по всему миру со скоростью света, и тут же доллары устремляются из

Сингапура в Сан-Паоло, поток иен направляется в центральный банк Заира, турецкие фунты летят в Германию, а южноафриканские рэнд превращаются в канадские доллары.

Даже при наличии телеграфа и телефона нужно было время для того, чтобы объявить о повышении процентных ставок Английским банком в Нью-Йорке, Сиднее, Буэнос-Айресе и Кейптауне. Если контора закрывалась на ночь или на выходные дни, новости не регистрировались еще несколько дней, и еще несколько дней уходило на публикацию информации в газетах и ее распространение в самых отдаленных уголках страны. В таком мире доминировало несколько нервных центров финансовой жизни, и один регион, вначале лондонский Сити, а позже Сити Нью-Йорка, доминировали в мировой экономике. Банкиры, чиновники и советы директоров, связанные между собой в системы, информировали друг друга об изменениях путем личных телефонных звонков, но общественность в целом была вынуждена подбирать информацию на дне океана. В том мире сами валютные системы менялись очень медленно по времени, лишь после длительных размышлений правительство принимало такое решение. Поскольку каждое государство привязывало свою валютную систему к золоту, серебру или к более сильной валюте, такой как американский доллар, английский фунт или французский франк, стоимость мировых валют оставалась одной и той же не только в течение нескольких лет, но в течение десятилетий.

Быстрое перемещение валюты основано на неосознанных настроениях, на интуиции и предрассудках. Такие перемены часто отражают доверие инвесторов к лидерам страны в какой-либо определенный момент. Инвесторы доверяли Рональду Рейгану, и он действовал так, как действовал, поэтому обменный курс доллара был выше во время его президентства, чем это было оправдано объективными факторами. Инвесторам не хватило такого же доверия к Джорджу Бушу и Биллу Клинтону, что и привело к падению доллара.

Подобные неосознанные факторы, возможно, объясняют около 75 процентов валютных колебаний, в то время как примерно 25 процентов может быть соотнесено с под-

линными, подкрепленными расчетами, экономическими факторами и статистическими показателями.

Та же технология, которая распространяет новости так быстро по земному шару, позволяет получателям новой информации быстро принимать рыночные решения, вне зависимости от того, сидит ли биржевик на самой оживленной бирже Амстердама или звонит по сотовому телефону из Патагонии. Спекулянты, играющие на бирже, могут покупать и продавать валюты повсюду в мире, ударяя по нескольким компьютерным клавишам или меняя карточку, но для тех, кому даже такая процедура может показаться слишком медленной, автоматические компьютерные программы помогут разрешить такие простые задачи. Биржевики устанавливают компьютеры таким образом, чтобы они автоматически продавали доллары, если цена на них упадет ниже или поднимется выше определенной цифры. Учитывая, что каждый биржевик волен записать индивидуальную биржевую стратегию, компьютерные программы принимают весьма разнообразные формы и перерабатывают огромную информацию. Программы выверяют изменения в потоке стоимостей валюты, так же как и соответствующие процентные ставки, уровни правительственных заимствований, стоимость товаров, подъем и падение торговых балансов, а также изменения в конструкции новых домов, корпоративные прибыли и любой другой фактор, например, температура и выпадение осадков в сельскохозяйственных районах или счет в игре с участием любимой спортивной команды.

ВЕЬЫШ 0ММ1Ш Ш ОЙШЕ8

В конце 80-х и в 90-е годы международный валютный рынок предоставил финансовым институтам возможность делать деньги с участием гораздо меньшего числа служащих. Банк, применявший традиционные методы и обеспечивавший традиционный спектр потребительских услуг, нуждался в целой армии работников, около 5 тысяч человек, чтобы управлять депозитами, займами и другими вложениями на сумму 10 миллиардов долларов. Отдел численностью лишь в 20 человек, однако, мог управ-

лять такой же суммой денег на валютных рынках, экономия тем самым заработную плату, расходы на обучение, административные расходы 4980 служащих. Каждый три дня через финансовые институты Сити Нью-Йорка проходит столько же денег, сколько через все главные американские корпорации за весь год. За месяц через их руки проходит денежный эквивалент удвоенного мирового ежегодного промышленного продукта.

К середине 90-х годов биржевая валютная деятельность стала быстрее способом делать деньги. Она последовала за рядом разных фантазий — от арбитража и ненужных облигаций до обесцененных фермерских земель. Некоторые из крупнейших международных корпораций делали больше денег на валютных спекуляциях на бирже, чем не производстве или торговле своими обычными продуктами. Финансовые институты от крупных банков до окружных правительств и общественных колледжей спекулировали валютой на бирже, чтобы получить быструю прибыль. Многие крупные производственные и торговые компании получали огромные прибыли не от того, что они производили или продавали, а в помещениях биржи, играющей на мировом валютном рынке.

Хотя мировой валютный рынок теоретически широко открыт для любого потенциального игрока, в реальности игроки первого эшелона, как правило, молодые одинокие мужчины. Только молодые, кажется, способны на чрезмерный риск, связанный с десятками миллионов долларов, которыми оцениваются авуары других людей. До женитьбы, не обремененные семейными обедами, курсами для будущих родителей, домашними заданиями детей и музыкальными концертами, молодые одинокие мужчины могут все свое внимание и запас жизненных сил всецело посвятить круглосуточному рынку.

В силу ли генетических особенностей (состояние охотника на равнинах Африки) или вследствие сексуальной склонности женщин к выращиванию детей, модной в современном обществе, но мужчин больше, чем женщин, привлекают бешеные, похожие на игру абстракции и соревнование на валютном рынке. Для них рынок — это все равно, что Кубок мира, Суперкубок и мировая серия, разворачивающаяся в непрерывном соревновании, которое

всегда имеет точный счет, но никогда не имеет финальной подачи, четвертой четверти или победителя в финале. Следующий же момент всегда может стать таким, который предложит благоприятную возможность играть всю жизнь. В этом мире киберпространстве, похожем на игру, деньги становятся просто способом поддерживать точный счет, так как накачивающие адреналин и жадно глотающие кофеин конкуренты продолжают игру днем и ночью до тех пор, пока они не вынуждены уйти с поля из-за умственной усталости и физического истощения. И тогда игра продолжается с участием новых игроков, даже не замечив, что усталые игроки ушли спать или что прежние игроки надолго ушли в брак, воспитание детей и более спокойную дневную работу за большим письменным столом в офисе, обшитом панелями.

Хотя валютный рынок традиционно действовал как способ ускорить движение коммерческих товаров из страны в страну, он постепенно по праву стал крупным игроком. Теперь на рынке господствуют, скорее, финансовые, чем коммерческие интересы. Теперь это движение большого тела самого капитала, а не движение товаров, которое устанавливает ставки валют. Коммерческие интересы должны просто приспособливаться как можно лучше к колеблющимся ставкам. Более крупную и быструю прибыль можно получить на финансовых рынках, чем на коммерческих, потому что финансовую собственность можно передать мгновенно электронными средствами, в то время как поток товаров между странами может потребовать недели или даже месяцы. Поскольку финансовый рынок предлагает более быстрые и крупные прибыли, он оттягивает больше инвестиций из областей, производящих реальные товары и услуги.

Финансовый рынок обладает сверхчувствительностью и остается постоянно настороже, готовый откликнуться на малейший вызов. Склонность к быстрым и интенсивным действиям побудила некоторых биржевиков заговорить о нем, как о «горячих деньгах». Даже в том случае, когда нет причин для заинтересованности или движения, рынок остается подозрительным, как беспокойный зверь, наостривший уши, держащий нос по ветру и всегда гото-

вый к прыжку. В таком состоянии повышенной бдительности малейший звук или движение ночью, реальные или воображаемые, побуждают рынок к энергичным действиям, и единственный известный рынку способ действий — это полный ход. Даже если ничего более не происходит в финансовом мире крупных игроков, рынок может обратиться в бегство из-за ожидаемого дефолта албанских облигаций, из-за подземных толчков в российской автономной республике Тыва, из-за сообщений о ссоре в саудовской королевской семье или из-за ожидаемого банкротства банка в Лиме, штат Огайо, или изменений в составе совета директоров страховой компании в Монтевидео, Уругвай.

Несмотря на модернизированную электронную технику и отсутствие специального места и определенного времени действия, рынок не безлик. Он даже более чутко и бурно, чем другие разновидности рынка, реагирует на субъективные факторы, мнения, страхи и надежды. Это происходит потому, что их рынок настолько распылен и механистичен, что многие из главных игроков постоянно поддерживают связь друг с другом по телефону. Они звонят своим торговым партнерам в Нью-Йорке, Сингапуре, Женеве, Франкфурте, Сиднее и Токио в надежде обнаружить какую-либо небольшую тенденцию за несколько минут до того, как она проявится в числах на экране или о ней будет сообщено публично по международной финансовой сети. Крупнейшие игроки должны знать своих партнеров и знать, как истолковать то, что они говорят, так же, как и то, что они делают. Говорит ли человек на другом конце телефонного провода нечто важное, передавая конфиденциальные сведения в надежде на помощь в будущем или отплачивая за помощь в прошлом, замышляя месть или повторяя безосновательные слухи. Отдает ли он отчет о значении того, что говорит, или просто заполняет радиоволны праздными мыслями в ожидании следующего раунда интенсивных действий?

Чтобы получить даже небольшое преимущество над другими игроками, каждый биржевик должен иметь десятки контактов в мире и уметь точно их оценивать. На валютном рынке не действуют постоянные команды, но отдельные биржевики отчаянно нуждаются во взаимодействии друг с другом, чтобы произвести рыночные расчеты

Игрок на рынке постоянно сканирует разрозненную информацию, общие перспективы и неопределенные позиции, которые нельзя вычислить или заложить в компьютерную программу. Кропотливо собирая из разрозненной информации единое целое в постоянно меняющемся поле, игроки надеются оставаться хотя бы на несколько секунд впереди других.

306

Для валютных брокеров менее важно знать реальное значение новой информации, чем предвидеть, как на нее отреагирует рынок. Даже если биржевик убежден, что кратковременное падение процентных ставок во Франции не имеет большого значения, но при этом думает, что другие биржевики сочтут его важным, тогда он должен действовать так, как будто это на самом деле важно.

•СПИД НАШИХ ЭКОНОМИК»

307

кажется, что все крупные игроки получают прибыли в этой игре. Время от времени какие-то крупные инвестиционные компании переживают сильное падение или происходит крушение банка, но, как представляется, все они получают от спекуляции валютой больше, чем от других, более консервативных инвестиций.

Деньги стали, скорее, рынком, а не средством для рынка. Как писал Уильям Грейдер, «деньги предназначались для того, чтобы быть нейтральным агентом коммерции. Ныне они стали невротическим хозяином положения». Отказавшись от золотого стандарта и от обменных курсов валюты, установленных соглашением в Бреттон Вудс 1944 года, правительства всего мира согласились с тем, что валюта каждой страны будет находить собственный обменный курс. Национальные правительства все еще предпринимают попытки оказать влияние на курс хотя бы на краткое время, но им не хватает сил контролировать его. Один способ оказывать на него влияние — с помощью процентных ставок, которые они выплачивают по облигациям. Например, если Соединенные Штаты предлагают более высокую прибыль, чем Германия, большему числу инвесторов будут нужны доллары для приобретения американских облигаций, и меньшему числу инвесторов потребуются марки, что, таким образом, повышает стоимость доллара относительно марки. Именно тогда, когда корпорации начинают усиленно закупать собственные акции, чтобы уменьшить их доступность и увеличить спрос, повышая таким образом цену на них, правительства могут повлиять на обменный курс своих валют. Их национальный банк может купить собственную валюту в больших количествах, прилагая усилия для того, чтобы поднять цену, или он может продать большие количества на международном рынке, чтобы заставить цены упасть.

Несмотря на эти усилия, правительства не могут удерживать приливы и отливы на рынке. Когда в 1995 году упал мексиканский песо, президент Клинтон бросился на помощь с 53 миллиардами долларов, но этого оказалось слишком мало, чтобы спасти песо на международном валютном рынке. Мексиканская экономика играет относительно небольшую роль на мировой арене, и ее валюта традиционно была «неустойчивой», но даже в крупней-

ших государствах дела у политических банкиров обстоят не намного лучше. Неважно, какие ресурсы они привлекают для того, чтобы удержать марку или доллар на определенной отметке, но если все инвесторы убеждены, что они изменят курс и ожидают этих изменений, правительство сможет заглушить эти рыночные настроения лишь на относительно короткий срок. В конечном счете побеждает мнение рынка.

Даже когда несколько стран объединили свои усилия для контроля над рынком, они не смогли его контролировать. 22 сентября 1985 года Соединенные Штаты, представленные государственным казначеем Дональдом Риганом, и министры иностранных дел Японии, Германии, Великобритании и Франции встретились в Сити Нью-Йорка. Из величественного отеля Плаза они объявили о взаимном согласии всех пяти правительств о постепенной девальвации доллара. Рынок немедленно отреагировал на слово «девальвация», проигнорировав слово «постепенная», и опустил доллар до нового низкого уровня.

Крупные финансовые институты, такие как Саломон Бразерс, Сити Банк, МНГ банк (Международная нидерландская группа) или Голдмэн иногда могут применять подобную практику, чтобы слегка подтолкнуть стоимость одной валюты вверх или сдержать ее на какое-то время. Несмотря на это кратковременное влияние, однако, в конечном счете рынок оперирует в результате тысяч решений, принимаемых тысячами различных инвесторов и институтов, действующих на основании собственной информации, собственного анализа и своих индивидуальных интересов, потребностей и целей. Проигравшие в этой игре иногда бывают другими крупными финансовыми институтами. По большей части проигравшие — это налогоплательщики, чьи правительства пытаются поддержать валюту, когда течение рынка идет против нее, или понизить ее стоимость, чтобы защитить экспорт.

Биржевики частных инвесторов должны быть быстрее и хитрее. Если они постоянно теряют деньги, они потеряют своих клиентов. Национальные банки не работают при таких ограничениях; в конечном счете они работают на правительство, а цель правительства состоит не в том, чтобы получить прибыль, а в том, чтобы проводить опре-

деленную монетарную политику на данный момент — расширить или ограничить денежный запас, поднять национальную валюту или позволить ей скользить. Банкиры-бюрократы судят о том, насколько они выполнили свою задачу, не по тому, сколько денег они выиграли или потеряли, но насколько они достигли политической цели. Если они теряют деньги, вина за это возлагается на рынок, а не на них. Налогоплательщики, знают они это или нет, должны платить по счету; это — часть цены правительства. Таким образом, правительство субсидирует торговлю валютой и спекуляцию. Без вмешательства правительства было бы до боли мало прибыли от таких усилий. Чем больше правительственные банки борются за контроль над валютным рынком, тем больше денег можно сделать в валютных спекуляциях, поскольку правительство всегда стремится действовать против рынка.

Каждый раз, когда Федеральные резервы сообщают, что вложили 3 миллиарда долларов, чтобы защитить доллар, они на самом деле пожертвовали эту сумму потенциальных прибылей валютным спекулянтам всего мира. В конце года, когда институты, спонсируемые правительством, показывают свои доходы и убытки от биржевой деятельности, может показаться по цифрам, что они конкурируют с другими институтами, таким образом проигрывая и выигрывая, когда фактически они лишь проигрывают. Казначейство Соединенных Штатов и Федеральные резервы располагают значительно меньшей властью, чтобы контролировать стоимость доллара, по сравнению с Итальянским банком, контролирующим лиру, или тайландским правительством, контролирующим бат. Чем больше валюты продается, тем меньшей властью обладает любое правительство для контроля над ней; чем меньше ее продается, тем более мощным и значительным становится любое вмешательство данного правительства. Как разъяснял бывший валютный биржевик Тед Фишман, даже если отдельный биржевик выигрывает, он теряет как гражданин: «Я теряю как гражданин и налогоплательщик до тех пор, пока Казначейство Соединенных Штатов и Федеральные резервы продолжают тратить общественные средства на вмешательство, раздаривая доллары парням с компьютерами».

Валютные брокеры, играющие против бюрократов, практически каждый раз выигрывают. Инвесторы и банкиры наносят поражение правительственным чиновникам и их советникам по экономике. В последнее десятилетие XX века биржевая торговля валютой придала новый смысл и новый цинизм замечанию Вольтера о том, что «вообще искусство правления состоит в том, чтобы забрать как можно больше денег у одной части граждан, чтобы передать их другой».

Неважно, насколько крупны, опытни или властны та или иная личность, тот или иной институт или даже то или иное правительство, все равно они не могут контролировать международный валютный рынок. Рынок действует от электронных импульсов, носящихся в воздухе, вне и за пределами сферы контроля любых определенных компаний, банков или биржевиков. Парадокс валютной системы, регулируемой правительством, состоит в том, что правительство располагает слишком малыми возможностями установить в конечном счете контроль над стоимостью на мировом рынке. Правительство может регулировать, но решает рынок.

После каждого технологического изменения формы денег вспыхивает острая борьба за установление над ней контроля. Электронная революция обещает быть величайшей переменной характера денег с момента изобретения монет, а борьба за контроль над ними грозит обрести самую острую форму, доселе невиданную.

18. Век денег

Он определенно новый, этот революционер — и нам нужно бояться его, как черта.

Банкир Шолом Розен

Деньги начинались в виде простого товара из меди, серебра, ракушек и золота; но сегодня они включают монеты и банкноты, чеки и банковские счета, цифры в гроссбухах и пластиковые карточки, электронные сигналы на экранах компьютеров и числа, хранящиеся в микросхемах. Финансовые газеты регулярно отслеживают предложение денег, применяя несколько различных определений того, чем могут быть деньги и когда они должны включать такие статьи, как облигации, банковские счета и другие финансовые артефакты. Как представляется, эксперты в области денег находятся в замешательстве относительно того, как определить современные деньги, и тем более — как их измерять.

С момента изобретения денег около трех тысяч лет тому назад люди ссорились из-за них и боролись, чтобы заполучить их как можно больше в какой бы то ни было форме: в золотых слитках, серебряных самородках, медных монетах, бумажных банкнотах или ракушках каури. Деньги никогда не были спокойным, пассивным инструментом и никогда не оставались долго в одном и том же месте или в одних и тех же руках. В течение веков западная мифология и литература вели хронику радостей и страданий людей в процессе добывания или утраты больших сумм денег, но за всеми этими историями стоит другая даже еще более важная история непрерывной борьбы между великими державами, крупными институтами и властными личностями за контроль над производством и распределением самих денег, чтобы дать точное определение того, что есть деньги. В ходе истории разные фракции и

институты контролировали производство и регулирование денег — государства и их разные подразделения, церковь или особые религиозные ордена, торговые лиги и гильдии ремесленников, семьи банкиров и частных промышленников, национальные банки валютных брокеров, — и каждый играл особую роль в данный исторический момент. Люди боролись за деньги не только потому, что они дают богатство и роскошь, но, что еще более важно, потому, что они облачают властью их владельцев. Это волшебный ключ к тому, чтобы сформировать армии и сдвинуть горы, построить замки и города, править на земле, в воде и в воздухе, прорыть каналы и спускать корабли на воду, обрести всяческую власть над другими людьми и лишиться этой власти.

Коммерческая система современного мира началась с путешествий Христофора Колумба в Новый Свет и Васко да Гама в Индию. Впервые в истории корабли переплывали через бурные моря и заходили в порты каждого континента в глобальной системе торговли. Путешествия Колумба и Васко да Гама открыли великую эпоху международной коммерции. Путь к власти и богатству в эпоху меркантилизма лежал через морские перевозки и торговлю.

Два века спустя после начала глобальной торговли установились постоянные торговые пути, и множество конкурентов боролись за то, чтобы перевезти специи и шелка из Азии в Европу, рабов из Африки в Америку, а серебро и сахар из Америки в Европу. Контроль над торговлей проходил из Португалии и Испании в Англию, Голландию и другие европейские государства. Постепенно во второй половине XVIII века возник новый путь к богатству, пролежавший через развитие промышленного производства в Англии. Центр активности и величайший источник прибылей переместился из торговли в производство, — центр, который сохранялся почти до конца XX века.

Богатство перешло от торговцев к промышленникам, которые производили ряд товаров, начав с текстиля, но быстро перешли к производству стали и других металлов. По словам Карла Маркса, великого критика промышленного капитализма, власть и богатство находи-

лись в руках тех, кто владел «средствами производства» — владельцев заводов. В XX веке производство сосредоточивалось на потребительских товарах, от автомобилей в начале века до компьютеров в его конце, а также на обеспечении постоянных поставок вооружений для частых войн, доминировавших в этом веке.

Точно так же, как португальцы и испанцы не могли удержать свою монополию на глобальную торговлю в столетия после Колумба и Да Гама, промышленные страны не смогли удержать свою монополию на производство, которое быстро распространилось в Северной Америке и Японии, а вскоре и во всем остальном мире. Производство из экономического новшества превратилось в нечто само собой разумеющееся. Вскоре Бразилия и Индия смогли обогнать в области производства своих бывших колониальных хозяев. Компьютеры и текстиль можно было производить гораздо дешевле в Малайзии и Мексике, чем в Германии или Соединенных Штатах.

В заключительные десятилетия XX века стало ясно, что производство более не управляет экономикой так, как в предшествующий век. Владельцы средств производства лишь редко были отдельными личностями или отдельными семьями, и, уж конечно, они более не составляли какой-то особый класс; компании принадлежали миллионам держателей акций — от пенсионеров, живущих на ограниченный фиксированный доход, до миллиардеров, владеющих акциями в сотнях корпораций. Во вновь возникающей системе власть переходит под контроль нового класса финансистов, которые иногда владеют, а иногда лишь управляют, громадными суммами денег через брокерские конторы, банки, планирование пенсий, страховые агентства или управление фондами взаимопомощи. Они больше не занимаются перевозкой специй, шелков или рабов по миру, так же как не контролируют производство ракет, видеомagneтофонов или кофемолок. Они контролируют денежный поток или, точнее, форму денег. По мере того как деньги меняют форму от металлической и бумажной до пластиковой и компьютерных микросхем, эти финансисты управляют перемещением денег из одной национальной валюты в другую, из акций в муниципальные облигации, из сертификатов

деpositных вкладов в покупательские опционы, из вкладных в фонды взаимопомощи или из валютных фьючерсов в «мусорные» облигации.

По мере того как значение денег растет, разворачивается новая борьба за контроль над ними в наступившем веке. Вероятно, мы станем свидетелями продолжительной эры конкуренции, во время которой появится, будет быстро распространяться и исчезать в бурных волнах много типов денег. В стремлении установить контроль над новыми деньгами, чтобы стать главными финансовыми институтами новой эры, борется множество соперников.

История неоднократно показывала, что ни правительство, ни рынок сами по себе не способны регулировать деньги. От Нерона до Никсона правительственные чиновники и финансисты пользовались своей властью для того, чтобы приспособливать деньги для своих личных краткосрочных выгод. Римские императоры уменьшили содержание серебра в монетах, чтобы оплачивать стоимость растущей численности армии и бюрократии, а французские банкиры и финансисты выпустили обесцененные бумажные деньги и акции для ничего не подозревающей общестственности. Начиная с римского денария времен правления Нерона и кончая французской ассигнацией времен герцога Арканзаса, политики и финансисты создавали усовершенствованные монетарные системы, которые поначалу улучшали экономическое положение, но в конечном счете, когда опьянение проходило, по счетам надо было платить и возвращалась реальная действительность, система денег пониженного достоинства терпела крах. Деньги, как и календарь и система мер, являются культурной конструкцией, которая может иметь произвольные аспекты, но для правильного функционирования им требуются стабильность и предсказуемость. Общество может иметь солнечный календарь, лунный календарь или даже сочетание обоих, но календарь должен иметь где-то якорь в реальном мире. Важной проблемой является то, что календарь функционирует как часть системы, которая стабильна и которую люди понимают. Точно так же, до тех пор, пока деньги стабильны, они могут базироваться на ракушках и бусинках, золоте и серебре, пластике и электронах, но им нужно быть полезными и предсказуемыми.

В последние несколько столетий правительства обеспечивали эту стабильность, регулируя свои валютные системы или контролируя банки, которые регулировали их. Национальные валюты ныне утрачивают свое значение, и мы сталкиваемся с совершенно новой системой. Ныне мы вступаем в переходный период, в котором будет много конкурирующих систем денег и их стоимости, при этом ни одна не будет господствующей.

В некотором отношении новая система будет похожа на примитивные системы, в которых много различных типов денег и ценных товаров действуют одновременно. Сейчас мы имеем параллельные и пересекающиеся системы денег.

Даже несмотря на то, что национальные валюты, такие как доллар и иена, могут продолжить свое существование, электронная технология производит деньги в таком изобилии форм, что, по крайней мере пока, государство не сможет управлять ими. Уже освободившись от контроля со стороны институтов родства и религии, деньги сейчас освобождаются от властной хватки государства и все более действуют лишь по законам рынка. После освобождения от государственного контроля роль денег в нашей жизни еще больше повысится по сравнению с прошлым. Со времени первого появления в мировой истории деньги создавали новые институты и образ жизни, в то же время разъеда и заменяя более ранние системы. Даже технологические и социальные изменения формы денег все больше расширяли их роль в нашей жизни. В течение веков деньги стали определяющей переменной величиной не только для коммерческих отношений, но во все большей степени для всех видов отношений — от религиозных и политических до сексуальных и семейных.

В глобальной экономике, которая все еще развивается, власть денег и институтов, построенных на ней, вытеснит экономику любого государства, комбинации государств или международной организации, ныне существующих. Стимулируемая и защищаемая властью электронной технологии, возникает новая глобальная элита, элита, которая не верна какой-либо определенной стране. Но история уже показала, что люди, которые делают

монетарную революцию, не всегда извлекают из нее для себя выгоду. Нынешняя электронная революция денег обещает еще больше повысить роль денег в нашей общественной и частной жизни, став над родственными узами, религией, профессией и гражданством как определяющим элементом социальной жизни. Мы стоим ныне у истоков Эры денег.

*Голо экономикус не позади,
а впереди.*

Марсель Мосс

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Изобретение денег.....	
Введение	
Мировой рынок.....	"
Форма денег.....	1®
Язык, понимаемый всеми нациями.....	19

ЭТАП I. КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕНЬГИ

1. Каннибалы, шоколад и наличные деньги.....	23
Шоколадные деньги.....	25
Деньги-товары.....	28
Современные товары.....	30
Любовь к золоту.....	33
Первые деньги.....	36
2. Пятый элемент.....	37
Богат, как Крез.....	39
Рыночная революция.....	43
Греческий гений.....	46
Первые экономисты.....	49
3. Преждевременная смерть денег.....	56
Империя, финансировавшаяся завоеваниями.....	59
Правительство пресыщения.....	62
Первое государство благоденствия.....	67
Прибыли от гонений.....	70
Дорога к феодализму.....	73
4. Рыцари коммерции.....	75
Невинные банкиры.....	75
Опасности успеха.....	79
Возвышение итальянских банковских семей.....	83
Волшебство банковских денег.....	36
5. Ренессанс: новые деньги для старого искусства.....	92
Слишком много истории для одного города.....	92
Первые среди равных.....	95
Монетарная мистерия чисел.....	98
Банкирское дело в эпоху Ренессанса.....	102
6. Золотое проклятие.....	Ю7
Сокровища Америк.....	Ю9
Мост из серебра.....	ИЗ
Революция цен: от богатства к лохмотьям.....	116
Золото Барокко.....	120
	191
Монетарная культура.....	

ЭТАП II. БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ

7. Рождение доллара.....	127
Распространение доллара.....	130
Тихоокеанский доллар.....	136
Последний серебряный доллар.....	139

8. Дьявольская чеканка.....	141
Деньги из шелковицы.....	143
Герцог из Арканзаса.....	148
Отец бумажных денег.....	152
Континентальный эксперимент.....	155
Чеканка Маммоны.....	158
9. Метрические деньги.....	163
Америка переходит к десятичной монетарной системе.....	164
Метрический фетиш.....	167
Научная революция.....	171
10. Золотой жук.....	177
Старая леди с улицы Иголки с ниткой.....	181
Рассказ о двух городах.....	186
Золотая дисциплина.....	189
Портрет королевы.....	193
11. Дорога, вымощенная желтым кирпичом.....	196
От рискованных операций до зеленых долларов.....	197
Золотой крест и чародей из страны Оз.....	203
12. Золотая игра политики.....	208
Национализация золота.....	210
Глупость Никсона.....	215

ЭТАП III. ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЬГИ

13. Дикie деньги и скрытый налог.....	225
Кокаиновые наличные.....	227
4 200 000 000 000 марок за доллар.....	232
Новая гиперинфляция.....	237
Скрытый налог.....	238
14. Гетто для наличных денег.....	244
Культура бедности.....	246
Неофициальная экономика.....	249
Стоимость наличных.....	251
Всемирная элита.....	256
15. Интерлюдия в пластике.....	258
Демократический долг и социализация риска.....	262
Магическая карточка.....	266
Престиж платины.....	269
Привилегии среднего класса.....	271
16. Эротическая жизнь электронных денег.....	274
Невидимые деньги.....	274
В поддержку торговых автоматов.....	278
Войны электронных денег.....	282
Назад к примитивным деньгам.....	290
17. Искусство валютного террора.....	295
Компьютерные малыши.....	297
Bellит отшит т отпев.....	302
• СПИД наших экономик.....	307
18. Век денег.....	312

ДЖЕК ВЕЗЕРФОРД

ИСТОРИЯ ДЕНЕГ

Борьба за деньги от песчаника
до киберпространства

Редактор *В. Акатова*

Художественный редактор *И. Марев*

Технический редактор *Г. Фатюхина*

Корректор *С. Мироновская*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0601207.

Подписано в печать 08.08.01 г.

Гарнитура Школьная. Формат 84х108/з2-

Бумага офсетная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 16,5.

Заказ № 0110140.

ТЕРРА—Книжный клуб.

113093, Москва, ул. Щипок, 2.

Оригинал-макет подготовлен

ГП «Сервисэлектронполиграф».

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.